Трансит

литературно-художественный и общественно-политический журнал фантастики

06-2012

В номере:

vachap
Ланч с Терри Бруксом

Александр Колтыпин
Эльфы – волшебный народ

Борис Богданов
Блазник

Доктор Спрут
Как заработать миллион , не нарушая закона ?

Интервью номера:
Кристэл Кэмпраби,
Наталья Минина

Кир Луковкин
Лидания

Натали Эннеберг
Солнце Туле

Содержание

vachap. Ланч с Терри Бруксом 3

Александр Колтыпин. Эльфы — волшебный народ 11

Интервью номера

Интервью с художником:
Кристэл Кэмпраби «Реалистичный мир фэнтези». 23

Наши авторы:

Борис Богданов. Блазник 27

Мария Виноградова. Приворот или как укротить мужа 34

Кир Луковкин. Лидания 43

Юмор номера

Доктор Спрут. Как заработать миллион баксов, не нарушая закона 52

Интервью номера

Фотограф Наталья Минина 54

Гвоздь номера

Натали Эннеберг *(перевод И. Найденкова)* Солнце Туле 57

Редакционная коллегия:

Вач — от которого зависит всё
zangar — от которого не зависит ничего
Nina — от чьего молчаливого одобрения зависит многое
Varak — от скупой рекомендации которого зависит то или иное

Для обложки использована картина Кристэл Кэмпраби «The Messenger»
С любезного разрешения автора
Интервью с Кристэл Кэмпраби читайте на стр. 23

vachap

Ланч с Тэрри Бруксом

Не каждый день удается провести ланч с любимым автором. Но вот мы во флигеле «Книжной галереи» Корт-Мадеры, штат Калифорния. Суббота, ранний вечер, мы едим сандвичи с холодной индюшатиной и ведем беседу о нелегкой жизни писателя. Я пытаюсь не уронить салат на штаны. Ланч длится пятнадцать минут, но и это многого стоит. А какое название будет у статьи.

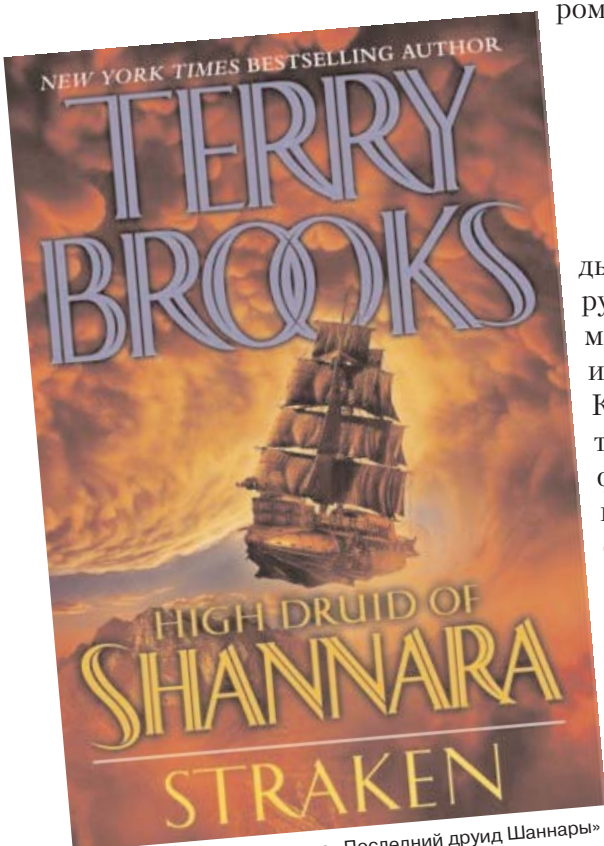
Я два дня вел переговоры о приобретении прав на книгу «Иногда магия работает». «Тор» решил издать этот биографический роман мистера Брукса, но нужно было внести несколько правок. После всех согласований Терри пригласил меня на свой мастер-класс. Я спросил о ланче, и он пообещал его. Класс состоял из восьми молодых писателей — пяти женщин и троих мужчин. Я сел в уголке. Брукс представил меня, как сотрудника крупного издательского дома, и две дамы начали проявлять ко мне живой интерес.

Тем временем Терри продолжил тему прошлого дня. Некоторые его рассуждения впечатлили меня. Если твой писательский труд не приносит тебе радость, найди другое хобби. Если ты гордишься только тем, что стал автором бестселлеров, то лучше прекрати писать и найди другой путь к славе. Создание книги похоже на кладку кирпичной стены или черепицы. Это утомительная работа, которая требует большого опыта и терпения. Начинающему писателю нужно выработать несколько привычек. Во-первых, нужно выделить для творчества особое время, которое далее будет считаться священным. День из дня писатель должен оберегать его, как зеницу ока. Не важно, где и когда ты пишешь. Важно, чтобы это продолжалось каждый день. Такое упорное излияние фраз на бумагу улучшает ваше мастерство. Брукс процитировал Азимова, который говорил, что писатель рождается в вас только после первого миллиона слов. И тогда вы готовы стать автором.

Далее, Терри предложил ученикам нечто простое и провокационное: читайте! Читайте и читайте. Не только фэнтензи и научную фантастику. Он сказал, что на его творчество повлиял не Льюис и Толкиен, а Уильям Фолкнер. На самом деле жанр сам находит писателя. Наоборот не получается. Но авторы, которые пишут вне вашего жанра, могут многому вас научить. Они откроют вам новые способы

для преподнесения историй. Уделяйте время чтению. Много времени.

После этих вступительных слов Терри перешел к плану занятий для класса. Всех учеников заблаговременно попросили представить на рассмотрение синопсис на 250 слов и первые пять страниц истории. Брукс начал с разбора синопсисов. На белой доске он написал фломастером несколько слов:



Терри Брукс. Обложка романа «Последний друид Шаннары»

Протагонист

Антагонист

Центральный конфликт

Дуга истории

Затем Терри принялся читать каждый синопсис, и ученики пытались обнаружить там наличие этих четырех элементов. Кто здесь протагонист — герой истории? Определен ли антагонист? Кто он или она? Молодые писатели пытались выделить центральный конфликт истории. Как он связывал протагониста и антагониста? И, наконец, что было дугой истории? Смыслом, который вел повествование от точки А к точке Б? Было ли это интересным путешествием?

На этой стадии началась боль. Позже одна из девушек, чей синопсис Терри выпотрошил первым, рассказала мне о своих переживаниях. Ей казалось, будто ее ногти вырывали один за другим. Во время разбора их синопсисов члены литературного класса понимали, что они упустили один или несколько главных элементов.

Протагонист

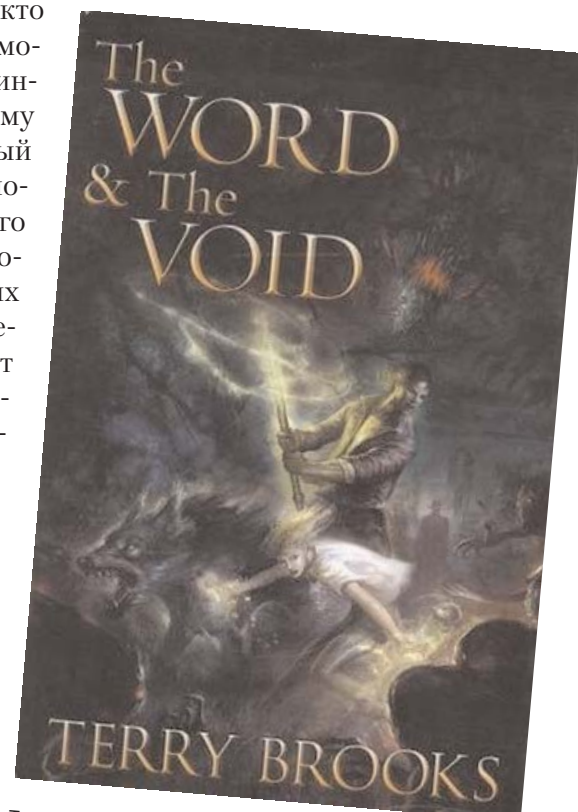
В этой теме мистер Брукс отметил несколько типичных ловушек. Многие основные персонажи не выдерживали даже легкой проверки дотошного циника. К примеру, почему юная жрица, пережившая уничтожение своего народа, сможет остановить безумного тирана? На каком основании она стала избранной? Что делает ее готовой для выполнения поставленной задачи? Почему девочка, доставляющая пиццу, будет той, кто остановит секретный конгломерат, имеющий технологии по остановке старения? Терри посоветовал никогда не добавлять к характеру опций, для которых у вас не имеется объяснений. Если ваш синопсис и главный

персонаж не выдерживают атаки циника, вам незачем писать такой роман.

Еще один совет от Терри. Сила персонажа может исходить из очень простых истоков (например, от веры). Протагонист должен заслужить свою силу. Если он получит ее от всемогущего бога, разработчика технологий или рыцаря-джедая, читатель почувствует скуку. Халява — вещь хорошая, но слишком уж однообразная.

Антагонист

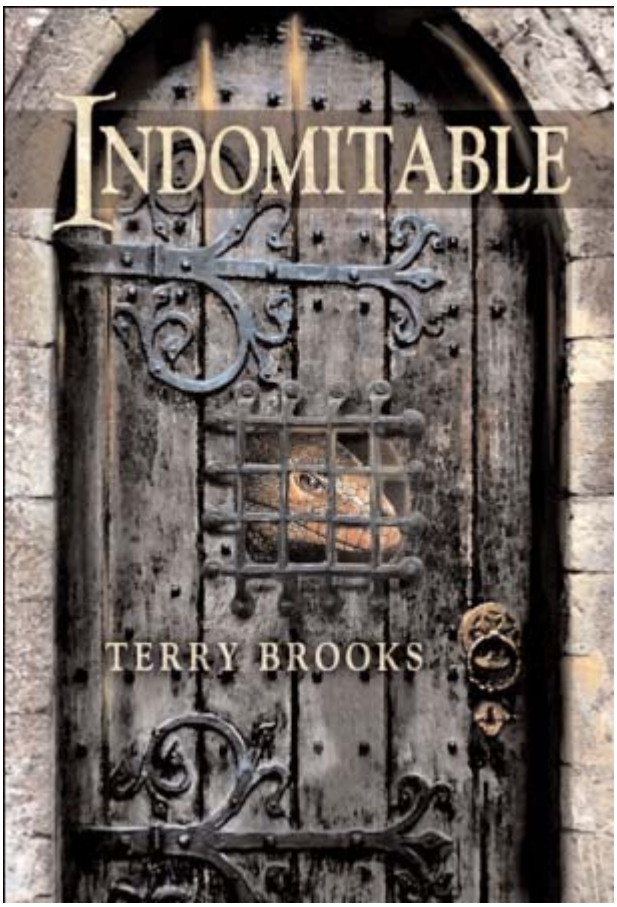
Это злодеи в вашем мире и, особенно, отвратительный ключевой злыдень. Антагонист добавляет в ваш вымысел человеческую драму. Это Дарт Ведер, противостоящий протагонисту — человек, который создает проблемы для главного героя, и который, возможно, является причиной или компонентом центрального конфликта. Интересно, что многие синопсисы молодых писателей не конкретизировали антагонистов. Они обычно обходились правительственным заговором, злым лордом или могучим колдуном, о котором много говорилось, но которого редко кто видел. Терри сказал, что мир фэнтези может иметь и такое построение, но истинный антагонист более близок к основному персонажу. Пусть это будет подчиненный злого лорда. Пусть он ненавидит главного героя, измывается над ним, делает его жизнь невозможной и жалкой. Все хорошие истории имеют ярко выраженных антагонистов. Слабые книги пренебрегают ими или вообще отказываются от них. Этот элемент добавляет драму в историю. Он украшает и обогащает повествование.



Терри Брукс. Обложка романа «The Word and the Void». 2008 г.

Центральный конфликт

Данный компонент истории показывает, против чего выступает главный герой. Это еще одно важное место, где авторы совершают ошибки. Терри сказал, что фантастика должна отражать истины в реальном мире. Только тогда история становится неотразимой для читателя. Мы видим в конфликте самих себя, нашу борьбу и неадекватность. Ценность хорошей книги не в том, что она дает технологию, позволяющую кораблям мгновенно переноситься через всю галактику. Ценность в том, что книга описывает побочные эффекты такого перемещения, которые заставляют человека почти разрушить космический корабль. Она описы-



Терри Брукс. Обложка романа «Indomitable». 2011 г.

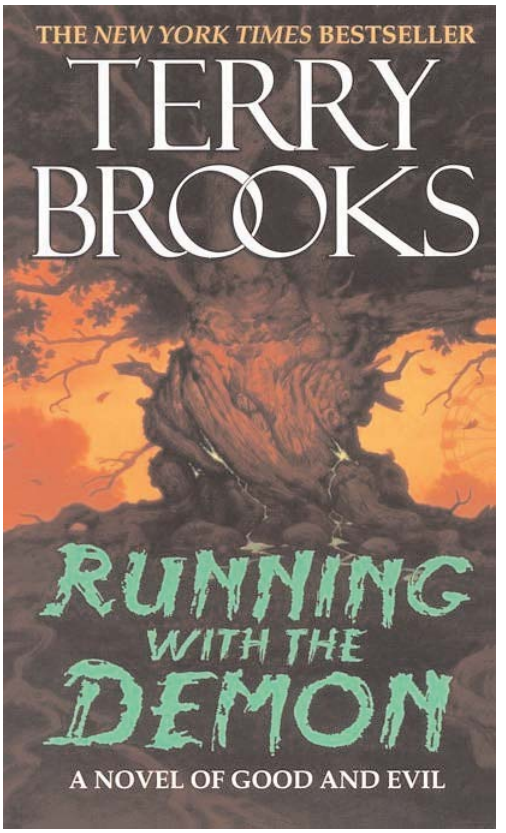
вает галлюцинации, заставившие его пойти на конфликт с остальными членами экипажа. Таким образом, центральный конфликт обращен непосредственно к читателю. Он находит укромные уголки человеческой души и цепляется за них. Этот важный элемент часто упускается из виду. А ведь именно протагонист должен решать центральный конфликт. Это Фродо на краю горы Дум — не Гендальф, а Фродо!

Центральный конфликт дает вам возможность рассказать о магии или технологи вашего мира — в зависимости от того, что вы пишите. Магия является трендом фэнтезийного жанра. Терри говорит, что магия должна иметь хорошо распознаваемый источник. Она никогда не должна быть сверхмощной. К примеру, в книге Брукса «Эльфийские камни Шаннары» протагонист с трудом контролирует магию. Иногда он может использовать ее, в другие моменты она не поддается ему. Такое неустойчивое поведение создает напряжение в повествовании и, тем самым, украшает историю.

Дуга истории

Каждая история как-то начинается и как-то заканчивается. Но только хорошие истории начинаются и заканчиваются хорошо. Терри говорит, дуга истории ведет читателя из точки А в точку Б. Величайшая опасность здесь скука. Одним из преимуществ синопсиса в 250 слов является краткость. Здесь все четыре элемента сведены для иллюстративного и объяснимого уровня. Это упражнение полезно для тех, кто хочет оценить свои перспективы в создании добротной истории. Терри советует использовать действия в сюжете либо для реализации план книги, либо для освещения персонажей. Действие по другим причинам будет излишним. Следует иметь в виду, что история создается на нескольких уровнях. «Текст» истории — это поверхностная фабула. Фродо и его приятель Сэм совершили путешествие в Мордор. «Подтекст» — это слой, который обращается к подсознанию читателя. Он может говорить о том, что даже один человек (или хоббит) способен

изменить весь мир. Понимание этих слоев создает голографическую картину истории. Фактически, каждая книга рассказывает много историй.



Терри Брукс. Обложка романа «Running With the Demon, ». 2012 г.

Читатели крепко привязаны к персонажам. Помимо протагониста и антагониста, сюжет имеет целый набор характеров, который движет план книги вперед к решению центрального конфликта. Но выслушивая синопсисы, я заметил, что молодые писатели слишком сильно фиксировались на внешних физических описаниях своих персонажей. *«На арену вышел Джо Варвар — гигант, с коричневыми волосами, голубыми глазами и вонючими носками. Ему противостояла Синди-волшебница — прекрасная женщина, с длинными рыжими волосами, зелеными глазами и улыбкой, которая плавила сердца всех орков в Незервинделле.»* Или того хуже: *«Император Калакитазамаскан имел четырнадцать архигерцогов, носивших красные ленты, шестнадцать архимагов, носивших желтые банты, четырнадцать дольцеров, двенадцать укропов и восемь пидж, носивших пурпурные эполеты. Каждый из них был знатоком запеканки из спаржи...»* Такие подробности, загружая читателя, приводят к смертельной скуке. Книга летит в стенку. Терри говорит, что 75% всего того, что вы знаете, вообще не должно входить в историю. Это потрясающая правда. Я читал интервью Дж. Роулинг, в котором она говорила о том же. Она создала целый архив о школе Хогвартс, но ни строчки из него не вошло в книги. Она лишь хотела создать порядок в своей вселенной. Вторя ей, Терри советовал ученикам: «Крутите персонажи в голове по несколько дней, прежде чем описывать их на бумаге. Смотрите на то, как они ходят, а не на то, какой у них цвет волос. Вы должны знать, что они едят на ланч. Но вам не нужно упоминать запеканки из спаржи, лишь потому что вы знаете такое блюдо.»

После ланча

После ланча с сандвичами все восемь молодых писателей остались без ногтей. Поэтому Терри принялся за ногти на их ногах. Он читал первые пять страниц их рукописей и, между делом, разбрасывал геммы своих откровений. Поскольку геммы возникали в контексте литературных примеров, они могут показаться вам не-

много разобщенными в статье. Но поверьте, там они точно описывали тему.

Гемма 1: На первых страницах книги должно произойти одно из трех событий: (а) Читатель встречает главного героя; (б) Читатель встречает антагониста; (с) Читатель знакомится с центральным конфликтом. Автор должен выбрать какой-то вариант, но один из этих элементов необходим. Одна из ошибок, отмеченных в пятистраничных примерах, касалась быстро перемещения повествования от персонажа к персонажу. Первые пять страниц должны пробудить интерес читателя, поэтому не нарубайте их на части с различными точками зрения. Оставайтесь с одним персонажем — (а) или (б) — и увлеките читателя историей.

Гемма 2: Какой бы трудной ни казалась тема, пытайтесь описать ее. Иногда авторы смущаются и уходят от описания трудных сцен. Но вы будьте храбрыми и смелыми. И, главное, пишите от всего сердца.

Гемма 3: Сюжет набирает особую силу в диалогах с движением. В сцене чувствует больше энергии, когда два персонажа обсуждают что-то и в то же время совершают определенные действия (рубят лес, бросают чары, заваривают чай и так далее). Если вы остановили мир, чтобы дать им пообщаться, читатель чувствует скуку. Внесите в диалог какое-то действие. *«Что привело прекрасную волшебницу в мою жалкую лачугу?— спросил орк, нарубая топором петрушку.— Вы не могли бы передать мне ту репку?»*

Гемма 4: Вовлекайте в сцену описания всех чувств. Чтобы создать стабильный мир, вы должны дать читателю сенсорную информацию. Что видят ваши персонажи? Что они обоняют, слышат, чувствуют?

Гемма 5: Название книги служит двум целям: *(1)* Оно идентифицируют жанр истории. *(2)* Оно говорят о содержании. В реальности название обычно определяется торговым департаментом издательского дома. Там работники знают силу названия. Да вам самим не захочется, чтобы ваша фэнтези называлась «Незабудки», потому что в 80 случаях из 100 она будет пылиться на полках с садовыми книгами.

Гемма 6: Научитесь быть своим критиком. Самокритичность — это мастерство, которое вам будет необходимо. Работайте над этим.

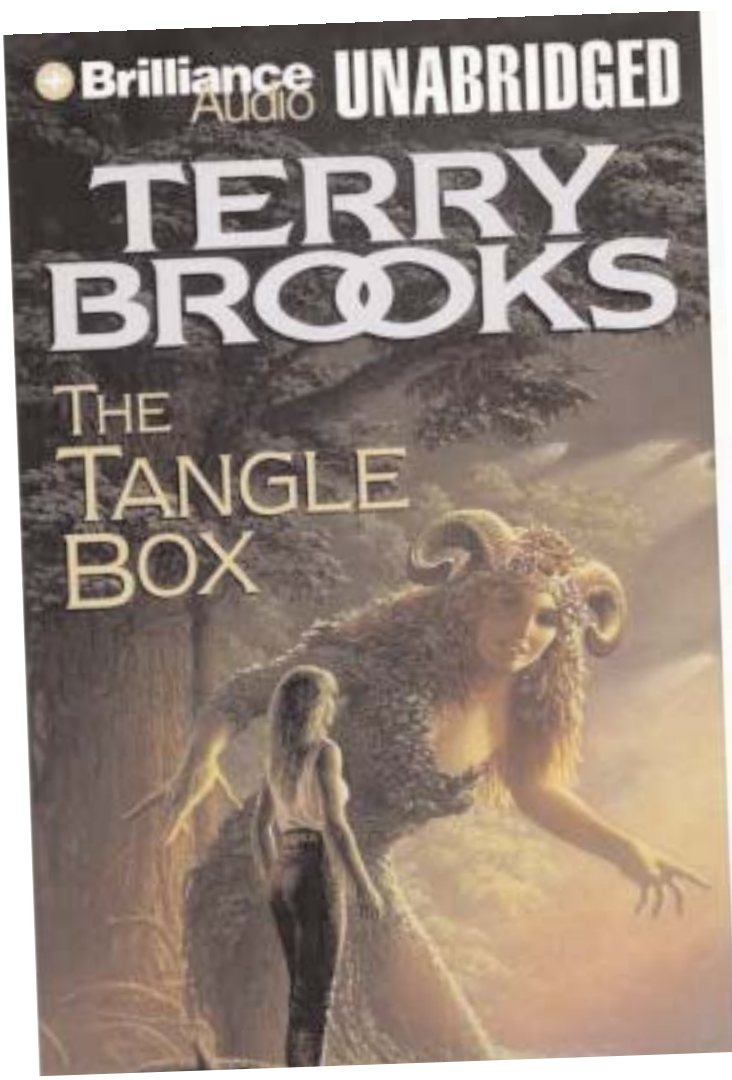
Послесловие

После того, как Терри закончил критиковать работы учеников, класс посвятил около часа вопросам и ответам. В частности, Терри рассказал, почему он создает наброски своих книг. На каждую планируемую главу он отводит параграф предварительного описания. Иногда параграф состоит из одной-двух фраз. Обычно там шесть или семь фраз. Этого помогает ему уплотнять первоначальный план. Так он гарантирует, что дуга его истории будет стабильной, что стратегия в развитии характеров останется под его полным контролем. Затем он начинает писать. На каком-то этапе процесса Брукс понимает, что книга — дерьмо. Между прочим, я слышал об этом феномене от многих авторов. То есть, это ощущение длится какое-то

время, а затем писатель понимает, что книга получается. Фактически, это путешествие или открытие себя. Оно никогда не заканчивается так, как вы предполагали это в самом начале.

Еще класс обсуждал объективное восприятие книг. Будучи автором, вы не можете читать рукопись, как читатель. Терри обходит эту проблему, используя интервалы времени. Для объективности восприятия он оставляет работу на несколько дней, а затем, вернувшись к ней, видит ее более ясно. Он советует мучиться и агонизировать своей работой. Это сделается вас более критичным.

Он поделился с учениками историей, которая понравилась мне. В одном из прежних мастер-классов он познакомился с очень вдохновенным автором. Рукописи парня были ужасными. Но он продолжал писать, работал над своим мастерством и улучшал его, как мог. Наконец, Терри рекомендовал его литературному агенту. Тут купил рукопись. В то же время другой известный писатель предложил агенту свое новое произведение. Из двух книг специалист выбрал начинающего автора. Конечно, произведение опытного автора было гораздо лучше, профессиональней. Но там не было сердца. Терри Брукс сказал: «Если вы не насытили текст своей страстью, издатели почувствуют это. Дайте волю своим эмоциям.» И издатели действительно чувствуют это. Вот почему литературный агент взял в работу книгу молодого автора.



Обложка романа Терри Брукса «Tangle Box». Это четвертая книга сериала «Волшебное королекство» (Magic Kingdom)

Я спросил, в каких суммах выражается успех фэнтезийного автора. Брукс ответил насмешливо, но искренне. Только лишь некоторые авторы неплохо зарабатывают на жизнь писательским трудом. Он считает большим успехом фэнтези в твердой обложке с тиражом в 30000 экземпляров. Средний успех периносит автору — $5000-12.000. Следует учесть, что литературный агент получает 15% от прибыли автора.

Позже одна из дам, посещавшая мастер-класс Терри Брукса, сказала мне, что она считает полученный опыт вполне достойным тех денег, которые она заплатила за участие в семинаре. Она услышал советы мастера фантастики. Она говорила с ним, училась у него. А ногти... они отрастут.

Александр Колтыпин

ЭЛЬФЫ – ВОЛШЕБНЫЙ НАРОД

Эльфы в традиционном понимании этого термина относятся к волшебному народу из кельтского и германо-скандинавского фольклора. В скандинавской мифологии их также называют *альвами*, а в кельтской мифологии — *сидами*. Эльфы являются постоянными персонажами сказок и произведений жанра фэнтези и чаще всего рассматриваются как духи.

Происхождение названия «эльфы»

В германских языках есть группа подобных «elf» слов: датское название «elv», англо-саксонское «aelf», шведское «alv», норвежское «alv» и исландское «alf-ur», что говорит о едином корне, а, следовательноо былом единстве представлений об эльфах среди предков всех современных германских народов. Некоторые исследователи связывают слово «эльф» с романским корнем «альб»— «белый», существует также мнение, что оно произошло от валлийского или ирландского «elly»/ «ailli»— «сияющий», восходя к шумерскому «ellu»— тоже «сияющий». Действительно, эльфов из ранних легенд отличало исходящее от них сияние *(Википедия)*.

Забегая вперед добавлю, что от относимых мной к эльфам апсар из индийской мифологии тоже иногда исходило сияние.

Александр Колтыпин закончил с отличием Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе, аспирантуру Института океанологии РАН и защитил диссертацию на тему «Геологическое строение и история развития южной части Корякского нагорья». В течение 15 лет участвовал в геологических экспедициях на Камчатке, Чукотке, хребте Джугджур (побережье Охотского моря), Командорских и Курильских островах, Тянь-Шане (Киргизия), Южном Казахстане, Урале и Мугоджарах. В начале «перестройки» им и группой единомышленников из МГУ, Института океанологии РАН, Института археологии РАН, Института Латинской Америки РАН, Института Востоковедения РАН и ряда других научных учреждений было создано Общество по изучению тайн и загадок Земли. А. Колтыпин был избран его президентом.

Общество выпустило около 30 научно-популярных книг по исследованию Непознанного, в том числе широко известные в странах СНГ книги серии «Книга тайн», «Тайное… Забытое… Невероятное…», «Иные миры» А. Горбовского и другие, которые разошлись 300-500 тысячными тиражами и переиздавались в Англии, США, Японии и других странах.

С 2003 г. по настоящее время работал главным редактором журналов «Природные ресурсы России», «Тайны. Открытия. Приключения», «Настоящий хозяин», «Вестник экологического образования в России».

В течение 20 последних лет собирал, анализировал и систематизировал научные данные по разным вопросам исследования Непознанного. В 2004 г., когда материалов накопилось слишком много, а исследования стали выходить далеко за рамки общепринятых научных теорий и размещенных в научно-популярных изданиях и Интернете околонаучных гипотез, стало ясно — пришло время представить взгляды широкой аудитории.

А. Колтыпин подготовил серию работ, часть из которых опубликовал в альманахе «Тайны. Открытия. Приключения.». Однако, довольно скоро стало понятно, что ни один журнал и альманах не в состоянии разместить всего, о чем он уже написал и о чем еще только собирался написать. Это стало сигналом для подготовки книг. За прошедшие 5 лет были написаны 3

книги серии «Книга утерянных знаний» — «Исчезнувшие обитатели Земли», «Битвы древних богов», «Земля до потопа: мир колдунов и оборотней». Первая и вторая (в виде четырех отдельных книг) уже опубликованы, третья почти два года назад сдана в издательство и должна выйти в свет в самое ближайшее время.

Как говорит он сам: «... мне так и не удалось ответить в этих книгах на все стоящие передо мной вопросы. Наоборот, после написания каждой новой книги вопросов становилось еще больше. Сейчас у меня достаточно материалов, чтобы подготовить еще, как минимум, 3-5 книг — о белых богах и путях их перемещения по Земному шару, о роли севера в жизни бессмертных, о колыбели «человеческой» цивилизации на Венере, о механизме катастроф и причинах дрейфа континентов, о Космическом разуме и «артериях», связывающих его со всеми живыми существами Вселенной. И я не сомневаюсь, что после написания, с Божьей помощью, любого из этих трудов вопросов станет еще больше. Непродолжительной человеческой жизни вряд ли хватит (другое дело, если бы это было раньше, когда «люди» жили по 100 тысяч лет), чтобы найти ответы на них. Поэтому я посчитал необходимым поделиться как можно раньше своими мыслями и гипотезами со всеми желающими.

Безусловно, одних книг для этого недостаточно. Это становится понятным при посещении книжного магазина — диву даешься, как мало в нем покупателей и как нелегко им порой найти нужные книги, которые к тому же стоят в 2-3 раза больше их себестоимости. Я оцениваю шанс того, что мои опубликованные труды попадут ко всем своим потенциальным читателям как один из тысячи — и это даже слишком оптимистическая оценка. Поэтому мной было принято решение создать сайт и знакомить на нем с результатами своих исследований как можно большее количество людей, проживающих в России и странах СНГ (русскоязычная версия сайта) и остальном мире (англоязычная версия сайта).

Надеюсь, его охотно будут посещать мои единомышленники, творчески настроенные люди, любители фэнтези, которые не могут смириться с тем, что человеку (как виду) всего 200 тысяч лет и он произошел от обезьяны и считают, что эльфы, феи, гномы, драконы и прочие мифические существа еще совсем недавно жили на нашей планете.

Я также верю, что на сайт будут заглядывать мои идейные противники: одни ради любопытства — чтобы познакомиться с моими гипотезами, другие — чтобы вдоволь посмеяться и показать, какую я несу ерунду, а может и написать что-нибудь обидное. Ну что же, милости просим, от этого рейтинг сайта станет только выше.

Светлые духи природы

В германо-скандинавской мифологии существует два типа альвов — 1) белые, светлые и добрые и 2) темные, мрачные и хитрые карлики. Первый тип, по мнению большинства исследователей фольклора — это и есть настоящие эльфы. А второй тип — не имеющие никакого отношения к ним цверги или гномы. Светлые альвы или эльфы считались мудрецами и волшебниками, обучавшими первых волхвов. Они были искусны в поэзии, музыке и многих ремеслах. Эльфы жили в Альвхейме *(стране эльфов)* и прислуживали богам — асам. Своим обликом они были прекраснее солнца. В английском, шведском, норвежском фольклоре и современной культуре эльфы стали относиться к духам природы, населявшим воздух, землю, горы, леса и жилища.

Согласно англо-саксонским легендам, от светлых эльфов произошла часть скандинавских валькирий. Валькирии считались бессмертными девами чудной красоты с золотыми (вар. — светлыми) волосами, ослепительно яркими голубыми глазами и белоснежной кожей.

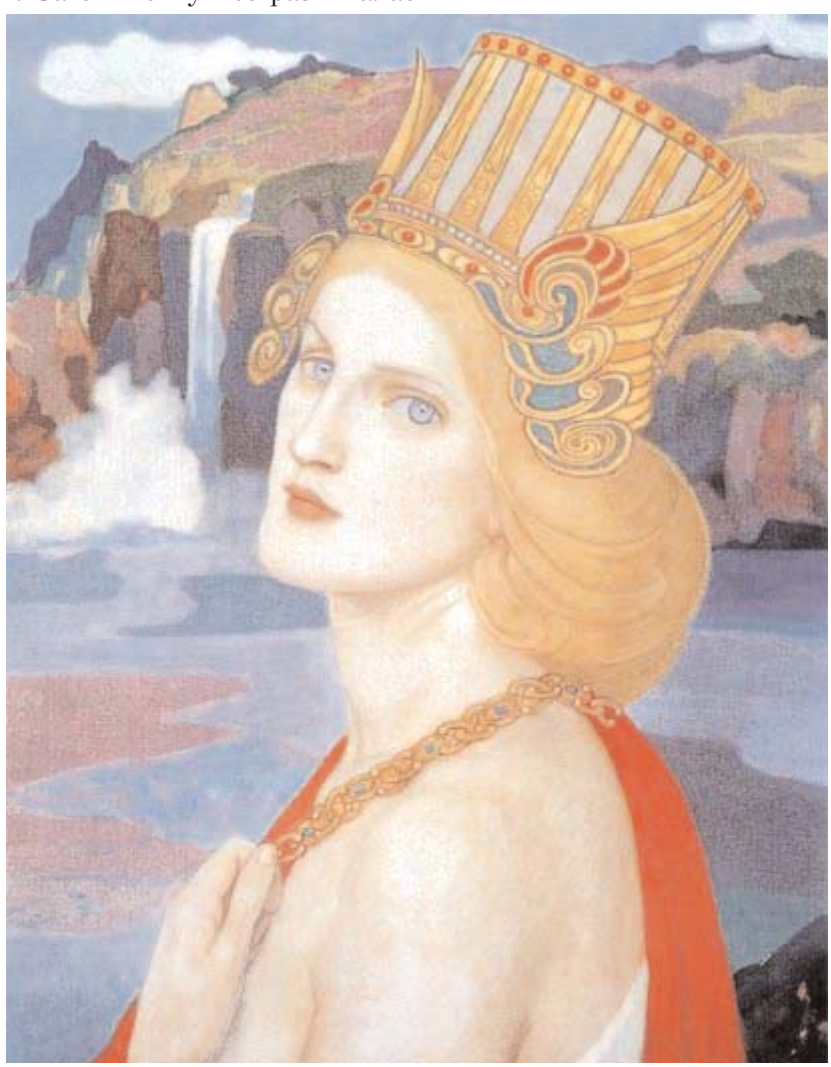
Примерно такими же изображал эльфов и оксфордский профессор англосаксонского языка Дж. Р. Р. Толкиен, судивший о них на основе скандинавской, англо-саксонской и кельтской мифологии. Он относил эльфов к древней расе и считал, что они были совершенны и ликом и телом. Некрасивых эльфов, по его мнению, не было, потому что они были созданы без изъянов. Эльфийские глаза — большие, всегда чистых цветов, обычно серые и голубые (небесные), но не зеленые.

Наконец, в числе посетителей сайта наверняка окажутся люди, которые в силу своего положения могут принимать самые ответственные решения. Я буду рад диалогу с ними о разного рода сотрудничестве — выступлению на совещаниях и конференциях, чтению лекций, проведению факультативных занятий со школьниками и студентами, подготовке учебных пособий, написанию статей в научно-популярные издания, участию в теле— и радиопередачах, съемке фильмов и конечно же — проведению научных исследований и экспедиций».

Ознакомиться и обсудить, поистине, невероятные исследования Александра Колтыпина, можно на его сайте: http://www.dopotopa.com

Духи «Волшебной страны» в ирландском фольклоре

В кельтской мифологии эльфами называется волшебный народ (по существу, те же духи), который жил в холмах — сидах и в ранних мифах был известен под названием «сиды». Эльфы были существами мужского и женского пола. Их правительницей была королева Медб — высокая стройная красавица с ярко-голубыми глазами и длинными светлыми волосами. За спиной у нее развивалась



Эйфи (Aoife) Художник Джон Дункан.
Это имя носила женщина-воительница, дочь Эрджейма (Airdgeimm), героиня древнего ирландского эпоса.

Марш сидов. Художник Джон Дункан (конец XIX-начало XX вв)

широкая мантия из тончайшего белого шелка. Мужчина, которому доводилось встретиться с Медб, вскоре умирал от любовной тоски. Другие эльфы тоже были очень высокого роста, а их красота могла сразу «ослепить» простого смертного. Одним прикосновением руки они отнимали у человека волю и разум.

Человека, случайно забредшего в их земли (это были всегда мужчины), эльфы, как правило, превращали в своего раба. Если же несчастному все же удавалось убежать и добраться до дома, к нему уже никогда не возвращался рассудок. Иногда бывшие пленники эльфов становились пророками или целителями, приобретая способность предвидеть будущее или лечить людей. Несмотря на это, в ирландской мифологии имеется множество сюжетов, в которых смертные и эльфы соперничали друг с другом, а люди проникали в их мир с целью сватовства или чтобы добыть чудесные предметы.

Есть также предания и исторические свидетельства (причем не только в Ирландии) о браках между эльфами, феями и людьми — например, Бекумы Белокожей с королем Ирландии Конном Ста Битв — и о рождении от них детей.

Мифологические и исторические эльфы

Согласно «Воспитанию в Домах двух Чаш», «Взятию сидов» и других ирландских саг, сидами, а затем эльфами, стали называться жившие раньше в Ирландии, Уэльсе и на севере Франции боги и богини Племени богини Дану (Туата де Данонн) после их поражения от Сыновей Миля Испанского (ориентировочно в 1700-700 гг. до н.э.). По одной из версий саги «Воспитание в Домах двух Чаш» (их

всего пять), страна была поделена на две части Аморгеном — поэтом и мудрецом гойделов (народ, к которому относились сыновья Миля), таким образом, что Племени богини Дану достался нижний, подземный мир. В нем и стали жить мифологические эльфы, о которых я сказал выше. Сиды не были единственным местом, куда, согласно преданиям, ушло Племя богини Дану *(Туата де Дананн)* после поражения от Сыновей Миля.

Кухулин — герой древней кельтской мифологии.
Художник Джон Дункан

В ирландских сагах также говорится, что народ Племени Богини Дану уплыл за море и поселился на таинственных островах — Брендана, Блаженных, Яблоневых...

Ориентиром местонахождения новой родины Туата де Дананн может служить фрагмент из саги «Приключения Арта, сына Конна». Племя богини Дану, собравшееся на совет в Стране Обетованной из-за Бекумы Белокожей (дочери Эогана Инбира), которая совершила прелюбодеяние, изгоняет ее в Ирландию: «Итак, она была изгнана по ту сторону морского пространства и великой пучины; и ее отослали именно в Ирландию, ибо Племя богини Дану ненавидело Сыновей Миля, после того как было изгнано ими из Ирландии».

В саге «Исчезновение Кондлы Прекрасного, сына Конда Ста Битв» указывается примерно то же расположение страны, где обосновались эльфы. Эльфийка, соблазнявшая Кондлу, пела ему:

«Давно влечёт тебя сладкое желание,
Со мной за волну унестись ты хочешь.
Если войдешь в мою стеклянную ладью,
Мы достигнем царства Победоносного.
Есть иная страна, далёкая,
Мила она тому, кто отыщет её.
Хоть, вижу я, садится уж солнце.
Мы её, далекой, достигнем до ночи».

Эта мифическая страна эльфов находилась за морем, вероятно, там, где садится солнце *(то есть в Америке)*.

Таким образом, после поражения от Сыновей Миля мужчины и женщины Племени богини Дану (Туата де Дананн) были оттеснены на периферию освоен-

Эйне из Племени богини Дану.
Фрагмент картины «Мерлин и кородефа фей». Художник Джон Дункан

ного пространства — за море, на острова, в недра холмов, которое получило название «Волшебная страна». А сами они стали называться эльфами.

Эльфы — боги и богини Племени Богини Дану (Туата де Дананн), жившие в Ирландии

Как следует из вышеизложенного, жившие с VI тысячелетия до н.э. до 1700-700 гг. до н.э. в Ирландии боги и богини Племени богини Дану (Туата де Дананн), по-существу, и были историческими эльфами (прототип мифологических эльфов из Иного мира).

В работе «Эльфы в Древней Ирландии. Тайна Племени богини Дану» я детально реконструировал внешний вид, одежду, способности и образ жизни этого народа. Поэтому отмечу здесь лишь их главные особенности. Эльфы были высокими, идеально сложенными, вечно молодыми и прекрасными юношами и девушками с очень светлой кожей, тонкими чертами лица, голубыми, серыми и, вероятно, зелеными (?) глазами и длинными золотистыми волосами, которые своей безупречной красотой могли свести с ума простых смертных. Эльфы были вечно молоды и не умирали от старости, что свидетельствует об очень большой продолжительности их жизни — например, бог Данда и богиня Банба жили более 3000 лет, а по некоторым данным, даже более 10 000 лет. Их можно было только убить.

В отличие от своих предшественников (кроме фоморов и Фир Болг) и преемников, Сыновей Миля, эльфы располагали тайным магическим знанием и владели секретами колдовства. Они были величайшими чародеями, обучавшими первых друидов. Эльфы могли оживлять умерших. Одной из важнейших особенностей этого народа была их чудесная магическая способность к изменению формы, внешнего вида и размера. Они могли превращаться в животных, птиц, рыб (лоша-

Фоморы — мифические существа, представляющие в ирландской мифологии демонические, тёмные силы хаоса, с которыми постоянно приходилось сражаться мифическим жителям Ирландии. Эти существа всегда тесно связывались с морем: их короли всегда жили где-то за морем, недоступная стеклянная башня Конанда, одного из царей фоморов, находится «на острове посреди океана». Но вообще, фоморы были обитателями потустороннего мира Ирландии, являющегося как бы оборотной стороной ирландской земли. Художник Джон Дункан

Хранители сокровищ. Художник Артур Рэкхем. 1904 год.

дей, волков, коров, лебедей, воронов, угрей и др.), уродливых старух, а также в различные стихии природы. Эльфы были не только величайшими чародеями, но и учеными людьми, обучавшими первых друидов, в совершенстве постигшими законы природы и умевшими ею управлять. Они имели всестороннее знание о целебных и энергетических свойствах растений и использовали их для лечения различных заболеваний, смертельных ран и при совершении заклинаний.

Эльфы также были весьма искусными ремесленниками и музыкантами, воинами и поэтами, а их оружие считалось самым лучшим и современным. Женщины пользовались почти такими же гражданскими правами, что и мужчины, и активно участвовали во всех мужских делах, даже в войне. Нередко они выступали посланницами на переговорах между враждующими сторонами, а также заседали в советах при заключении мира.

Эльфы имели обычай воспитывать детей на стороне либо в виде «залога дружбы», либо за плату — в педагогических целях, для закалки характера. Мальчики оставались на воспитании до семнадцати, девочки — до четырнадцати лет. Обязанности приемных родителей понимались очень широко. Близкая связь между молочными или сводными братьями устанавливалась на всю жизнь — иногда более прочная и глубокая, чем кровное родство.

Божественная раса бессмертных и чародеев

Как следует из ирландских (и валлийских) и в меньшей степени из германо-скандинавских преданий, эльфы представляли собой божественную расу волшебников и чародеев, наделенную долголетием или бессмертием, магическими способностями и похожую на самых красивых людей, только во много раз более прекрасных. Не случайно поэтому, что они всегда противопоставлялись людям и относились к существам между мифическими сверхлюдьми и божествами, божественным демонам, падшим богам или падшим ангелам.

В повести о Туане Мак Кайриле из «Книги Бурой коровы», записанной примерно в 1100 г., говорится, что никто не знает, откуда пришли в Ирландию Туата де Дананн, но что, «похоже, пришли они с небес, о чем свидетельствует их ум и совершенство их знаний». Согласно одной из версий (по-видимому, наиболее ранней) «Битвы при Маг Туиред», Туата де Дананн достигли Ирландии на темных тучах прямо по воздуху, опустились на гору Конмайкне Рейн и на три дня покрыли тьмой лик солнца.

Реконструкция «принцессы Кадын» Д.А.Кобзевым

Эльфы на Алтае, в Монголии и Китае

Ирландия, Уэльс, Северная Франция — далеко не единственные места, в которых обитали эльфы. Божественный народ, описанный Геродотом в «Истории» как Туата де Ану или «царские скифы», похожий на Племя богини Дану (Туата де Дананн) жил на Алтае, и, вероятно, в Монголии и на севере Китая во II тысячелетии до н.э. Вероятно, это были те же эльфы, которые отличались высоким ростом и «неземной внешностью», могли обращаться в грифов; их праматерью была Великая Богиня — «Владычица скифов». На Алтае сохранились умершие (или погибшие) представители «царских скифов» — правда, не совсем ясно, относились ли они к этому божественному народу, или, как показали исследования ДНК, мумий, большинство умерших (или погибших) представляли собой их смертных потомков — героев.

Особенно много их захоронений было обнаружено на высокогорном плато Укок. В могилах I—II тысячелетий до н.э. было найдено большое количество фигурок и изображений ушастых грифонов, стерегущих золото. Самая же важная находка, сделанная в 1993 г., — прекрасно сохранившаяся мумия (возрастом около 3 тысяч лет) «принцессы Кадын» — скифской женщины, внешность которой сильно отличается от рас и народностей, проживающих сейчас и живших в глубокой древности на территории Алтая. На левом плече мумии имеется сакральный знак — так называемый «алтайский грифон», в связи с чем некоторые исследователи «окрестили» ее Великой Богиней (Жрицей, Праматерью или Владычицей скифов). Согласно древним алтайским легендам Великая Богиня была прародительницей рода человеческого. Одна из них гласит, что на высокогорном плато Укок на Алтае, у подножия великих гор Табын-Богдо-Ола находится горный мир, «второй слой небес», населенный сынами неба. Именно здесь, много тысячелетий назад, жили существа (эльфы), обладавшие сверхъестественными способностями.

В работе О. Ткаченко «Хранители Земли» подродно описываются захоронения на плато Укок, в Монголии и Гобийской части Китая и приводятся фотографии светловолосых мумий людей с европейской внешностью.

Эльфы в Европе, России, Шумере, Египте, Индии и других местах Земли

Эльфы раньше населяли и другие области Земли. Так, Геродот упоминал в своей «Истории» о захвате финикийцами данайского святилища Белой Богини Ио в Аргосе — тогдашнем религиозном центре Пелопоннеса. Но ведь Белая Бониня и богиня Дану — это одно и то же, а к последней, как вы помните, относились люди или боги Племени богини Дану (Туата де Дананн). Ворд Рузенфорд в книге «Друиды» отмечает отчетливую параллель между ирландской богиней Дану и

Дети Мак Лира из Племени богини Дану. Художник Джон Дункан

Эльфы художника Фрэнка Браннера. С картины «Comes the Dawn».

средиземноморской богиней Дианой, которая в итальянской мифологии является королевой фей. В славянской мифологии тоже существует богиня Дана («Мать Воды» или «Вода-Мать»); кроме того, широко распространено представление о Дунае как «Матери рек», источнике изобилия, границе мира людей и потустороннего мира. С именем Дана, скорее всего, связано и название рек Дон в России и Шотландии...

Но это еще далеко не все — в своей третьей книге «Земля до потопа — мир колдунов и оборотней» и размещенных на сайтах работах «Исход белых богов. От Гиперборея до острова Пасхи» и «Эмансипированные женские общества — взгляд из глубины веков», я рассказал о том, что эльфы жили в Шумере и Вавилоне (богиня Инанна -Иштар — Астарта и др.), Египте (богини Хатхор, Сехмет, Тефнут, Мафдет, Нехбет и др.), Америке (белые боги Кецалькоатль, Кукулькан, Бочика, Виракоча и др.), по-видимому, в Китае (Сиван Му), Японии (Торе-мино и Торе-буре) и других странах.

В работах « Гандхарвы, апсары, Племя богини Дану — полубоги, ставшие духами» и «Гандхарвы и апсары — эльфы с других планет « и «Апсары, валькирии, богини Туата де Дананн, феи Авалона — эльфы, эльфийки. Еще раз об эльфийской цивилизации» я также показал, что гандхарвы и апсары (как и Племя богини Дану) — это те же эльфы, жившие на Земле с конца Мезозойского периода или начала палеогена (66 млн. лет назад) до I тысячелетия до н.э. — I тысячелетия н.э.

Кстати, гандхарвы передали людям божественные знания, в чем они были подобны скандинавским альвам и ирландским Туата де Дананн.

Великая эльфийская цивилизация

На основании всего вышесказанного мной был сделан вывод, что народ «богов», волшебников и чародеев, который назывался гандхары, апсары, Племя богини Дану, Туата де Дананн, Туата де Ану, царские скифы, валькирии, альвы и другими именами, или попросту говоря, эльфы, был довольно широко распространен на земном шаре — в разных местах и в разное время. Его численность, возможно, даже была сопоставима с численностью людей. Значит, эльфы могли быть целой расой и даже цивилизацией нечеловеческих существ, живших «параллельно» с другими нечеловеческими существами и людьми. Причем, согласно индийскому, ирландскому, славянскому, скандинавскому эпосу и преданиям многих других народов, все эти существа и люди вели жестокие войны друг с другом. В конце концов, почти повсюду «нелюди» были побеждены людьми.

Значит цивилизация эльфов или эльфийская цивилизация — это не фантазия, а историческая реальность. Правда, исторические эльфы, скорее всего, отличались от эльфов вымышленных — пришедших к нам из мира фэнтези. Мне так и не удалось найти ни в одной из ирландских саг сведений о том, что они (боги и богини племени богини Дану (Туата де Дананн), Туата де Ану, гандхарвы и апсары) имели длинные заостренные уши — ведь, согласитесь, именно так большинство из нас представляет эльфов. Скорее всего, таких данных попросту не существует.

© А.В. Колтыпин, 2010
(с исправлениями и добавлениями 2012 г.)

http://www.dopotopa.com

«Процессия Титании». Такими предстали эльфы на картине Тони ди Терлицци

Реалистичный мир фэнтези

Интервью с Кристэл Кэмпраби

Местожительство: Нанси, Франция

Хобби: Чтение, музыка, пение, фехтование,верховая езда.

Личная цитата: Сердце живет тем, во что оно верит.

Любимая книга и автор: «Властелин колец» Толкиена, Александр Дюма.

Вач: Какое у вас образование?

Высшая музыкальная школа в Париже (класс фортепьяно) и одновременно колледж, где я изучала средневековую литературу и кельтское фэнтези.

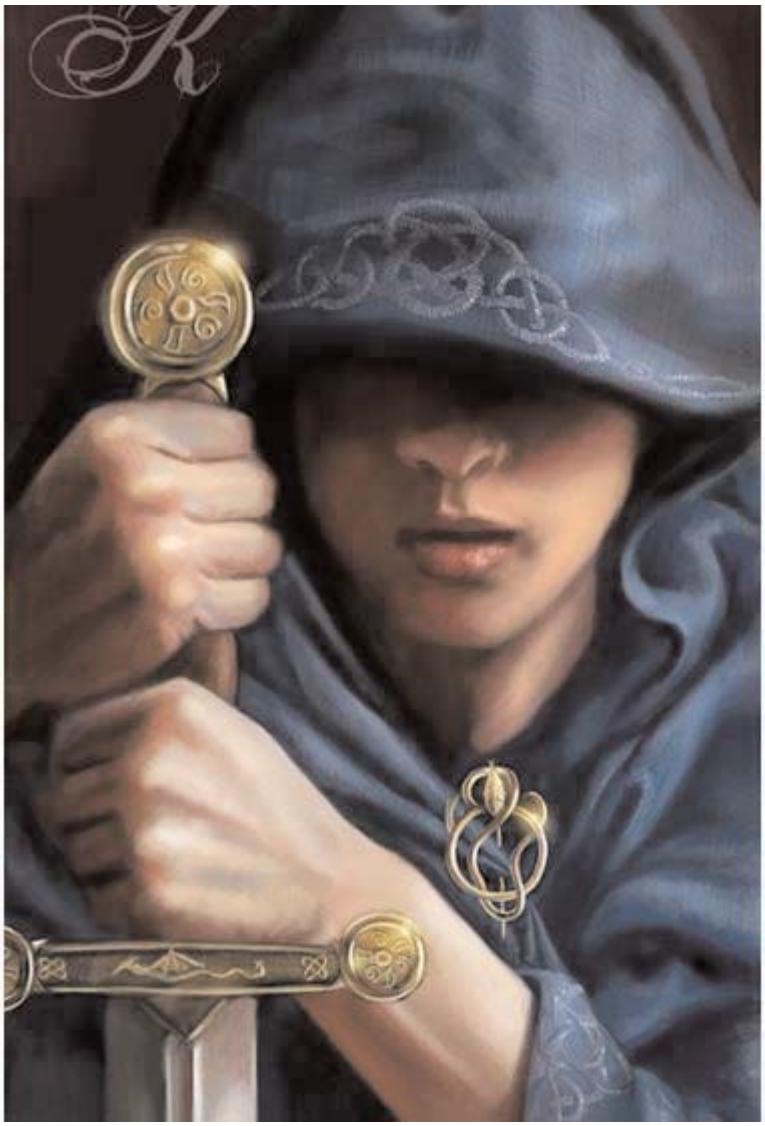
Вач: Когда вы начали рисовать:

Кристэл: Я всегда рисовала для своего удовольствия — сначала мелками, затем масляными красками. Но профессиональным иллюстратором я стала в январе 2003 года.

Вач: Как вы стали художницей?

Кристэл: Это забавная и немного необычная история. У меня всегда было желание о карьере в искусстве, такая всепоглощающая страсть, но я не думала, что сделаю это своей профессией. Однажды я познакомилась с известным художником — Войтеком Сьюдмаком и показала ему свое портфолио. Он сказал, что я должна стать профессиональной художницей. Затем в круг моих знакомых вошли художники Алан Ли, Джон Хав и Тэд Нэсмич. С их поддержкой я оставила все, ради красок, и пока не жалею об этом.

«Посланник» (The Messenger) © 2004 Krystal Camprubi



«Пророчество» (Prophètie)© 2009 Krystal Camprubi

Вач: Как вы можете описать свое творчество?

Кристэл: Как реалистичный мир фэнтези. Мне нравится изображать окна, которые открываются на чудесные миры. Люди часто говорят, что мои персонажи имеют печальную ауру. Но когда я рисую, во мне живет ностальгия, навеянная Толкиеном.

Вач: Где вы черпаете вдохновение?

Кристэл: Часто из снов. Иногда из небольших моментов жизни. Жизнь полна даров для тех, кто может наблюдать. Но чаще всего, вдохновение приходит от фильмов и картин других художников. Например, какое-то время я была очарована вселенной Брайена Фруда. Меня влекла его темная атмосфера, прикосновение к колдовству и магии. Но мои персонажи были добрыми и милыми женщинами из прошлого.

Вач: Кто повлиял на ваше творчество?

Кристэл: В техническом аспекте, это Вермеер и Рембрандт. Они были алхимиками света. Я стараюсь перенимать их опыт. С точки зрения персонажей, я ровняюсь на Уотерхауза. Мои героини деликатные и иногда беспомощные. Это я взяла у него. Что касается техники масла, то мне очень близок Алан Ли.

Вач: Что вы считаете величайшим успехом в вашей карьере?

Кристэл: Это было приглашение на Фестиваль Фэнтези. Перед этим я подготовила толкиеновский календарь для своего колледжа.

Вач: Какие перемены вы видите в жанре научной фантастики и фэнтези?

Кристэл: Я не могу подходить к такому вопросу объективно. Мне кажется, несколько десятилетий назад научная фантастика и фэнтези считались «литературой воображения». Для многих людей это было суб-литературой. Толкиен изменил это положение вещей. Теперь эти жанры имеют собственные поджанры и категории. Они так востребованы, что авторы уже ведут состязания друг с другом. Им хочется создавать оригинальные миры, непохожие на описанные ранее. Другие авторы интегрируют в свои произведения элементы модных атрибутов, но обогащают их по-своему. Мне очень нравится, что у читателей возрос интерес к литературному воображению.

Вач: Где публикуются ваши произведения:

Кристэл: В основном, в Бельгии и Франции. Я молодой иллюстратор, поэтому большие проекты у меня еще впереди.

Вач: Где можно купить ваши работы:

Кристэл: Для контактов у меня имеется вэб-страница:
www.krystal-camprubi.com

«Галоп улитки» (Breakin' the Snail)© 2008 Krystal Camprubi

«Голливуд навеки» (Hollywood Forever) © 2008 Krystal Camprubi

Борис Богданов

БЛАЗНИК

Поселение Торжище стоит у подножия холма, что испокон века зовется Торговым. Широкая мощеная дорога спускается к пристани на берегу могучего Сетиса. Из далёких стран, из-за моря пришли по нему купеческие суда. Деловитые работники, ёжась поначалу от предрассветной прохлады, перегружают товар на подводы, приказчики кричат, поторапливают. Неторопливые быки медленно втаскивают череду повозок на базарную площадь. А там!

Солнце ещё только глянуло из-за края дальнего леса красным глазом, а непоседливый людской муравейник уже шумит и волнуется.

Вот рыбаки, окончив ночное бдение, стали небольшим табором чуть поодаль, возле узловатого осокоря. Водная живность обильно грудится на низких помостах, прикрытая свежей травой. Шуршат в корзинах черно-зелёные раки, будущая закуска к молодому пиву. Разевают рты жирные караси, золотясь крупной чешуёй из-под широких листьев лопуха. Их ждёт печь и сметана. Свились кольцами угри, любители ольхового дыма, Лещ да щука, налим да сазан, прочей же серебристой мелочи без счета. В отдельном месте, в угрюмом одиночестве разлёгся сом — патриарх, уныло свесивший усы. И покупатели уже тут, пока рыба свежа.

За низкими изгородями загонов столпился разный скот. Дрожит воздух от блеянья и меканья. Тяжелые коровы равнодушно жуют, смотрят перед собой пустыми глазами. Горячатся скакуны, основательные тяжеловозы неторопливо гоняют просыпающихся мух и слепней.

Тут же обилие птицы, связки кур, откормленные гуси в плетенках, битая дичь.

Лавки зеленщиков, развалы невиданных фруктов, привезенных издалека побаловать детей и девушек-приверед.

Пыль, прибитая было росою, взбивается уже ногами продавцов, покупателей и просто любопытствующих зевак, из тех, что не поленились встать до света. Поднимаясь в воздух, смешивается она с тонкими ароматами благовоний и пряностей, запахами кож и съестного, миазмами отходов и отбросов и многим другим. Поэтому в каждом уголке большого базара стоит отдельный, неповторимый дух.

Людей всё больше и больше. Вот шествует степенно хозяйка, за ней бредёт слуга, сгибаясь под тяжестью корзины с покупками. Стайка подростков пробежала, хохоча; вслед им несется ленивая брань торговца, лишившегося десятка яблок. Девица застыла в задумчивости перед лавкой с украшениями; от серег, перстней, монистов рябит в глазах, но пуще всего притягивает её самоцветное ожерелье. Ох, берегись парень, дорого станет тебе её благосклонность! Что-то обсуждают не-

громко у лотка с охотничьим припасом мужчины, приказчик с интересом слушает, вставляя иногда несколько слов. Вот ударили по рукам, сделка состоялась, расстаются, довольные друг другом. Молодка придирчиво выбирает отрез среди штук полотна в открытом балаганчике. Её малолетний сын нетерпеливо дергает за подол, тянет к лотку с леденцами.

Лицедеи на дощатой сцене затеяли представление. Зрители подходят, толпятся вокруг, слышны первые смешки, мелкие монеты посыпались в выщербленную деревянную плошку.

Странник прошёл неторопливо. Лет тридцать — тридцать пять, полуденные годы, возраст полных сил и наступления мудрости. Высокий, светловолосый, с небольшой русой бородкой. Наверное, шёл он издалека, одетый в пропылённую свободного покроя долгополую одежду, в которой так удобно путешествовать. В холодный осенний дождь, в зной и мороз мёртвых пустынь, по извилистой лесной тропе или городскими улочками, с миром, а то и укрыв опасную сталь среди складок.

— Странно, наставник Тимофен, — молодой парень в форме Белого Легиона и лычкой ученика на рукаве обернулся, глядя вслед уходящему страннику.

— Что такое, Ивай? — его спутник, пожилой мужчина, чтобы не сказать старик, с готовностью остановился, опираясь на тяжёлый боевой посох.

Если бы не одинаковая форма Белого Легиона, двоих можно было принять за отца и сына. Оба горбоносые, ширококостные, рыжие, только шевелюра младшего горела рассветных огнем, а старший был уже скорее бел, чем красен. Лицо Тимофена обезображивал старый рубец, от переносицы к мочке левого уха, черная повязка прятала пустую левую глазницу, а плечи и спина готовились вот-вот проиграть схватку со временем. Ивай же был кожей чист, спиною прям, и видно было, что бурлит в нём молодая сила, готовая рвануть наружу при первом же случае. Но, конечно, не были они родичами. В Легионе, как известно каждому, близкие родичи вместе не служат. Чтобы родство не застило глаз в тяжелый миг, чтобы не выделять соратников из общего числа. В Легионе все браться.

— Странный, говорю, человек, — начал объяснять Ивай. — Идёт, видно, издалека, устал, а в харчевню не зашёл, рук не умыл, пошёл дальше в гору. Зачем?

— Забудь, коли человек, — Тимофен закашлялся, запёрхал. — Пыльно-то как...Что к полудню-то будет? Забудь. Что тебе люди? Оставь их стражникам. Кхе-Кхе... Напомни лучше, испытуемый Ивай, что говорит Закон о сути служения?

— Да, наставник, — парень помолчал и затараторил, как по писаному: — Древнее зло не избыто полностью, а лишь отодвинуто и раздроблено. С тех пор собирает оно рассеянные части, дабы в прежнюю силу войти. Суть служения нашего — оному собиранию препятствовать, сколько сил хватит. К частям тем относить следует: сущности малые, шкодливые, именуемые ...

— Довольно, — махнул рукой Тимофен. — Суть ты уяснил, вижу. А зло человеческое?

— Зло человеческое, наставник, присуще ему изначально, и с добром в равновесии пребывает. Люди привыкли прежде всегда о себе думать, потому зло человеческое с добром вместе слиты. Для надзора за людьми злыми стража предназначена. Легион же только за злом природным следит.

— Так-то вот, Ивай. Есть в нём природное зло, в прохожем этом?

— Не заметил, наставник, — Ивай развёл руками. — А если было бы, что тогда делать?

— Ивой! — Тимофен даже остановился в удивлении. — Если за спиной шкода сидит — что делать надо?

— Прости, наставник, вылетело из головы. Рубить — но осторожно.

— То-то же! Вот если бы это средняя шкода или блазник был — но не садятся они на людей. Никому такой тяжести не вынести. Даже если бы и сел, и то...

— Рубить?

— За подмогой, Ивай, бежать, — Тимофен хмуро насупился, потянулся в задумчивости к наглазной повязке. — Не заметить тебе блазника, пока он в силу не вошел. А как набрал сил — не нам с блазником тягаться.

— Наставник Тимофен, — Ивай копался в памяти, пытался вспомнить. — Что такое блазник?

— Великая сущность это, если по Закону. А так, попросту — блазник. Мелкие шкоды, они же отражения духов и божков, страхом, злобой, завистью питаются, чуют их и к ним ползут. Средняя на месте сидит, к себе, наоборот, тянет. Такие места следует обходить стороной или выжигать.

— Это как в Слепом бору, наставник? — глаза у Ивая загорелись.

— Да. Как узнаешь, что где-то собралась лихая ватага — знай, там и средняя шкода — стихийного бога образ, залегла, силы копит. А вот великая — пороки и зло наизнанку выворачивает. Зло добром представляет и тем соблазняет слабых. Потому и блазник. А уж если сразу два блазника в силу вошли! Это война и кровь, ведь каждый себя единственной и последней истиной мнит. Только откуда тут... Много людей требуется, зажечь надо, позвать...

— Зажечь?

— Да. Зажечь и за собой повести. Только заболтались мы с тобой! С мелочью сначала воевать научись. Будешь вместо урока языком трепать — так с лычкой и останешься!

Славный в Торжище базар, а всё же с городскими ему не равняться. И купцов поменьше, и товар попроще, да и покупателей пожиже. Люди простые, городским экивокам не обученные, правду обычно в лицо говорят. Мало что мелкой шкоде достаётся. Но чем поживиться всё же есть.

Надо сказать, трудно увидать шкоду обычным людям. Особым взглядом смотреть нужно. Необученный человек, или новичок, шкоду только случайно заметит, а заметив, не поймёт, только неудобство или неловкость почувствует, словно что постыдное, скрытое подглядел. Нельзя на неё прямо смотреть, избегает Зло прямого взгляда, под тайными покровами прячется. А вот краешком глаза, да с прищуром сквозь ресницы опознать можно. Выглядит мелкая шкода темным, бесформенным сгустком. Если очень сильно постараться и если время есть, заметишь конечности и глаза, что больше всего напоминают черные провалы среди глубокой тьмы. Краб не краб, паук не паук — пакость на ножках.

Сегодня, против обыкновения, много промышляло при базаре мелкого зла. Нет — нет да и мелькнёт чернильный клубок. Заспорили продавец с покупателем, в цене не сошлись. Уже забыли давно, из-за какой мелочи спор. Оба красные, жилы вспухли, кровь к голове прилила, того и гляди удар хватит. Кричат, надсаживаются, друг другу бороды заплевали, успокоиться не могут. А всё потому, что сидит между ними мелкий шкода и пьёт, пьёт, пьёт их силу, что в страсти и ругань уходит. Наслаждается, жирует, чуть не лоснится с довольства. Тут и наступает работа легионера. Тихо подойдя, спрятавшись между секундами, Ивай ударил заговоренным оружием — и назад, пока никто не заметил. Шкода неслышно крякнул, хрюкнул и разлетелся невидимыми брызгами.

— Так ты говоришь, уважаемый — полушку сбросить? — продавцу вдруг приходит в голову, что спорить-то не о чем, время куда дороже прибытку.

— Неплохо бы, почтенный, — покупатель утирает вспотевшее лицо.

Ему самому уже неловко, что из-за чепухи надрывался. «И что на меня нашло?» — думает он, расплачиваясь и укладывая покупки в торбу. «И что нашло на меня?» — недоумевает торговец, принимая и пересчитывая монеты: «Бес попутал, не иначе».

А легионеры уже идут дальше, обходя большой базар. Форма Легиона заметна издали, легионеры уважаемы в народе, поэтому перед Иваем и Тимофеном очищается узенький коридорчик в бурлящей толпе. Несколько шагов вперёд, осмотреться, еще несколько шагов вперёд... Черная клякса! Подход — удар — отход. Всё, как учил наставник Тимофен. Наверное, он доволен? Ивай оглядывается: Тимофен дышит тяжело, шагает трудно, опираясь на посох. Простое дело — перед приемом в Легион испытать ученика, да получается непросто. Будто со всей округи собрались шкоды у подножия Торгового холма. «Неужто поветрие?» — бормочет про себя Тимофен, утирая пот. Так бывает, люди ни сном — ни духом, но поветрие уже близко, уже точит и грызет изнутри. Шкоды чуют грядущие беды, слезы и смерть, собираются толпой. Не до испытания тут, не до обычных наставнических каверз. Ивай справляется пока, идёт без напряжения, будто прогуливается, не больше. «Ишь, как управляется! Хороший будет легионер», — размышляет Тимофен. — «Если поветрие переживет».

— Не спеши, Ивай! — бросает он. — Неспроста это всё. Пошли-ка перекусим. Заодно и подумаем.

Ивай и не думает возражать. Жарковато что-то, передохнуть в холодке кто же откажется?

— Как прикажешь, наставник Тимофен, — соглашается он, указывая рукой. — А вот и харчевня!

Во всех странах и во все времена проповедники говорят одно и то же. Темы проповедей меняются, но слова остаются прежними. О любви и ненависти, о горе и счастье, о своих и чужих. В конце концов, в проповеди не то важно — про что, как — важнее. Слушают тебя люди или проходят мимо, занятые мелкими своими делишками. Странник говорить умел. Расположившись чуть выше базара, среди невесть как занесенных на склон холма валунов, он перекусил нехитрой снедью, найденной в дорожной котомке, и скоро уже спрашивал о чем-то случайного прохожего. Поговорил прохожий со странником — и остался. Потом еще и еще. Когда же собралось у валунов десятка два любопытных, странник заговорил.

— Позволь налью тебе пива, наставник, — Ивай подхватил кувшин с пивом.

Тёмный, густой, с правильной горчинкой напиток был хорош, и грех было не отдать ему должное. Тимофен только кивнул. Занятый мыслями о возможном поветрии, он сумрачно оглядывал зал выбранного ими кабачка.

Торговый день был в самом разгаре, и посетителей в харчевне было немного. Вот ближе к вечеру, когда большая часть товара будет распродана, а сделки заключены, потянется народ. Кто обмыть удачную покупку, кто закрепить за столом сделку, а кто просто, передохнуть и перекусить перед дорогой домой.

— Клянусь, наставник, — разглагольствовал Ивай, заедая выпивку мелкой сушеной рыбкой, — у меня сегодня особенно хорошо все получается. Иду, а что-то вроде как под руку толкает: «Туда смотри, там проверь!» И точно! Там шкода и сидит. Ни разу сегодня не ошибся! Знакомо тебе такое чувство, наставник? Все в Легионе так умеют?

— Эээ... Как? Под руку, говоришь? — Тимофен оторвался от принесенного цыплёнка. — Не знаю, не встречал. Хотя, по-разному в Легионе нечисть чуют, у каждого свой секрет.

— Значит, это будет мой секрет, — Ивай взъерошил волосы. — Наставник Тимофен! Ты зачтешь мне урок?

— Посмотрим, погодим, день-то ещё не кончился. Успеешь глупостей наделать. Самые ошибки под конец случаются, когда уж хвост удачи видать. Вот о чём помни!

— Нет, наставник! Уж я не ошибусь, — мечтательно прикрыв глаза, Ивай словно прислушивался к чему-то внутри. Улыбка осветила его лицо. — Хорошо всё будет! Чувствую — ждёт меня в будущем удача! Всё сделаю, но не буду в Легионе последним человеком! Выжжем зло, выкорчуем под корень!

— Ты что, парень?! — Тимофен поперхнулся.

Слёзы брызнули из глаз. Откашливаясь, отплёвываясь, он сипел задушено:

— О чем заговорил, как заговорил... Никогда ты зло не изведёшь! Прослушал, что я про отражения и образы говорил? Их-то извести можно, а само зло как? Пока в людях злоба и зависть есть...

— Людей надо исправить, наставник! — Ивай и не думал отступать. — Наказать злых, образумить завистливых!

— Как? — Тимофен буравил ученика единственным глазом. — Люди — разные. Где разница — там и рознь, где рознь — там зависть и злость. Вот шкодам и пища.

— Объяснить, научить...

— Вот, к примеру, мы с тобой: ты юн, я немолод, ты ученик, я мастер, разные совсем. Научишь меня, как помолодеть?

— Должен быть способ! Мечтаю о...

— Замолчи! Нечего о таком грезить. А уж говорить и того более. Выйди-ка наружу, глянь, тихо что-то...

Странник говорил негромко, но получалось, что его слышал каждый в собравшейся толпе. И каждому, кто слушал, казалось, будто только к нему обращены эти простые, обычные, но ставшие вдруг удивительно важными слова. И каждый в толпе видел, что только на него смотрят усталые, добрые и нечеловечески мудрые глаза проповедника. Они заглядывали в самое нутро и заставляли сердце сжиматься в ожидании главного. Если сейчас странник позовёт — вся толпа, что застыла, боясь пропустить единое слово, качнется и побежит вперёд, как один тысяченогий зверь, услышавший голос давно отсутствовавшего хозяина. «Только позови!» — надеется каждый. — «Дай высокую цель, и я сделаю всё, что прикажешь!» Размести по брёвнышку города, запрудить Ерепень трупами врагов, залить поля их поганой кровью! «Только назови его имя!» — жаждет толпа, готовая жечь и убивать, но строить и создавать Во Имя — готовая тоже.

— Погоди, Ивай, не беги так, — Тимофен боролся с кашлем и одышкой, пытаясь угнаться за учеником.

Базар, несмотря на раннее еще время и погожий день, был пуст. Дико смотрелись прилавки, лотки и открытые лавки с завалами товара, но без единого человека. Ни продавца, ни приказчика, ни любопытного зеваки. Ни даже воришек на промысле, что обычно внимательно следят, не оставил ли кто товар без присмотра. Повисли бессильно ставни лавок, пыль клубилась в центре торговой площади, лицедеи забыли плошку с последним пожертвованием. Так и лежит она, поблёскивая остатками глазури и парой серебряных монет, а рядом крутится пыльный смерчик.

— Ох, не к добру это всё, наставник, — Ивай озабоченно вертел головой. — Где же видано, чтобы так всё побросали? Дождь сейчас пойдёт, испортит товар.

Когда легионеры подошли к месту проповеди, небо над Торговым успело затянуть тяжёлой мрачной тучей. Подвывал холодный ветер, норовя залезть под платье, но собравшиеся не замечали неудобства. Не заметили они и Ивая, раздвигавшего толпу грудью.

— Вера творит. Поверьте — и будет так, — убежденный голос проповедника достиг каждого.

— Так будет! — слитно откликнулся людской строй, и призрачные величественные храмы вознеслись вокруг, подпирая куполами и шпилями небо.

«Будет так»: — шепнуло что-то в сознании Ивая, и жарко запылали перед его глазами костры Инквизиции.

— Величие духа невозможно без веры, — продолжил проповедник.

— Невозможно! — повторила толпа, и упали полотна, скрывавшие до времени прекрасные скульптуры. Художник бросил последний мазок на холст, перед которым в благоговении склонятся поколения.

«Невозможно», — согласилось что-то, и Ивай увидел, как побежали одетые не по нашему люди, тщетно спасаясь от огня и меча осиянного истинной верой воинства. Ударила сталь, полилась первая кровь. «Её будет много!» — укоризненно сообщило что-то. — «Не допусти этого!»

— Я не допущу... — шептал Ивай, отодвигая с дороги завороженных слушателей. — Я спасу!

— Не ходи! — просипел сзади Тимофен, борясь с удушьем. — Погибнешь...

— Ты еще будешь гордиться мною, наставник, — Ивай заботливо усадил старика под акацию. — Жди меня тут. Всё будет хорошо.

Молния разорвала небо, первые капли дождя ударили по спинам и головам, вода потекла по лицам. Этого не заметил никто, а если и заметил, то не обратил внимания.

— Вера движет горы, — продолжал говорить проповедник, ласково оглядывая слушателей. — Она опора ваша и защита, она броня вашей души...

— Броня, — зачарованно выдохнули люди.

— Скажи мне, человек, — ухватив рукоять сабли, спросил вставший рядом Ивай, — защитит тебя вера от острого железа?

— Твоя вера защитит меня, солдат.

«Чего ты ждёшь? Убей!» — сабля толкала в мокрую ладонь. Ивай думал. Странник улыбался, высматривая что-то поверх людских голов. Внезапный дождь кончился, и надеяться Тимофену стало уже не на что: яркий солнечный луч осветил землю, но никуда не делась чернота, сгустившаяся вокруг двух фигур, что стояли у валунов. Язык тьмы, словно пробуя на вкус, постреливал, оглаживая поочередно проповедника и Ивоя.

Блазник выбирал.

Мария Виноградова

Автор о себе:

Разговариваю на трех языках: ирония, сарказм и некодифицированная лексика.
Что касается соцсетей…
зарегистрирована почти везде,
но бываю часто только здесь:
http://vk.com/id9170594

ПРИВОРОТ ИЛИ КАК УКРОТИТЬ МУЖА

— Люсь, ну Люсь, хватит реветь!!! Это все-таки мой день рожденья! — мы сидели на маленькой уютной Маринкиной кухоньке за рюмочкой чая в честь именинницы. — Это ж надо, вместо хорошего красного вина я капаю тебе валерьянку!

— Из..звини.. Просто устала с ним ругаться. Нервы не выдерживают.

— Ну и я виновата... Не нужно было шубой хвастаться, — накапав полфлакона целительного зелья, Марина поставила его передо мной, — Пей!

— Ты не виноватааааа.... — слезы лились ручьем.

— Так, ты можешь все по порядку рассказать? Или еще валидол найти?

Я замотала головой в знак протеста.

— Не надо... Все нормально. Просто... просто мой муж — скотина!!! — эта фраза сопровождалась то ли всхлипом, то ли хрюком...

— Это я уже слышу последние 15 минут, хотя на правду мало смахивает. Он же тебя любит, — попытка успокоить возымела обратный эффект.— Так, все, ты красивая молодая баба, с неплохой работой, отличной фигурой и заботливым супружником. А ревешь как недоенная корова.

Подействовало. Маринка всегда умела правильно подобрать образ. Я всхлипнула последний раз, залпом выпила валериану, запила бокалом вина и поведала историю своей «болезни».

— Понимаешь, Марина, я полгода назад увидела в магазине обалденную шубу. Знаешь, как бывает. Идешь, задумавшись о чем-то, вертишь головой по сторонам и тут бац! — и видишь вещь, которая должна тебе принадлежать!!! Даже не должна, она просто твоя!!! Минут десять я тупо стояла перед витриной, тихо пуская слюнки, а потом решилась. Фиг с ним. Просто примеряю! И все. Так и сделала. Магазин, правда, не из дешевых, но в конце концов, могу я себе позволить помечтать. И девочка-консультант знала свою работу.

— А что за шуба?

— Песец!

— Ну, это понятно, а из чего?

— Я же говорю — песец!! Голубой. До пят, мягкий, теплый, из новой коллекции, идеально сел мне по фигуре. Я чуть не разревелась в магазине, услышав цену.

— Что, так дорого?

— Да в том-то и дело, что нет. Не дешево, конечно, но и не заоблачная цена. В общем, так быстро домой, как тогда, я еще не добиралась. Кольки еще дома не было. Я приготовила утку с яблоками — его любимое блюдо -, открыла бутылочку вина, нарядилась пооткровеннее.

— В общем, приготовилась брать штурмом? Это ты правильно. С мужиками так и надо!

— Угу, сейчас! Он слопал утку, вылакал полбутылки и потопал смотреть футбол!

— А...?

— Сказал, что отлично выгляжу. Правда, мне повезло. Наши выиграли, и вечером у него было хорошее настроение. Короче, я ему выложила все начистоту!

— А он?

— Ничего. Видите ли, пан-барон решил сделать себе подарок — построить гараж! Его лапочке, т.е. машине, надоело «ночевать» на стоянке. Ну не свинтус???

— Свинтус, конечно! Да..., сочувствую. И все? Больше ты его не уговаривала?

— Конечно, уговаривала. Даже на ухищрения всякие шла.

— Мимо магазина водила, что ли? — усмехнулась подруга. В принципе, я ее иронию понимала. В жизни я достаточно тихий человек. Если мне сказали «нет», то на рожон лезть не буду.

— Не, это не помогло бы. Он на витрины не смотрит. Ты же знаешь моего Колю. Всё по делу, всё по списку, всё по плану ну и т.д. Я недавно в инете статью нашла, о мотивациях и проецировании целей и желаний.

— Что за бред?

— Ну, это когда ты находишь иллюстрацию своей мечты, или сама рисуешь, вешаешь на стену и смотришь на нее минут десять в день, представляя, что все уже случилось. В общем, я нашла в журнале картинку с почти такой шубой — сама понимаешь, художник из меня никакой...

— Угу, ты как маленький принц наоборот — рисуешь шляпу, а получается удав, который съел слона... — нет, Маринка все-таки стерва...

— Не сбивай! — ну, если я начала злиться, это уже хороший признак. — Картинку приклеила к картонке и повесила в спальне, напротив кровати. И мне смотреть перед сном удобно, и Кольке напоминание — вдруг совесть проснется, или любовь к своей жене.

— И что? Я так понимаю, не получилось.

— Ты правильно понимаешь. Через несколько дней я обнаружила на картинке дырочки...

— Взглядом прожгла, что ли? — подруга уже явно сдерживала смех. Да и я тоже, кажется. Нет, все-таки она у меня молодец.

— Марин, хорошо, что ты сидишь. Только не смейся сильно — Колька в нее дротики стал кидать...

— Что??? — и мы вместе расхохотались...

— Ну да, прихожу я как-то домой раньше времени, и вижу — лежит благоверный на кровати с бутылочкой пива и с энтузиазмом шпиляет дротики в мою мечту.

— Жестоко, — сквозь смех прошептала Маринка.

— Правда, это уже прогресс. Раньше он дартсировал на фотографии моей мамы!

— Эллы Марковны?? И что ты по этому поводу сказала?

— Ничего, подозреваю, что она делает тоже самое!

— Кидает в свою фотку дротики? — Марина отпила вина с серьезным видом, хотя выражение глаз говорило об обратном.

— Нет, не в свою, в Колькину...

— Да, высокие семейные отношения...

— Ой, а у самой! Типа твой Сашка с Людмилой Ивановной дружит! Мои хоть не ругаются!

Подруга подмигнула:

— Да уж, твои молча кидают друг в друга холодное оружие!!! — я скорчила обиженную физиономию в ответ. — Ладно, не обижайся. В каждой семье свои тараканы. Лучше скажи, что делать собираешься.

Я пожала плечами.

— А что тут делать? Мы вчера с ним поругались. Завтра ведь праздник, 8 марта, гараж он достроил.. Решила напомнить ему о шубе, типа, в международный женский день хочу обнову. Он фыркнул, сказал, что я его достала, что ничего не понимаю, что сейчас кризис, и он, как финансовый менеджер, не может позволить себе такой роскоши. Вчера не разговаривали, утром я убежала рано на работу, и вечером домой не заходила, сразу к тебе.

— Ну да, а тут я со своим подарком от мужа. Ты это, извини... я же не знала, что ты о шубе мечтала! — подруга виновато подернула плечами.

— Марин, ты тут совсем не причем. Это все Колька, ну и я...

— Так, давай-ка мы с тобой перейдем ко второму этапу лечения — у меня есть обалденный торт! Сливки, сгущенка, орешки!!! Мммм...

Именинница с загадочным видом и под урчание моего желудка после столь «вкусного» описания лекарства, полезла в холодильник. Но не тут-то было. Нет, холодильник открылся, и вместе с этим подозрительно взвизгнула Мариша — дверь агрегата зацепила какую-то книгу, и она успешно приземлилась моему «врачу» на голову. Пара минут непереводимой лексики пострадавшей, но я все-таки уговорила ее не выкидывать очень миленькую с виду книженцию с подозрительным названием «Бытовая маги для начинающих». Карманное издание, довольно потрепанная, видно, что пользовались не раз, ну ... или, по крайней мере, часто листали.

Я была немного озадачена. Марина во всю эту «чепуху», как она выражалась, не верила, и иногда, для поднятия себе настроения, в объявлениях, которые высели в большом количестве по городу, ставила запятые. Получалось следующее «Сниму, порчу». И вот у этого человека дома книга о магии, да еще и для начинающих!

— Это что? — я вопросительно уставилась на Маришку.

— Блин, а я думаю, чего Клавдия Петровна названивает постоянно! Это же надо было ее туда засунуть!!??

— Свекровь твоя, что ли?

— Угу, она самая. Моя «совесть» и «надзиратель» решила вступить в какой-то клуб для ведьм. Хотя, может, это и правильно — вписывается туда идеально. Все бы ничего, но она решила на нас эксперименты ставить. Возвращаемся мы с Сашкой домой, двери открывает, и тихо обмираем. Все окна в доме завешаны, полумрак такой..., и воняет, будто что-то где-то сгорело. А из зала бормотание слышится. Прям как в фильмах ужасов. Ну, мы вламываемся в комнату, а там все в свечах, какая-то дрянь под ногами хрустит, но главное, ГЛАВНОЕ, наше с мужем совместное фото стоит на столе, а эта старая курица его чем-то посыпает и нараспев произносит абракадабру. Она даже не сообразила, что мы пришли. В общем, скандал я закатила качественный. Так быстро Клавдия Петровна от нас никогда не уезжа-

ла. Пришлось еще в фирму звонить, чтобы убрали все.

— Ну дела... А что хоть она делала?

— Не знаю, и знать не хочу. Сказала, что брак укрепляла.

— Может...

— Угу, как раз тот случай! Она меня тихо ненавидит с самой свадьбы. Так, дай сюда этот хлам. Позвоню, скажу, что по почте отправлю.

— Подожди, — хотя мне стало не по себе, я все же очень хотела заглянуть внутрь, одним глазком, — давай посмотрим!

— Люся, я тебя умоляю, — фразу Маринка произнесла с еврейским акцентом, — не засоряй себе мозги!

— Ну, пожалуйста!!! — протянула я и посмотрела на подругу щенячьим взглядом.

— Ладно, пока я вожусь с тортом, читай. Потом спрячу.

— Ты настоящий друг, товарищ и сестра!!

— А то! — ухмыльнулась именинница и удалилась искать фарфоровые блюдца.

Не скажу, что я верила в магию, но... Случаи бывают разные. Поэтому я иногда просматривала кое-какие статьи в инете, читала какие-то газеты. Если проще сказать, мне было интересно. Книжка действительно была старая — 1902 года, но переиздана в смутные годы перестройки на дешевеньком ротапринте в каком-то кооперативе. Помню, помню — в то время подобных «издательств» было полно. Потрёпанные странички навеивали прямо-таки мистическое настроение. Так, вот заговор, что бы еды всегда была вкусной, а вот — чтобы тараканы в доме не водились. Хм, а это — вообще для чистоты в доме. Интересно, это как? Мусор сам будет выноситься? Так, от вредных соседей, от мышей, ДЛЯ мышей, чтоб куры неслись, чтоб корова нашлась. Нет, все хорошо, но не для меня. Это точно. И, наверное, не для нашего времени.

— Эй, я вернулась, — Марина возникла в дверях неожиданно, поэтому я успешно выронила книгу.

— Ну, нельзя же так! Я заикой стану! — подруга улыбнулась, мол, ничего с тобой не станется, а я подняла томик.

И обомлела — на открытой странице красовалось «Как усмирить мужа»! Просто в точку! Не верю я в совпадения!

— Марин! Нашла! Маринка, как же я люблю тебя и Клавдию Петровну!

— Эй, ты чего? — я протянула книгу.

— Не, Люсь, смеешься? Нет. Безоговорочно и даже не обсуждается!

— Марин, это мой последний шанс! Пожалуйста! А я тебе за это что хочешь сделаю!

— Нет, — именинница фыркнула, — из тебя ведьма никудышная, а из меня тем более!

— Слушай, вот не нужно, а! Ведьма может из тебя и никудышная, а вот характер далеко не сахар. Свекровь-то уже больше десяти лет выдерживаешь! Да и Сашу, как в ежовых рукавицах, держишь!

— Ага. Вот прямо змея подколодная! — возмутилась Марика, но подобное сравнение ей, похоже, польстило.

Минут 15 мы спорили, но в итоге я победила. Главное, чтобы Сашка не пришел раньше времени, а то на смех поднимет. Была, правда, одна загвоздка. Это был не просто наговор, в смысле, текст, который прочитал — и порядок. Нужно было еще сварить зелье, на которое потом и наговаривался текст. В общем, засада. Если с яблочным соком и солью проблем не было, то вот с ядом змеи, пером курицы и гусиным пометом...

Маринка, было, обрадовалась, что ничего не выйдет, но отступать я не собиралась. Хотя меня сильно мучила совесть, Кеша, — попугай подруги, все же лишился одного пера. Зато в клетке у него стало немного чище, если вы понимаете, о чем я.

— Ты не придерживаешься рецептуры, — серьезно сказала подруга, помешивая варево в небольшом ковшике., — И как, по-твоему, у меня сейчас воняет на кухне?

— Прости...

Попугай все еще возмущенно кричал из зала.

— Так, а что мы будем делать с ядом змеи? У нас дома точно никто такой гадости не держит, — продолжала бурчать Маринка.

Я выразительно посмотрела на нее. Она недоуменно посмотрела на меня. И мы друг друга поняли.

— То есть, ты хочешь сказать, что я гадюка?

— Ну, ты же сама назвала себя полчаса назад подколодной! За язык тебя никто не тянул!

— Нет, ты просто надо мной издеваешься! Не ожидала! Двадцать лет дружим!

— Марька, это последнее, о чем я у тебя попрошу ближайшие пару лет!!! Клянусь!

— И что ты от меня хочешь?

— Плюнь туда!!

— Круто! А ты не боишься, что это не сработает?

— Боюсь, ну лучше так, чем вообще никак, — потом мы минут пять молчали. Я корила себя за свое поведение и упрямство, Марина исподтишка наблюдала за мной.

— Вроде готово. Что дальше?

Мы уставились в книгу. Там «русским по белому» было «написано» мысленно представлять, что вы хотите от мужа.

— И? — Мариша подмигнула, — может ну ее, эту шубу? Лучше мужа поменять? Представь, ты, вся такая раскрасавица, а рядом идет сногсшибательный высокий блондин. Ты же любишь блондинов? Косая сажень в плечах, отменная фигура, лохмастенький такой, не то, что лысина Кольки. Как тебе кандидатура, а? Вдруг приворот поможет тебе такое сокровище найти?

Я задумалась. Прежде чем Николай сделал мне предложение руки и сердца, за мной ухаживал именно такой товарищ. Красавец писанный. Только не сложилось. Хотя после слов Маринки я живо представила себе этот образ, и замечталась. Так, стоп. Ну и что, что Колька маленький, с залысиной и большим носом. Он меня и правда любит. А я — его. За все время брака мы почти не ругались. Он как каменная стена, за которой чувствуешь себя уютно и спокойно. Чертова шуба!!!

— Нет, просто хочу шубу! Не путай меня!

Еще немного помедитировав над зельем, мы допили кофе, доели торт и засобирались по домам. Вернее, я. Марина, правда, уговаривала остаться, но время приближалось к двенадцати, и вот-вот должен был вернуться Сашка с работы, а мешать романтическому свиданию в честь дня рождения подруги совсем не хотелось. Наше варево мы перелили в маленький флакон из-под какого-то лекарства. Эту дрянь нужно было вылить на ближайшем перекрестке.

— Ну, все, ни пуха ни пера, — напутствовала именинница., — И отзвонись, пожалуйста, хотя я сомневаюсь, что что-то получится.

— Посмотрим. Отзвонюсь, конечно! Еще раз с праздником!

Я выпорхнула из подъезда. Описать свои ощущения было сложно. Вроде как участвовала в каком-то запретном ритуале, хотя в ушах еще стояли возмущенные вопли попугая. Наверное, сложившаяся ситуация была больше смешная, чем мистическая. И абсолютно идиотская. Если бы не шуба... Ладно. Перекресток. Быстро достать варево, произнести еще раз текст заклинания и выплеснуть, пока никто не увидел. Есть!

— Это кто тут мусорит?! А!? Ведьмы чёртовы!

Оглянувшись, я узрела воинственно настроенную пожилую женщину, с метлой...Двигалась она в мою сторону быстро, размахивая выше упомянутым атрибутом...

— Понакидают тута всяку гадость, а я потом убирайся? Им, вишь, перекрестки нужны!

Дворничиха надвигалась на меня, а я впала в легкий ступор... и «вышла» из него с помощью хорошего подс... ну, то есть пинка под пятую точку.

— Извините, не хотела, простите, я больше не буду, — скороговоркой оправдывалась я, уворачиваясь от метлы, — извините, простите...

Уклонившись от ещё парочки тычков разъяренной тётки, я перешла на бег. Другого выхода не было. Уйдя от преследования, я остановилась отдышаться. И тут меня пробило! Хохот я сдержать не могла! — только что я прошла боевое крещение метлой! Теперь я настоящая ведьма!

Дома меня встречала тягостная тишина и изрядный запах перегара. Пил с горя? На него не похоже. Так, вначале ванная. После душа немного полегчало. Вино выветрилось, как и дурные мысли. Выпив на ночь чашечку кофе, я отправилась в спальню. Там меня ждал неприятный сюрприз — муж отсутствовал. Значит, заснул в зале. «Вот гад! Лучше бы я блондина пожелала» — с этой мыслью я окунулась в спасительный сон.

Утром меня разбудит шум — свалилась картонка с моей шубой. Знак? Не, вряд ли. В квартире царила тишина. Повалявшись еще немного в постели с мечтами о горячем кофе, я все-таки пришла к выводу, что пора вставать. Мобильный показывал девять. Хорошо, что сегодня не на работу. Накинула халат, влезла в тапки и выплыла из комнаты в ожидании чуда. Но чудо не спешило проявлять себя.

— Не сработало!!! — пробормотала я — А жаль!!!

Ванная, легкий марафет, прическа. Теперь, на кухню поставить чайник. Все, я готова будить этого негодяя!

И вот тут произошло чудо.

— Привет, крошка! — я оцепенела.

У меня за спиной кто-то стоял, и это был не муж. Голос не его. Борясь с тем, чтобы не закричать и не упасть в обморок, я медленно повернулась.

— С праздником, Лю.... Лю... Люся, или как там тебя, гыыы!

Вход в кухню полностью перекрывало тело. Оно принадлежала, как я и предполагала, не Коле. Опираясь о косяк, и изо всех сил стараясь не сползти на пол, тело улыбнулось и промурчало что-то совсем неразборчивое.

— Мамочки!!!! — моя мечта сбылась.

Незнакомец полностью соответствовал образу, который описала Маринка. Высокий, широкоплечий блондин с копной свалявшихся волос. С тем лишь отличием, что морда лица порядком припухшая и потрепанная, фингал под глазом, недостает одного зуба. Из одежды — семейные трусы и шуба, да-да, шуба, та, о которой я мечтала!

Пока я истошно соображала, что делать, куда бежать, кому звонить и, главное, КАК вернуть мужа, Тело стянуло с себя шубу, поправило красные трусы и сделало пару шагов в мою сторону, неся на вытянутых руках «подарок». Все это сопровождалось поздравлениями вперемешку с матом и жутким перегаром.

«Все, с меня хватит!» — обморок спас меня от истерики.

— Гыыы... ты куда? — удивилось тело и так же свалилось на пол.

— Люсенька, Солнышко, очнись, пожалуйста, ну маленькая моя! — я приоткрыла один глаз. — Ну, слава богу! Ожила! Извини меня...

— Это правда, ты?

Колька виновато улыбнулся:

— Ну да, я, дурак старый, я!

— А...

— Это долгая история.

— Гыыы, — послышалось откуда-то сзади.

-

— Мама!!! — я быстро сменила лежачее положение на сидячее и прильнула к мужу, родному любимому мужу.

— Это... после ссоры с тобой, я понял, что не прав. У меня давно крутился один мужичок, ему гараж понравился. Вот мы и сошлись. Гараж его, а шуба — твоя.

— А мужичок — тот, что мычит?

— Ну да, мы весь вечер обмывали. Я перепил немного, заснул и забыл, что Васька не ушел. А он решил утром тебя поздравить...

На Кольку было жалко смотреть. Зря я его ругала. Все-таки он хороший. «С магией покончено» — промелькнуло в голове и крепко засело в мозгах.

— С-с-ссс... прз-з-ником, — послышалось из коридора, и мы с мужем расхохотались, обнявшись прямо на полу.

Кир Луковкин

ЛИДАНИЯ

Стоял хмурый денек.

Местное солнце стеснительно пряталось среди высоких плотных облаков, показываясь изредка, по настроению, и то на минуту, чтобы затем снова нырнуть за занавес. В такие моменты пепельно-серая равнина озарялась бледно-горчичными отсветами, а тени становились фиолетовыми.

Денис прибыл поздним утром; на отдаленной станции 05777 он оказался уже к обеду. До места доставил экспедиционный вертолет. Пилот скинул единственного пассажира, полторы тонны груза и упорхнул, даже не попрощавшись. То, что именовалось геологической станцией, представляло собой комплекс научных, жилых и складских помещений, приютившихся у подножия небольшого пологого взгорья. Дальше простиралась равнина, бескрайняя, как морская гладь.

Вышли встречающие — двое мужчин и одна женщина. Один молодой, второй в летах, а девушке можно было дать от силы двадцать пять. Поправив за спиной рюкзак, Денис неуверенно зашагал к делегации.

— Стажер? — осведомился старший, когда они поравнялись.

Ответ утвердительный.

— Щеглов, верно? Нам сообщили. Я — Дмитрий Захаров, начальник станции. Приятно познакомиться!

Все обменялись официальными улыбками, и мужчина представил Денису своих спутников: парня звали Егор, а девушку — Светлана.

На станции проживало двадцать четыре человека, так что ему выпало стать двадцать пятым. Коллектив оказался приветливым и дружным, что само по себе не говорило абсолютно ни о чем. Денису выделили комнату в жилом блоке, место за столом, шкафчик в общей раздевалке и наметили фронт работы. На следующий же день после прибытия Щеглов трудился на магнитной установке под руководством Александра Мезенцева, здешнего геофизика. Через неделю он мог назвать почти каждого по имени и не ошибиться.

Неприхотливый в быту, Денис быстро освоился, нашел с каждым общий язык и смекнул, что очередь в санузел надо занимать заранее.

Станция жила размеренной жизнью. Основной задачей ученых были наблюдения за климатом, исследование сейсмической активности, геологическая разведка полезных ископаемых. В будущем эти сведения понадобятся для програм-

мы по терраформированию планеты и постройке городов с развитой инфраструктурой, что позволит заселить сюда больше колонистов. Но сейчас это был девственно-чистый мир вечной весны, с которого можно было писать пейзажи.

Климат планеты напоминал скандинавский: позволял ходить в плотной одежде и даже загорать, но раздеваться до шорт все-таки было нельзя — слишком холодно. На южном и северном полюсе так и вовсе царила вечная стужа. Колонизация только началась, не прошло и десятка лет с момента первого появления человека в этом уголке Галактики, поэтому общая численность людей едва доходила до десяти тысяч.

— Здесь все время апрельская погода! — как-то заметил Денис, обращаясь к Светлане, с которой сдружился ближе остальных. Они проводили вместе много времени, и кажется, никто насчет этого не возражал. — Почти всегда светит солнце, идут легкие дожди, но земля какая-то окаменелая, будто еще не очнулась от зимнего холода. И зелень только пробивается наружу.

Светлана задумчиво посмотрела вдаль, как она часто делала. Не сразу ответила:

— Этот мир молод, он еще не достиг своего расцвета. Ледниковый период закончился недавно. В ближайшие сто тысяч лет температура будет повышаться и тогда Лидания преобразится до неузнаваемости.

В свободные часы они гуляли по окрестностям. Иногда, если погода позволяла, брали квадроцикл и отправлялись на экскурсии: к океану, карликовому лесу, коралловым зарослям и в другие места. Света была биолог и с удовольствием рассказывала Денису о здешней флоре и фауне. Щеглов старательно слушал, но запоминал далеко не все факты. Впрочем, ей было неважно.

— Видишь? — как-то спросила Света, показывая ему пару пузырчатых ящериц, гревшихся на камнях. — Одна из них — не ящер.

— Но почему они так похожи? — неизбежно поинтересовался стажер.

— Маскировка. Здешние животные обладают удивительной способностью к мимикрии. Смотри.

Она осторожно, чтобы не спугнуть, положила на соседний валун свой карманный фонарик серебристого цвета. Через минуту ближайшая ящерица стала меняться: ее шкура плавно окрасилась в серебро и стала такой же рифленой, как рукоять фонарика.

Денис присвистнул и рассмеялся: вот так фокус!

— Я насчитала около дюжины разновидностей таких «хамелеонов».

Эпизод прочно врезался ему в память.

Приноравливаясь к местному укладу, Щеглов сделал интересные наблюдения.

Во-первых, члены экспедиции были друг на друга похожи. Как если бы являлись родственниками, одной большой семьей. Это проявлялось в манере разговаривать, в жестах и мимике. Например, и мужчины, и женщины совершенно одинаково принимали пищу и заправляли штаны в ботинки. Денис навел справки и выяснил, что между колонистами нет ничего общего: они даже родились на разных планетах, не говоря уже о происхождении. Тем не менее, все понимали друг друга с полуслова, а иной раз обсуждали такие темы, о которых постесняются говорить даже супруги-старожилы.

Во-вторых, Щеглов постоянно путал своих коллег со спины. Ремонтник Вася оказывался поваром Леной, а заведующая гидропонной установкой Мария Алексеевна неизменно оборачивалась по четным числам геодезистом Бобриковым, а по нечетным — Витькой Ерошиным из метеослужбы. Стажер уже просто перестал обращаться к кому-либо, не заглянув предварительно в лицо. Народ посмеивался, но по-доброму, без ехидства.

И, наконец, третьим в цепочке странных фактов стал инцидент, происшедший с ним как-то в душевой. Случилось это в субботу. Банный график, висевший на стене, четко сообщал, что сегодня очередь Витьки, Жени Селиверстовой и его. Так сложилось, что Денис пришел раньше и видел, как девушка заходит в душевую комнату. Умиротворенный Денис закинулся в предбаннике на диванчик и погрузился в чтение журнала: что-то там про живую природу. Никто мимо него не проходил. Через некоторое время из душевой вышел Витька.

Довольно отирая волосы полотенцем, он бросил:

— Ты чего тут развалился?

— Жду. А ты чего? Сейчас разве не очередь Жени?

— А мы с ней поменялись! Ей там эксперимент какой-то надо закончить.

Витька пошлепал к в выходу, напевая под нос.

— Но кто же...

Дверь хлопнула. Щеглов продолжал сидеть с идиотским видом. Заглянул в душевую: пусто. Снова вошла Селиверстова.

— Шампунь забыла, — прокомментировала она.

— А-а-а...

— Вид у тебя шальной, — хихикнула Женя. — Переработал что ли?

И ушла по своим делам.

Щеглов был уверен, что находится в добром здравии и не спит. Как в комнату могла зайти женщина, а выйти оттуда — мужчина?

К шефу он не пошел из принципа. Со стороны это выглядело бы слишком глупо: что-то из разряда расстройства личности. Не хватало, чтобы еще обратно отправили, с первым же рейсом. Денис решил никому об этом не рассказывать.

В остальном все шло своим чередом.

Настал момент — Захаров вызвал стажера к себе, усадил в кресло, напоил вкусным земляничным чаем и принялся пытать.

— Ну как тебе здесь?

Прежде чем ответить, Денис немного подумал.

— Мне нравится, — признался он.

— Саша говорит, с нагрузкой справляешься. И жалоб от тебя не поступало.

— Так точно.

— Поэтому нам ты подходишь. Что решил сам? Остаешься?

— Да, — на этот раз стажер не колебался ни секунды.

— Ладно. На самом деле, тут не все так радужно, как кажется, — предупредил Захаров.

— Понимаю. Везде есть свои минусы, обратная сторона. Но думаю, что справлюсь с этим, — уверенно заявил Денис. — Работа меня устраивает, оплата тоже.

— Справишься... — начальник вертел в пальцах пресс-папье. — Скажи-ка, а что тебя заставило прилететь сюда?

Денис пожал плечами.

— Тяга к перемене мест, наверно.

— Ага. Но почему именно сюда? Ведь есть много других миров фронтира, и везде нужны люди, молодые специалисты, готовые потратить жизнь на то, чтобы превратить дикую планету в красивый, удобный цивилизованный мир, где можно спокойно работать и отдыхать.

— Возможно, это неосознанное решение, — Щеглов смутился. — Вы правы. Я с одинаковым успехом мог бы выбрать другую terra nova. Но почему-то остановился на этой. Может, понравились пейзажи, а может, расположение в пространстве. Что-то зацепило. Не знаю.

Захаров кивнул.

— Видишь ли... — протянул он. — Существуют определенные проблемы, с которыми сталкивается каждый первопроходец. Ты, конечно же знаешь, о чем речь.

— Ну да. — Щеглов стал загибать пальцы. — Акклиматизация, местная еда, условия проживания, коллектив, особый характер работы, для которой нужны подготовленные люди. Я успешно прошел все тесты.

— Конечно, конечно, — Захаров наконец оставил пресс-папье в покое, избрав новой жертвой собственную бороду. — В этом нет сомнения. Но здешняя обстановка может показаться тебе несколько странной или даже пугающей. Я-то уже привык, все-таки десять лет здесь живу, но вот ребята вроде тебя, новые, могут... м-

м-м... обжечься, что ли. Об этом не принято говорить официально, но оно имеет место быть. Все, кто живет здесь длительный срок, в курсе происходящего.

Денис прищурился. К чему он клонит? Разговор приобретал неожиданный оборот.

— Не совсем понимаю, — признался он. — Здесь опасно? Существует какая-то угроза?

Захаров поморщился, как от приступа застарелой боли.

— Никакой угрозы нет, — вздохнул он. — Просто ты должен знать, что здесь могут происходить разные вещи. Ты должен быть готов. Я говорю это потому, что не хочу эксцессов и различных ЧП. Я не хочу, чтобы ты наделал каких-нибудь глупостей и навредил бы себе. Будь готов, это все что я могу тебе сказать.

Начальник дипломатично умолк и только сейчас Денис понял, как трудно тому было подбирать слова. А еще — страшно; потоки липкого страха буквально сочились из глаз Захарова. Оба молчали с минуту. На стене уютно тикали антикварные часы.

Щеглов шевельнулся.

— Вы рекомендуете мне улететь?

— Скажем так: возражать не буду.

Обдумывая слова начальника, Щеглов как бы невзначай обсудил это с другими колонистами. Все отшучивались, списывая слова Захарова на чудаковатость, и старались сменить тему. Выходило, будто шеф вымещает свои тревоги на подчиненных. Разоткровенничался только Мезенцев. «Вот когда на своей шкуре испытаешь, тогда и врубишься, что к чему», — отрезал он, — «А так объяснять бесполезно».

Когда очередь дошла до Светы, она резюмировала:

— Каждый видит то, что хочет видеть.

Денис испытующе посмотрел на девушку.

— А как давно ты на станции?

— Примерно год.

— И тебе не приходилось замечать что-то необычное, странное?

Света затрепетала ресницами и одарила его легкой улыбкой.

— Да нет. Кроме того, что вся эта планета с ее природой, животными и растениями мне в диковинку. Она как шкатулка с драгоценностями и мы, люди, успели лишь приоткрыть крышку. Поэтому утверждать о странности наивно, мы же не на Земле. По сути, здесь странно и необычно — все. Просто большинство привыкло не обращать на это внимание.

Впрочем, больше никаких происшествий не происходило. Дни сменяли друг друга в неспешной веренице. Денис выкладывался на работе, не забывая и про отдых. Исследования продвигались успешно. Картографы составляли все новые карты местности и прокладывали новые маршруты, а геологи находили жилы с рудой, минералами, ценными кристаллами. Каждый специалист занимался своим делом. Денис постепенно втянулся в ритм. Шеф ни разу не возвращался к тому разговору, и стажер позабыл о нем, выбросил из памяти, как ненужную вещь из дома. Они все больше сближались со Светланой и начинали подумывать о том, как бы оформить отношения.

Однажды ночью, за час до рассвета, Денис проснулся от чувства, что на него кто-то внимательно смотрит. Полежав с закрытыми глазами и убедившись, что ощущение не пропало, он разлепил глаза и оглядел комнату. Дверь была приоткрыта; между ней и косяком чернела щель толщиной с ладонь. Там кто-то стоял. Тотчас дверь закрылась — плавно и бесшумно. Едва слышно щелкнул замок. Воцарилась тишина. Никаких удаляющихся шагов, никаких шорохов.

Сдерживая тошноту, Денис сглотнул. Перед пробуждением ему снился очень реалистичный сон: будто он — дерево. Большой раскидистый дуб. Находясь во сне, Денис чувствовал, как ветер колышет его волосы-листья, как покачиваются его руки-ветви, потрескивает тело-ствол, а ноги-корни медленно пьют из земли сок, чтобы насытить чрево. Еще он чувствовал, что растет. Это напоминало биение сердца, или дыхание, безотчетные, но постоянные движения, заставляющие тебя жить. А еще он как бы слился с биополем дерева, сознательно проникнув внутрь, понимал его потребности, желания и стремления. Удивительно! Тем более, что подобные сюжеты никогда раньше не посещали его.

Денис сел. Встал и оделся. Вышел из комнаты в коридор. Пусто. Обойдя общежитие, он убедился, что неизвестный шпион либо спрятался в комнатах жителей станции, либо, что менее вероятно, сбежал наружу. Для очистки совести Щеглов решил высунуть нос в ночную свежесть. Климат слегка потеплел из-за грядущего лета, поэтому ночами стояла плюсовая температура. День уже брезжил оранжевым маревом на горизонте.

Незнакомец убегал к взгорью! Судя по телосложению — мужчина. Денис без промедлений пустился вдогонку. Несколько минут ушло на преследование. За это время незнакомец успел добежать до нагромождений камней и резко вспрыгнул на первый уступ. Денис поднажал, последним рывком преодолевая разделявшую их сотню метров. Он не кричал, опасаясь сбить дыхание. Не тормозя, по инерции вскочил на камень следом. Преследуемый успел подняться не очень высоко и явно устал, чем Денис воспользовался: вкладывая последние силы в подъем, он несколькими прыжками нагнал незнакомца и схватил того за ногу. Мужчина упал на камень, задрыгал скованной ногой, пытаясь высвободиться, но Денис держал крепко. Они кряхтели и боролись, не произнося ни слова. Наконец Щеглов заорал:

— Уймись! Стой! Да стой же!!

И тогда незнакомец повернулся к нему лицом. Щеглов изумленно отпустил ногу, разглядывая собственную, перекошенную от физического напряжения физиономию. Ошпарило, как от подзатыльника: да ведь двойник и одет также! В спортивное трико, кеды и шапочку. Почему-то вспомнились те дурацкие ящерицы.

Макушку горы тронули первые лучи солнца.

— Кто ты такой?

В глазах двойника промелькнуло любопытство пополам с растерянностью. В тот же момент он нанес Денису сильный удар ногой в плечо. Не совладав с равновесием, Щеглов полетел вниз. Единственное, что удалось сделать — сгруппироваться. Скалы немилосердно ударили в бок, что-то противно хрустнуло. В глазах потемнело. А когда прояснилось, взгорье уже было пусто. Денис отдышался, ощупал ребра. Вроде целы. Поняв, что может двигаться, он попробовал поискать среди валунов беглеца, но не нашел никаких следов. Обшарил каждый камень и трещину. Бесполезно.

Спустя час Денис вернулся на станцию, старательно изображая, будто окончил пробежку. Тело превратилось в сплошной синяк. Втихаря он сделал себе инъекцию обезболивающего и пролежал оставшееся до подъема время на койке, пытаясь осмыслить свое приключение. Ничего путного в голову не приходило. Утомленный, стажер не заметил, как задремал.

Очнулся он ближе к полудню. Кто-то сидел в кресле напротив, рассеянно глядя в окно.

— Как ты?

— Получше.

Каким-то образом она узнала.

— Это хорошо, — глаза Светланы говорили сейчас больше, гораздо больше.

Щеглов повозился, устраиваясь удобнее и так, чтобы можно было видеть возлюбленную.

— Который час? Я, кажется, проспал. Шеф будет ругаться.

— Не будет. Я сказала, что ты слегка простыл и лечишься. Саша тоже в курсе. Обойдутся денек. Хочешь горячего?

О да! Еще как хочет. Попивая кофе, Денис наблюдал за тем, как она расправляет складки одежды, наслаждался ее присутствием, гармоничностью позы, изгибами тела. Созерцание успокаивало. Но было неотложное дело, оно все портило и требовало разрешения. Вопрос долго вертелся на языке, набухал, как волдырь, и вот — лопнул.

— Что происходит?

На девушку пала тень. Света взглянула на него так, будто впервые увидела. Не удивленно — отстраненно, как на постороннего человека. Даже больше — как на

инородное существо. И Денису от этого взгляда стало холодно, тоскливо и одиноко, словно их разделяет стена из толстого стекла, сквозь которую не пробиться. Во взгляде девушки сквозило нечто нечеловеческое, эхо чьего-то присутствия, пронзительная зыбь чужого неба, под которым миллионы лет обитали те, кто познал саму суть вещей, проник в самые потаенные уголки души и выведал все, о чем ни один человек никогда не расскажет другому. Даже близкому. Даже любимому.

Светлана мягко, бархатно заговорила:

— Помню, в первую экспедицию мы отправились на местные болота к северу. Там множество горячих источников. Разогретый воздух колеблется и искажает предметы. Наблюдая, за игрой света и тени, я вдруг поняла, что останусь здесь насовсем. Что здесь — мое место, моя судьба и счастье. Но я еще многое не могла видеть. Со временем, принимая пищу, вдыхая воздух и греясь под солнцем, я окончательно вошла в этот мир. Теперь я его дитя и по праву наслаждаюсь богатством красок, запахов и звуков.

Ее глаза оттаяли.

— Знаешь, как здесь красиво? Как музыкален этот мир? Нет, не знаешь.

— А как же Захаров? Получается, он был не прав?

— Прав, но по-своему. Он ведь спрашивал тебя, зачем ты прилетел? Так было и со мной. Он хочет знать, потому что мучается, ищет ответ и не находит. Пытается постичь рациональными методами то, что можно только принять, и терпит фиаско...

— Мой двойник...

— Нет, — она покачала головой. — Ничего не говори. Вероятно, так надо. И не позволяй чужому мнению влиять на свои решения. Делай только то, что посчитаешь нужным. Ты должен решить сам, что ты хочешь увидеть.

— В любом случае я останусь, — отрезал Денис.

— Из-за меня? — Света ожила, игриво подкралась к койке, юркнула под бок, как кошка, и прижалась теснее.

Немедленно захотелось зарыться носом в ее душистые волосы.

— Какие они? — спросил Денис, дивясь метаморфозе. — Те?

Света увлеченно гладила выступившие на его руке вены, проводя собственные геологические исследования.

— Наверно, они такие же, как мы. А мы — как они. Подобное притягивает подобное.

Денис задумался.

— Иногда они ведут себя по-человечески, так что понять, где пролегает граница между нами, очень трудно.

— Я почему-то совсем их не боюсь.

— А я уже давно привыкла.

— Странное дело, — произнес он, смотря в низкий потолок. — Выходит, одни люди стремятся к комфорту, другие наоборот — рвутся на периферию, в неизведанное. Как мы. Почему?

— Потому что мы особой породы, — промурлыкала Света. — Мы как кожа. Сильные и выносливые. Защищаем плоть человечества. Взаимодействуем с внешней средой.

Они посмотрели друг другу в глаза, и Дениса охватила легкая дрожь.

— А может, это ты призвала меня из дальних краев?

— Пусть будет так, — прошептала Света. — Без разницы. Главное, ты рядом.

После невыносимо долгого молчания он решился.

— Ты ведь... не совсем...

— Верно. Но ты не переживай. Со мной все в порядке, стало даже лучше, чем раньше.

Он слегка отстранился.

— Знаешь... — сосредоточено произнес Денис, — похоже, я все-таки сломал себе ребро. Боль такая, что выть хочется. Надо бы сходить к Павловичу.

— Бедняжка. Дойти-то сможешь? — она ласково погладила его по щеке.

— Совершу этот подвиг ради тебя.

Выбравшись наружу, молодой геолог посмотрел на зеленеющую равнину, фонтанирующее энергией солнце и бездонное небо, которое переливалось всеми оттенками синевы, на длинные росчерки перистых облаков, сложенных в размашистые узоры, и почувствовал, как что-то в его восприятии меняется. Обретает глубину и четкость. С каждым новым вздохом что-то проникало в него, а он проникал в окружающий мир и становился его органичной частью, словно еще один точный мазок, сделанный кистью мастера на масштабном полотне.

И это было хорошо.

Придерживаясь за бок, Денис побрел к медпункту.

Доктор Спрут

КАК ЗАРАБОТАТЬ МИЛЛИОН БАКСОВ, НЕ НАРУШАЯ ЗАКОНА

(Пособие для домохозяек)

I. Введение

Мы восхищены вашим неудержимым интересом к экономическим проблемам страны и в ответ на письма и звонки с удовольствием предлагаем вам закрепить тот материальный успех, которого вы достигли, прочитав наши предыдущие статьи. Для простоты весь процесс законного накопления денежных знаков разбит на десять несложных этапов. Чтобы заработать миллион, вам потребуется от 10 до 25 дней, поэтому билет на Багамы вы можете заказывать уже сегодня.

II. Теория

Ученые доказали, что существует только два способа законного заработка такой солидной суммы: 1. Вы становитесь депутатом и пишете законы, которые оправдывают ваши криминальные действия. 2. Вы начинаете свой бизнес по формуле (Х-У). Мы рекомендуем вам второй, более честный метод и приводим ниже примерную схему его осуществления.

III. Метод

1. Прежде всего найдите Х — человека с деньгами, хитрого и корыстного, который во всем ищет выгоду (такой кандидатурой может стать адвокат, работник таможни, сотрудник СБК или любой финансовый инспектор).

2. Пригласите Х в кафе или ресторан. Люди подобного сорта любят бесплатные обеды, а еда «на халяву» доводит их алчность до предела.

3. Прикиньтесь самовлюбленной глупышкой (но глупышкой с большими деньгами) и в полушутливой беседе предложите Х небольшое и явно проигрышное для вас пари. К примеру, поспорьте с ним о том, что после одной вашей улыбки молодой человек за соседним столиком начнет оказывать вам знаки внимания. Поставьте на кон 20 долларов. Улыбнитесь молодому человеку и в тайне от Х покажите парню кулак с выпрямленным средним пальцем. Сделайте все, чтобы про-

играть этот спор.

4. Отдав X проигранную сумму, с притворным отчаянием предложите ему новое пари. Придумайте какое-нибудь невероятное условие, чтобы он не побоялся риска. Например, что при виде вас самый уважаемый и почитаемый в городе человек (тот У, которого вы заранее наметили для этого мероприятия) снимет нижнее белье и оголит свои гениталии. Пусть, к примеру, это будет управляющий банком. Если X согласится поспорить с вами на 100 тысяч долларов, заверьте ваше соглашение у нотариуса.

5. Займите у знакомых 20 тысяч долларов.

6. Придите в банк, заявите кассиру о своем намерении открыть счет на 50 тысяч долларов и, как бы невзначай, покажите ему пачки денег. Пусть они окажутся тонкими, но их должно быть много. Попросите кассира о встрече с управляющим и скажите, что хотите лично познакомиться с человеком, которому доверяете свое состояние.

7. Помните, все управляющие банками любопытны и осторожны. Ваш У наверняка поинтересуется тем, откуда у вас такая сумма денег. Скажите ему, что сколотили ее на различных пари.

8. Во время беседы предложите ему спор на то, что завтра к полудню его мошонка примет ярко-оранжевый цвет. Поставьте на кон 20 тысяч долларов и в качестве задатка отдайте ему половину. Большие деньги освобождают людей от комплексов и стыда. Он примет ваше предложение. Предупредите его, что придете к нему со своим адвокатом.

9. В назначенный срок берите X и идите с ним к У. Войдя в кабинет, шепните банкиру, что торопитесь. Когда он докажет вам, что цвет его мошонки не изменился, отдайте ему проигранные 10 тысяч и потребуйте от X свой выигрыш в 100 тысяч долларов.

10. Верните друзьям одолженные деньги. Честность — это залог здоровья. Повторите описанную процедуру несколько раз. Когда заработаете миллион, оформите годовую подписку на журнал «Транзит».

IV. Наши дальнейшие планы

Предлагаем вам на выбор новую пятерку тем и ждем ваших писем и звонков:

1. Как сделать из мухи слона.

2. Как попасть в параллельный мир.

3. Как стать премьер-министром.

4. Как мумифицировать мужа соседки.

5. Как выйти замуж за адвоката.

Доктор Спрут

...Найти правильный ракурс

Фотограф Наталья Минина

Страна проживания: Россия г. Москва

Семейное положение: не замужем

Дети: нет

Образование: РЭУ им. Г.В. Плеханова специальность «Реклама»

Хобби: люблю рисовать, приятную музыку и хорошие фильмы

Любимый автор и книга: Кен Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»

Начала фотографировать: в 14 лет у меня появился первый фотоаппарат, тогда все и началось :

Любимые художники-фотографы: Ральф Гибсон, Энни Лейбовиц, Сара Мун, Салли Манн

Любимый стиль: очень люблю ретро-стиль, старую пленочную фотографию, хотя чаще фотографирую на цифровой аппарат. Что касается жанров, то меня привлекает портрет, обожаю снимать людей.

Где училась фотоискусству: читала книги, различные статьи в интернете, в этом году окончила курсы в московской школе фотографии и мультимедиа им. А. Родченко

Вэб-страница: http://www.flickr.com/photos/natanatana/

http://vk.com/natanatana

Def: Как вы стали фотографом?

Наталья: Я все еще никак не могу назвать себя фотографом. На данном этапе моей жизни, это все еще хобби от которого я получаю огромнейшее удовольствие, прилив сил и энергии. Но все же мне очень хочется, что бы это самое хобби переросло в нечто большее :

Def: Как вы можете описать свои работы?

Наталья: Красивые портреты людей с неплохой обработкой

Def: Что больше всего влияет на ваши работы?

Наталья: Творчество других людей: фотографов, режиссеров, писателей.

Def: В чем вы находите вдохновение?

Наталья: В самих людях. Когда я иду кого-то фотографировать, то ближе узнаю человека. На каждой съемке своя атмосфера и задает ее человек, с которым я работаю. Ведь все люди разные и к каждому нужен свой подход, найти правильный ракурс, увидеть индивидуальные особенности человека, сделать так чтобы он расслабился и раскрылся. Это все делает меня счастливой

Def: Каков наивысший успех в вашей карьере?

Наталья: Наивысший успех придет тогда, когда я буду иметь собственную фо-

тостудию, сотрудничать с каким-нибудь журналом и буду довольна своими снимками

Def: Какие планы на будущее?

Наталья: Развиваться, развиваться и еще раз развиваться :

Натали Ш. Эннеберг

ГВОЗДЬ НОМЕРА

СОЛНЦЕ ТУЛЕ

Перевёл с французского И. Найденков

1.

Всё началось с праздника на Даймоне, планете Дельты Колоса в созвездии Девы. Нет, пожалуй, всё началось гораздо раньше Точно так же, как мы не можем определить момент, когда зажглась или погасла какая-нибудь звезда, мы не в состоянии установить хронологию событий в жизни астронавта, космического инженера или учёного, годы которой протекали в рамках неразрывного единства пространства-времени. Оторванные от своей родной почвы, избавленные от необходимости соблюдать общепринятые нормы человеческого поведения, эти люди на протяжении своей жизни могли видеть, как меняется рисунок созвездий. Когда они улетали с Земли, ослепительные красавицы провожали их на космодроме, трогательно юная мадонна махала им вслед, держа на руках завернутого в пеленки младенца; когда же они снова возвращались на Землю — если, конечно, им повезло остаться в живых, — их встречали согбенные старухи, седые, беззубые и страшные. Иногда приветствовать их приходили сыновья, неузнаваемые из-за белоснежной шевелюры или длинной бороды, испуганно глядящие на своих юных атлетов-отцов. За время, прошедшее с момента их отлета, города Земли превратились в гигантские термитники, блестящие соперники юности стали слабоумными развалинами, над могилами друзей давно склонились деревья... Очень быстро космические странники осознавали, что лишились своих домов, а нередко — и своей страны; связывавшие их с Землёй узы ослабевали. Маленькая планета на задворках Галактики приобретала свои подлинные размеры, Солнце занимало причитающееся ему скромное место в звездном хороводе. Впрочем, и сама Земля, некоторое время прославлявшая подвиги астронавтов и высекавшая их имена на стенах своих пантеонов, быстро теряла к ним интерес. И все же, во время коротких передышек на Бете Форамена или на Унукале Змеи, герои космоса иногда ещё поднимали по привычке бокалы за процветание Земли.

Le Soleil de Thulè («Солнце Туле»),1965. Впервые опубликовано в журнале *Fiction* (изд. Opta), 1965, n° 143, с. 70 — 113; также публиковалось в сборнике *Les anges de la colère* (Ангелы гнева) *de HENNEBERG Nathalie*, изд. *Le Masque SF, n° 72*, 1978.

Но существовала ли уже в это время Земля?

Единственной реальностью во Вселенной давно стала Звездная Империя...

Космические «дальнобойщики» жили замкнутой кастой уже на протяжении нескольких веков, когда возникла новая неожиданная опасность. Первое время никто не хотел верить слухам. Потом об этом стали шептаться, как о неприличной болезни.

И вот, однажды, состоялся впоследствии печально известный праздник на Даймоне — если, конечно, эта история не случилась на Эвтерпе в созвездии Девы или на широте черного провала в созвездии Лебедя. Это был праздник по случаю свадьбы диадоха, фиолетовой ночью на заповедной планете... Аромат магнолий, огненные шпаги лучей дезинтеграторов, перекрещивавшиеся над головами... И было застолье, и потоками лилось темное вино со Сгари, похожее на черный бархат... И была невеста диадоха, хмельная от счастья девушка-гуманоид, сиявшая настолько ослепительной красотой в своем платье лунного цвета, что один из героев Земли, только что вынырнувший из небытия и еще не отряхнувший со своих ног звездную пыль, умыкнул ее, не раздумывая, из-под носа жениха, несмотря на все его тринадцать глаз. Этого героя звали Фрэнк Соллер. Рассказывали легенды, что он был создателем комбинаторной лептонной теории; в любом случае, было известно, что именно он разработал проект первого галактического двигателя и позднее сам испытал его. Говорили, что именно ему удалось самым радикальным образом уладить конфликт с Черными Мирами — он просто уничтожил их... Никто не знал, сколько ему лет. Принцесса успела бросить на него лишь один взгляд, и этого оказалось достаточно, чтобы в ее памяти навсегда запечатлелся облик молодого бога — стальные мышцы, буйно вьющиеся черные кудри над высоким лбом... На удлиненном лице глубоким зеленым огнем сверкали огромные глаза, в которых опытный взгляд смог бы прочесть и мудрость, и печаль. Но нежная принцесса-гуманоид не задумывалась о высоких материях; она опустила ресницы и покорно замерла в объятьях похитителя. Ее согласие было настолько очевидным, что о случившемся даже не стали разговаривать на Звездном Совете, на котором обычно строго осуждаются подобные истории. И всю ночь звучала музыка, каскадом рассыпались звезды, пьянил запах цветущих ирисов. Астронавты дружно опрокидывали кубок за кубком, и продолжало литься скарийское, и гремели гимны в честь пространства и его покорителей. Никого не интересовали переживания тринадцатиглазого диадоха, имевшего, ко всему прочему, одну лишнюю ногу.

Тем не менее, на следующий день по Эвтерпе (или Даймоне) распространились странные слухи; возможно, они охватили только Мегалополис, на площадях и улицах которого гигантские пылесосы жадно втягивали в свое чрево оставшиеся после безумной ночи увядшие гирлянды цветов и прочий мусор. Сверкающие

Диадохами (от греч. «преемник») — именовались полководцы Александра Великого, которые после его смерти в 323 до н. э., в результате долгих войн, затянувшихся до 301 до н. э., разделили между собой его империю; последствием раздела было появление государств Сирия, Эллинистический Египет, Вифиния, Пергам и Македония *(прим. ред.)*.

эскадры ушли ранним утром в дальний космос, а на взлетно-посадочной полосе астропорта кто-то подобрал человеческую развалину, трясущегося от холода старика, настолько дряхлого, что он забыл даже свое имя. Но служащие астропорта узнали скафандр, оказавшийся слишком большим для немощного тела; нашлись и документы, и тогда все содрогнулись: это был Соллер... Теперь его внешний вид соответствовал истинному возрасту. Ему было пятьсот лет... Или шестьсот? Кто знает...

Жалкую развалину подобрал санитарный корабль. Срочно созванный консилиум ученых светил был вынужден, наконец, рассмотреть многочисленные сообщения, на протяжении ряда последних лет регулярно поступавшие со всех концов Вселенной в медицинский центр и так же регулярно прятавшиеся под сукно.

В этих донесениях шла речь о загадочных исчезновениях прославленных астронавтов. Довольно давно официальные лица, руководители планетарных правительств, заподозрили существование тайного общества, занимавшегося похищениями ветеранов космоса с целью воплощения в жизнь какого-то загадочного заговора. Только один ученый, бактериолог по специальности, давно угадал правду; но тогда его заставили замолчать, Теперь же деваться было некуда; пришлось признать его правоту, так как именно его подозрения позволяли раскрыть суть реальной опасности. Человеку нельзя безнаказанно превращаться в бога; рано или поздно, бесконечно замедленная благодаря парадоксам времени дряхлость внезапно набрасывалась на прославленных героев. Это было расплатой за безмерно затянувшуюся юность, за лишенную естественных пределов жизнь. Герои разваливались на глазах. Их артерии становились жесткими, кости — хрупкими, морщины рассекали их задубевшую кожу. Несмотря на это, Фрэнк Соллер был первым, на ком специалисты-геронтологи смогли проследить все фазы ужасающего процесса разложения заживо.

Его поспешно погрузили на санитарный звездолет, запихнув в кислородную палатку, и корабль устремился к одной из дальних планет, известной своим идеальным климатом, позволяющим победить любую анемию и поставить на ноги самого тяжелого больного-хроника. Но все дело было в том, что Фрэнк Соллер не страдал какой-нибудь болезнью — он просто умирал от старости, и прекрасно понимал это. Уложенный в противоперегрузочный гамак, он был почти готовой мумией — мышцы его омертвели, тяжесть грудной клетки почти расплющила легкие; недавно еще соколиный взор помутнел. Он хотел закричать, но звуки застряли в его горле. Он попытался пошевелить рукой — движение получилось спазматическим, похожим на судорогу лапки раздавленного насекомого. Ему казалось, что он очутился в желудке проглотившего его гигантского хищника, и процесс переваривания, похоже, уже начался, хотя он еще был жив.

Вдобавок, Соллер знал, что обрушившаяся на него катастрофа наступила совсем не так внезапно, как думали окружающие. Да, ночью на Даймоне случился обвал; он рухнул в черную пропасть. Но задолго до этого его здоровье прошло по ряду ступеней, ведущих только вниз.

Взять хотя бы тот день, когда он в отчаянии отшвырнул листок бумаги с уравнениями, в которых внезапно перестал что-либо понимать. Или другой день — или ночь? — когда он перестал интересоваться тайнами Вселенной — странной, невообразимо далекой звездой, невероятно сложной структурой радиотуманности...

Хотя тогда он выжил, но для него перестали существовать сначала уравнения, потом то гибкие, то застывшие теории, наводившие мосты через бесконечность; потом пропали звезды, галактики, наконец, числа и атомы. Дряхлость астронавтов постепенно овладевала им как ряд быстро следовавших друг за другом этапов деградации. Скоро он перестал быть жадно стремящимся к открытиям ученым, то беззаветно бросающимся на штурм галактик, то устремляющимся в атаку на атомное ядро. Он забросил расчеты и лабораторные опыты. Но еще какое-то время он с удовольствием находил применение чудом застрявшим в мозгу научным теориям; он все еще продолжал искренне восторгаться длинным стреловидным телом космического крейсера, устремляющегося в глубины Вселенной; его по-прежнему восхищали бездны космического пространства, и новые миры все еще сохраняли для него ощутимую реальность.

Когда-то, на протяжении бог знает скольких веков, он был отважным космическим авантюристом, предводителем звездных армад, разрушителем враждебных миров, победоносно выходившим из любой схватки. Рассказывали, что он не однажды спасал Землю, но теперь ему не было до этого дела. По сути, наиболее долгоживущей частью его существа было идеализированное воплощение космического героя, великолепного животного, которым восхищались обитатели тысяч звездных миров.

Ближе к концу исчез и звездный герой; осталось одно животное. С внезапным ужасом Соллер подумал: было ли происходящее его первой смертью, или в этом изношенном теле помещались и другие сущности? Во время внезапной вспышки просветления, напугавшей его едва ли не больше, чем все остальное, его пронзила мысль: а что, если его организм просто забыл, как нужно умирать?

Если так, то ему придется жить до тех пор, пока в его теле, истинном воплощении живого трупа, не произойдет полный распад всех клеток, пока он не почувствует, как разлагаются его внутренности, как легкие превращаются в жижу, заполняющую грудную клетку, как мозг... Он затрепетал, будто попавшая в липучку муха.

Друзья, которых он знал, оказались счастливее его — старость поразила их на лету, и они бросили штурвал в самый последний момент перед тем, как превратиться во вновь вспыхнувшую звезду. Другие герои неожиданно исчезли в диких джунглях неисследованных планет, наконец, третьи утонули в бездонных болотах... Свирепые кошки-гиганты, чудовищные пиявки Альфарда или живые камни Прозерпины довершили начатое. Ему же не повезло, потому что он очутился в руках себе подобных, и теперь его заставят прожить до конца, На нем будут изучать, как происходит деградация великолепного образца человеческого существа.

И его охватила глубокая печаль.

И тогда...

В его предплечье вонзилась игла шприца, и сквозь ватный туман полубессознательного состояния до него донесся голос. Если бы он был в состоянии сформулировать свою мысль, он сказал бы, что незнакомец материализовался из небытия перед его гамаком — настолько неожиданно в его поле зрения возник силуэт человека. Облаченный в огненно-красный рабочий комбинезон, с острым профилем, над которым покачивалась двойная антенна, похожая на ласточкин хвост... Тонкие губы, слегка выпуклые глаза...

— Позвольте представиться, — сообщил незнакомец. — Доктор Мист, бактериолог. Тот самый, который...

Появившийся был почему-то крайне неприятен Соллеру. Фрэнк сразу же почувствовал желание увидеть, как тот убирается отсюда. Просто чудо — но он даже смог промычать что-то неодобрительное. Человек, назвавшийся Мистом, следил за ним с нескрываемым научным интересом. В конце концов, доктору показалось, что почти мертвому его пациенту удалось произнести, хотя и весьма невнятно, несколько слов: нечто среднее между «изыди, сатана!» на языке Земли и каким-то исключительно грязным межпланетным ругательством.

— О, вы еще держитесь! — воскликнул явно восхищенный доктор. — Пока вы еще не в состоянии говорить отчетливо, но прогресс очевиден. Мы сможем с вами договориться.

Он уселся в кресло из антисептического полимера.

— Я ввел вам минимальную дозу моей новой сыворотки, — сообщил он. — У нее еще даже нет названия. Она почти мгновенно обновила в вашем организме дезоксирибонуклеиновую кислоту, то есть, ДНК. Дело в том, что ваша ДНК внезапно свернулась, точно скисшее молоко. Да, именно этот процесс и вызвал ваше катастрофическое постарение. Тело человека — это весьма несовершенная, хотя и исключительно сложная химическая фабрика. ДНК на этой фабрике обеспечивает связь между разными цехами. Наша наследственность, наша способность к выживанию — всё зависит от ДНК. Стоит нарушиться связи между разными системами организма — и наступает конец. Моя сыворотка нейтрализует накопившиеся токсины и постепенно выводит их из организма, после чего восстанавливает недостающую ДНК. Да, конечно, это ещё не вечная молодость, но уже определённый шаг на пути к ней. Как вы себя чувствуете?

Из глотки, забитой слизью, вырвалось одно-единственное слово:

— Плохо!

— Великолепно! — обрадовался доктор. — Вы уже способны произносить отдельные слова. Надо сказать, что госпитализировали вас весьма своевременно. Должен признаться, что у меня уже было несколько опытов с астронавтами. Увы, до сих пор — сплошные неудачи! Ваши коллеги, охваченные какой-то непонятной застенчивостью, пытались перед неминуемым концом то спрятаться в липкой гря-

зи болот Вроуцина, то бросались очертя голову в пасть гигантских розовых паразитов, скрывающихся между холмами ферментирующих удобрений на Гермесе — ну, вы, конечно, слышали об этих огромных гельминтах... Так погибли самые прославленные наши герои — Эрик-Ракета, Морган-Галакт... Это какое-то безумие! — доктор быстро потёр одна об другую свои длинные тонкие руки, затем переплёл пальцы, обхватив острое колено. — С вами нам повезло гораздо больше. Конечно, процесс восстановления еще несовершенен, и действует сыворотка нестабильно, но мы уже можем извлечь вас из бездны одряхления. Кстати, ведь это вы первым облетели на ракете Юпитер?

Ответа не последовало.

— Ну, это естественная реакция, — прокомментировал неунывающий доктор. — Вы злитесь на самого себя и, разумеется, на меня. Но это хорошо, это замечательно, это просто великолепно! В возрасте 500 лет — это ведь ваш настоящий возраст? — у вас уже не должны были наблюдаться подобные рефлексы. Следовательно, моя сыворотка начала действовать... А теперь я выдам вам один небольшой секрет: мы, то есть, Комитет Защиты Здоровья Свободных Звезд, используем эту сыворотку только при наличии достаточных оснований для ее применения. Согласитесь, не имеет смысла продолжать жизнь одряхлевшим типам, ни на что не пригодным с самого младенчества. Это было бы плохой услугой и для Земли, и для всей Галактики. Моя сыворотка предназначена исключительно для цвета человечества — для великих учёных, для людей искусства, для героев. А разве вас нельзя отнести — и с полным основанием — сразу ко всем этим категориям? Разве вы не побеждали сразу на всех фронтах чёрные силы зла? Разве всю вашу жизнь нельзя сравнить с величественной поэмой?

Никакого ответа.

— Ладно! — воскликнул несколько нервным тоном доктор. — Вы можете, конечно, молчать, если вам так хочется. Я знаю, что вы молчали в лаборатории на Нептуне, где разрабатывали свои головокружительные проекты. И вы молчали за пультом управления крейсером, когда атаковали Чёрные Орды. И... В общем, я хочу сказать, что все наши службы находятся в полном вашем распоряжении. Для того, чтобы обрести новую молодость, чтобы начать новую жизнь, вам достаточно поставить свою подпись вот под этим официальным заявлением — обычной пустяковой бумажкой. Это стандартная процедура, не имеющая никаких последствий. Простая формальность. Сразу же после этого вы сможете снова устремиться в пространство — молодым, могучим, в ореоле славы. Вы проживете ещё одну бесконечную жизнь, Солнце-Соллер!

Для того, чтобы сильнее и надежнее зацепить его, он коварно использовал легендарное прозвище астронавта. Да, каждый из героев имел нечто вроде клички, широко известного в Галактике прозвища; кто был Галактом, кто Ракетой, кто — Звездой...

На мгновение перед тусклым взором бедолаги раскрылось бесконечное пространство, пронесся вихрь солнц — голубых, зеленых, пурпурных; закрутились спи-

рали туманностей, промелькнула вся бесконечная Вселенная, которую он так любил и которую вот-вот должен был потерять. Все это он пережил в одно короткое мгновение: взлет галактического крейсера, распахнувшиеся перед ним черные бездны, устремившиеся навстречу загадочные мрачные планеты, укутанные тяжелой вуалью облаков и увенчанные короной молний...

«Вы сможете прожить еще одну жизнь» — сказал ему искуситель. Но сколько лет в действительности они могли подарить ему? Сколько веков? Или сколько дней? А потом? Снова этот провал, снова падение в бездну в капкане дряхлого изношенного тела? Снова смерть, которая придет к нему так неспешно, потому что она почти забыла о своих обязанностях...

На почерневших губах выступила липкая розовая пена. Как трудно было найти несколько слов, этих единственных нужных слов... Составить из них предложение...

Соллер прошептал:

— Я не хочу прожить ещё одну жизнь.

2.

На него снова опустилась ночь. Сыворотка перестала действовать, но она заметно продлила агонию. Он опять почти ничего не видел, и язык у него во рту снова онемел. Но он был в состоянии слышать. Хотя и еле-еле, но все же слышать. За ватной стеной, неумолимо обволакивавшей его, где-то рядом по кабине бегал доктор Мист, заламывая в отчаянии руки и негромко повизгивая от огорчения. Длинный, с тонкими конечностями, он походил на паука, но носатым профилем напоминал скорее ворона. Зрачки у него были желтыми и светились в темноте — это были единственные проблески света, которые улавливали в охватившем его мраке полумёртвые зрачки Фрэнка Соллера.

— Я не понимаю! — кричал доктор. — Такой человек, как вы! Такой могучий ум! — Он сознательно подбирал самые банальные выражения, которые мог понять даже слабоумный старик. — Вы что, почему-то боитесь поставить свою подпись? Боитесь, что ли, потерять свою бессмертную душу? Да это же простая формальность, я уже говорил вам! Перед любой операцией врач старается на всякий случай обезопасить себя. В свое время, встречались оригиналы, которые требовали пересадить им плавники от акул Ахерона; потом они неожиданно стали вести себя совсем, как эти акулы — со всеми вытекающими отсюда последствиями... Ну, вы понимаете — пришлось пустить в ход сети, гарпуны, механизмы для разделки туш... Семьи этих ненормальных подняли страшный шум... Всегда откуда-то появляются эти семьи! Правда, я надеюсь, что ваш случай будет исключением — вряд ли у вас осталась где-то семья... Поэтому ваша подпись будет вашим личным обязательством, и только. Впрочем, к черту подпись! Скажите просто, что вы согласны. Да, у меня есть под рукой портативный стереомагнитофон. Или качните головой — он достаточно чувствителен, чтобы уловить даже незначительный шорох. Нет? Ну, хорошо, тогда вы потеряете всё. Вы слышите — всё!

Монолог был довольно продолжительным, но доктор Мист прекрасно знал, что Фрэнк слышит его.

— У меня есть все права на подобное чудо. Что, вы всё равно не хотите попробовать? Вы дубовая башка, тупица, а не астронавт! Я никогда не поверю, что вы были большим ученым, никогда! У вас нет ни любопытства, ни мужества настоящего ученого. Как, вы не хотите узнать, что произойдет со Вселенной через несколько секунд после вашей клинической смерти? А эти звездные выводки в туманности Змеи — вы позволите кому-нибудь другому открыть и исследовать рождающиеся звёзды? И вам всё равно, что кто-то другой раскроет тайну радиогалактик? Вам наплевать, что вы можете узнать, что находится с другой стороны, там, в антимире? Неужели это так?

Молчание в ответ.

— Вы никогда не испытывали ничего, подобного тому, что я предлагаю! Вы ведь не видели возвращения умершего к жизни? Не наблюдали превращения амёбы или машины в мыслящее существо? Вы не создавали новые миры? Но это же последняя, самая величественная, самая божественная мечта любого учёного... Нет, вы не только перестали быть учёным, вы никогда и не были им! В этом случае, несомненно, что-то иное увлекало вас в пространство... Хрустальные рудники на чёрных планетах, тучные прерии, астероиды с золотыми плодами на деревьях... Вы сможете завладеть всем этим; ведь и до сих пор Земля не так уж плохо относилась к вам — а Звёздный Совет может вознаградить вас ещё весомее! Нет? Богатство интересует вас не больше, чем знание? Тогда остается власть — владычество над людьми и вещами. Можно подумать, что у вас нет ни одного врага, которого вы мечтали бы унизить; неужели никто не нанес вам обиды, за которую вы должны отомстить? Не нужно далеко ходить за примерами — я знаю на Эвтерпе одну маленькую принцессу, которую, как только разжались ваши объятья, ее супруг-диадох приковал цепями к столбу возле муравейника с красными муравьями. Говорят, она кричала много часов подряд. А наутро все увидели прикованный к столбу белый скелет... Не забывайте, к тому же, что ночь на Эвтерпе длится 86 часов... Вы могли бы привязать этого диадоха к хребту жабоящера — его яд проникает в тело жертвы через каждую пору... Что, и это не интересует вас? Вы сможете стать императором бесчисленных планет, на которых вам в образе звезды или титана будут поклоняться местные властелины, вожди дикарских племен; они будут обожествлять вас, целовать следы ваших ног. Вы сможете увлечь на штурм неведомого целые стада фантастических комет... Тоже нет? Вы — безмозглый осёл, а не великий завоеватель, вы — дряхлая развалина, старая тряпка! Нет, нет, простите меня, я не знаю, что говорю... Ведь вы — великий герой космоса, идол толпы, ваше изображение помещено на стенах Капитолиев всех обитаемых миров, и даже дети знают и обожают вас... Нет, я бы с наслаждением прикончил вас своими собственными руками...

В ответ — молчание, ничего, кроме молчания.

Доктор Мист снова взял себя в руки. Он склонился над чёрной мумией, пощупал высохшее запястье, поднес зеркальце к губам в тут же схватился за шприц.

— Уф! — выдохнул он, наконец. — Да, пришлось довольно жарко. Он чуть не умер — до этого было совсем недалеко. Зато теперь я вогнал в него две или три максимальных дозы сыворотки... Но что будет потом? Не знаю... Ладно, будь, что будет. Даже дьявол имеет право на отдых... Ну, а этому бедняге нужно как следует отоспаться...

Но бедняга не спал. Он старался затаиться в своей омерзительной телесной тюрьме, он лежал как можно более неподвижно, чтобы сохранить хотя бы частичку прежней силы в высохших мышцах. Он не смог бы объяснить, зачем он это делает. Чтобы бежать? Но он был не в состоянии передвигаться. Чтобы оказать сопротивление? Но это было смешно. В то же время, когда доктор Мист говорил о тучных пастбищах и диких властителях, его посетило смутное воспоминание. Он вспомнил двух астронавтов, потерпевших крушение на Проционе и оказавшихся на узком гребне из чистого графита, вздымавшемся над океаном, населённом хищной пеной. Чтобы не попасть живыми ей в лапы, они нашли силы, чтобы загнать себе в мозг осколки скафандра. В любом случае, для ухода из жизни можно найти сколько угодно дверей! У него ведь в грудной клетке билось такое изношенное сердце; достаточно небольшого усилия, чтобы...

В этот момент, он почувствовал, что корабль совершил посадку. Но на какой планете? Стены кабины, покрытые специальной обивкой, не пропускали звуков. Ракета, безошибочно ведомая пилотом-автоматом, мягко приземлилась, и всего лишь один человек на борту уловил это, да и то только потому, что каким бы изношенным ни был его организм, но за многие годы он стал как бы частью механизмов корабля. Этим человеком был Фрэнк Соллер, старейшина астронавтов Земли. Этот лёгкий толчок, который ему пришлось ощутить не одну тысячу раз, этот мягкий, почти незаметный отскок — все это, несомненно, свидетельствовало, что корабль опустился на поверхность планеты. Благодаря лошадиной дозе сыворотки, Фрэнк нашел в себе силы, чтобы докатиться до края противоперегрузочного ложа и свалиться на пол. Дальше он принялся продвигаться медленными судорожными толчками, напоминавшими способ передвижения рептилий. В любую минуту мог войти санитар-андроид; мог появиться и доктор Мист, да и мало ли кто ещё. Он хотел умереть, он знал это твердо, но он не хотел, чтобы его унесли куда-нибудь и начали исследовать. Ему казалось странным, что это дряхлое сердце все еще билось в груди, заполненной раздувшимися легкими.. В самом начале своего отчаянного путешествия он подумал: «Ну, вот, ещё одно движение, и я готов!» При этом, он ощущал определенное удовлетворение, когда снова и снова думал, что вот-вот будет «готов». Неожиданно для себя он осознал, что уже думает совсем иначе: «Я должен любой ценой продержаться хотя бы еще один метр. Двери совсем рядом». Это были двери, сдвигающиеся в сторону по мысленной команде; к счастью, тот уголок его мозга, который мог отдать такую команду, не был парализован.

Дверная плита скользнула в сторону.

Лучше не говорить о том, что представлял собой его путь по бесконечным коридорам и переходам, по словно заснувшему кораблю, по этой громадной капсуле,

обслуживаемой исключительно роботами, управляемыми каким-нибудь светилом медицинской науки — может быть, самим доктором Мистом. Но инъекция доктора действительно оказалась удивительно сильнодействующей, и скоро он оказался в состоянии помогать себе локтями и коленями. Он продолжал ползти и никак не мог умереть. Но теперь он уже не думал об этом — он снова пытался выиграть очередное пари со смертью. Какого чёрта, ведь он — Фрэнк Соллер, он должен добраться... куда? Он толком не знал. Только что он мечтал о смерти, как о величайшей милости... Впрочем, он и сейчас был готов умереть — но только не здесь, Где-нибудь в укрытии, в какой— нибудь глухой норе. Он должен был лишить доктора Миста удовольствия вскрыть свой труп. Его поддерживало наивное старческое упрямство.

Через какое-то время шаги андроидов, очевидно, приступивших к выгрузке больных, швырнули его, почти потерявшего сознание, в закоулок цилиндрического коридора, проходившего через весь корабль. Там он распластался, прижавшись к полу, настолько жалкий, настолько не похожий на живое существо, что разумные механизмы прошли мимо, не обратив на него внимания. Хорошо, что они не обладали обонянием — тёрпкому запаху старческого тела не на что было воздействовать, чтобы привлечь их внимание. В разодранной в клочья тунике, со стертыми в кровь локтями и коленями, он чувствовал удовлетворение хотя бы потому, что его царапины почти не кровоточили — наверное, в его теле почти не осталось крови.

Мимо него протопали два робота, тащивших носилки, на которых неподвижно покоилось чьё-то тело. Очередной юный герой, пострадавший в нелепом звездном конфликте... Соллер скатился вниз по наклонному полу и оказался под носилками. В выходном шлюзе эту странную группу залил яркий свет контрольного прожектора. Механизмы обменялись несколькими невыразительными фразами, типичными для современных андроидов:

— Еще одна дохлятина?

— Нет, он ещё не совсем загнулся.

— Это та самая развалина ?

— Нет, это один из тех, кто остался в живых после газовой атаки под Расальхагом на Альфе Змееносца.

— Пюре?

— Да, герой-пюре.

— Ладно. Тот же коэффициент. Годен на свалку.

Фрэнку очень хотелось изо всех сил пнуть ногой их металлические лодыжки; похоже, что уколы действительно омолодили его. Но он сдержался и без приключений добрался до выхода, старательно держась под носилками. В один из моментов этого маршрута ему на лицо упали тяжелые капли — это была кровь несчастного, просочившаяся сквозь тонкую подстилку.

Но этот человек был ещё жив! И он мог умереть, если ему немедленно не окажут помощь! А эти дурацкие машины...

Выходной люк распахнулся.

В лицо Соллеру ударила такая волна свежести, такого сильного аромата, что он на мгновение потерял сознание — вероятно, от наслаждения. Несомненно, это была Земля. Земля! У него ещё нашлось время подумать, что он ведь мог очутиться и на планете без атмосферы или с воздухом, непригодным для дыхания — из углекислого газа, например, или из аммиака. Он мог вполне оказаться среди расплавленной лавы или среди ледяных гор — у него был один шанс из миллиарда... Словно неодушевленный предмет, он продолжал катиться вниз по пандусу. Когда он очнулся, роботы вместе с умирающим уже исчезли. Соллер лежал, подобно обескровленному трупу, возле мусорного бака — настоящего мусорного бака! — на обочине мостовой, зарывшись лицом в кучу отбросов. Удивительно тощий черный кот (если, конечно, это не было механическое устройство в виде кота) сидел на откинутой крышке бака, явно выставленного из только что прибывшего корабля.

3.

Соллеру было до омерзения холодно; когда ему, наконец, удалось извлечь свою физиономию из кучи мусора, он увидел в бледном пространстве над головой черную луну.

Его первой мыслью было: «Луна умерла!»

Он тут же вспомнил, что уже в эпоху первых космических полетов луна была тёмным телом, светившимся только отраженным солнечным светом... Если она сейчас ничего не отражала, значит, она находилась в эклипсе. Полном. И очень продолжительном. Или что она...

Да, луна... Он попытался рассуждать. Было очень холодно, но не настолько, как могло быть, если бы... И этот кот, возможно, был настоящим. На протяжении столетий ученые спорили, выдвигая все более и более изощрённые гипотезы и пытаясь понять, что произойдет с Землёй, если когда-нибудь Солнце... Да, но эта теория выглядела слишком неправдоподобной. Пессимисты предсказывали мгновенный конец света, ледяную пустоту, абсолютный холод. Оптимисты хватались за данные о всё ещё находившемся в расплавленном состоянии земном ядре. Как же, расплавленном... Черта с два! Фрэнк чувствовал, что его руки и ноги закоченели.

Странно, но чёрная луна отбрасывала длинную тень на совершенно пустынный космодром, на который уже надвигались пески. Всё это было удивительно похоже на марсианскую пустыню.

— Эй, дед, — пропищал кто-то рядом с ним. — Ты ещё не совсем загнулся?

— Не совсем.

— Ты что, упал?

— Да.

— Эта дрянь, — произнёс с явным и довольно приятным земным акцентом голосок, звучавший достаточно почтительно, — ну, всё это, во что вы засунули свой нос, ни на что не годится. Может, вы хотите банан?

— Банан?

— Ну, да, банан. От Асцелли. С гарантией. Он валялся возле корабля. Конечно, малость подгнивший.

Внезапно он почувствовал непреодолимое, дикое желание попробовать гнилой банан. Он — дряхлый, умирающий старик... А Земля лишилась Солнца... Но он преодолел искушение и спросил как истинный джентльмен:

— Тебе самой, наверно, хочется попробовать банан?

Над ним появилось бледное лицо — большие глаза, маленький носик — над худеньким тельцем, завернутым в драный мешок (иначе эту одежду не назовешь) из лоскутов искусственного меха. Большой бледный рот кривился на узком лице девочки (лет двенадцати? Или четырнадцати?), изображая печаль.

— Мне уже ничего не хочется... Держите.

К счастью, он не мог протянуть руку — его запястье, да и вся рука до самого плеча онемела. Банан заплясал перед его носом, затем неожиданно взлетел в воздух и расплющился об обшивку корабля. На нематериальном лице появилась свирепая ухмылка.

— Ты что, решил, будто я отдам тебе эту жратву? Тебе, дохлятина? Тебе, падаль? Тебе...

Она танцевала вокруг него, и ее хрупкие тонкие ножки попирали мусор. Ему удалось пробормотать:

— Но почему?

— Что почему?

— Почему ты ненавидишь меня?

— Я ненавижу всех и всё, — быстро сказала она. — Я... Впрочем, я скоро подохну. А все мужики — подлецы.

Она произнесла эту тираду, как хорошо выученный урок. Конечно, она была старше, чем ему показалось вначале. У нее была тонкая талия, и глаза на лице, таком худом, что было видно, как под прозрачной кожей, блестевшей голубоватой прозрачностью, двигаются мышцы. Фрэнк понял, что она была безумной. Идиотка от рождения, или это радиационное поражение? С горьким удивлением он подумал, что ничего не знает — как и все его бывшие товарищи — о последних конфликтах, о последних катаклизмах, поразивших Землю.

— Ты пострадала от радиации?

— Маргрид, меня зовут Маргрид, — пропела она. — И если ты всего лишь Имаго, мой кот отгрызет тебе нос!

Она словно растворилась в ночи с грациозностью ребенка или привидения, и именно в этот момент у него нашлись силы, чтобы приподняться — и увидеть всё.

Да, космодром выглядел заброшенным, как все посадочные площадки на мертвых планетах. Дорожки, когда-то асфальтированные, были покрыты песком и толстым слоем льда (хотя и не таким толстым, как можно было ожидать). Он, несомненно, находился на Земле — рисунок созвездий и множество стационарных спутников, резко выделявшихся на бледном небе, несомненно, подтверждали это. Но луна была чёрной, с узким темно-багровым гало вокруг диска. Впрочем, эта ледяная Земля, морозный воздух которой колол вам легкие при каждом вдохе, не выглядела совершенно мёртвой. Справа, на фоне слабого красноватого зарева, вырисовывались каркасы из бетона и стали, зловещие руины города, который, как оценил Соллер по размерам космодрома, был огромным. Скелет города над призраком космодрома.

Под непрозрачным тусклым небом не было ничего, кроме этих руин, да еще этого изголодавшегося зверька в куче замерзших отбросов.

«Вот, значит, что они сделали с Землеёй!» — пробормотал про себя Соллер, пытаясь подняться.

Сыворотка, даже если ее количество было недостаточным, продолжала действовать. Его охватила свирепая ярость и холодное любопытство. Он хотел увидеть всё вблизи, и он ненавидел всеми фибрами души тех, кто за спиной увлеченных звездами безумцев довел их родную планету до невероятного упадка. Потому что в космосе никто ничего не знал о судьбе пострадавшей от предательства родины. Радиостанции, размещенные на ближайших планетах, транслировали слащавые лживые передачи, а в это время Земля...

«Они замучили ее, они уничтожили ее, они...»

Они? Кто — они?

Это и нужно было выяснить.

Тем временем, он продолжал оставаться бессильной развалиной, ползком передвигавшейся среди куч мусора, дряхлым полутрупом, которому был опасен даже бродячий кот. Стоило только ему приподнять голову, как животное ощетинивалось и готовилось к прыжку. Его желтые глаза светились, словно... да, правильно, словно глаза доктора Миста! Разумеется, немногочисленные уцелевшие на опустошённой планете животные совершенно одичали, и кот превратился в маленькую пантеру.

Стоит только Соллеру пошевелиться, в кот кинется ему в лицо. Да, забавное тогда начнется сражение! Впрочем, на это Маргрид и рассчитывала.

Он попытался поговорить с животным тихим спокойным голосом, но добился

только злобного шипения в ответ. Когти маленького хищника царапали камни мостовой, и Франка охватило бессильное бешенство — бесполезность любых усилий раздражала его. Подумать только — стоило ему проникать в бездны относительности, завоевывать смертельно опасные миры, становиться грудью на защиту Земли — чтобы, в конце концов, оказаться совершенно беспомощным перед одинокой смертью. И какой унизительный конец — только представить, что его растерзает бродячий кот! Стальные когти, тем временем, всерьез угрожали его глазам. Напрягая последние силы, он попытался подобрать какой-то огрызок, чтобы запустить им в кота, когда из темноты донесся шорох, потом звуки шагов; из ночи вынырнуло несколько теней.

— Здесь! — пропела Маргрид. — Вот он! Пуззи не дал ему смыться!

Их было трое — три фигурки, закутанные в облезлые шкуры: горбатый клоун-калека, ростом не больше двенадцатилетнего ребенка; огромная волосатая полуобезьяна и безумная девушка. У калеки вместо рук были крючья, и он передвигался на небольшой низкой тележке, какими пользуются для перевозки багажа перронные носильщики. Он размахивал невероятно древним оружием — одностволкой 22 калибра.

Когда они приблизились, кот с недовольным видом отпрыгнул в сторону, но Маргрид успокоила его хриплым мяуканьем. Очевидно, это был ее сторожевой кот, ее приятель или друг. Безногий обрубок подкатил на своей тележке к Соллеру и наклонился, едва не воткнувшись в него носом. Почти сразу же он выпрямился и презрительно сплюнул в сторону.

— Никогда еще не видел такого мерзкого скелета! — заявил он.

— Не протянет и пяти минут! Сожрать не удастся — задубел. Ты плохо поохотилась, Маргрид!

Девушка начала оправдываться.

— А там никого больше и не было! Только роботы, которые таскали дохляков!

— Куда?

— Как всегда, на консервы.

— Ладно, ими займутся. Ну, а с этим что будем делать?

Горилла, ничего не сказав, наглядно показала жестом, словно выкручивая тряпку:

— Куик!

— Нет, не куик! Ты, Валь, всегда думаешь только об одном... Когда парень только собирается загнуться, он еще годится на консервы. Но этот слишком старый, чтобы пустить его на мясо. Я вот думаю, что раз он такой древний...

— Что-что?

— Этот старикашка может знать что-нибудь интересное. Может быть, кучу разных штуковин. Тогдашние типы были хитрыми ребятами.

— Например? — Похоже, Маргрид это заинтересовало.

— Например, он может научить нас, как оживить Централь. После того, как она окончательно сдохла, в Городе стало слишком холодно. Может быть, он знает, как нужно чинить эти хреновины, которые поют и говорят. И все такое. Слушай, Валь, а у них там, в Магии, затрясутся поджилки, когда весь город будет освещен ночью! Ну, сила!

— А люди, они-то что скажут? — проворчал Валь.

— Люди годятся только на то, чтобы стричь их. Никто не осмелится пробраться сюда. Нет? Ну, тогда они останутся без потрохов!

— Их тут сожрут крысы!

— Если бы только крысы...

В темном небе Большая Медведица вычертила свой точный контур.

— Слушай, Зигги, — мечтательно заявила девушка-идиотка, — а что, если он может запустить станки, чтобы делать разные штуки? Красивые платья, которые можно надеть, туфли на высоком каблуке, и всё такое?

— Ну, и что мы будем теперь делать с этой развалиной? — проворчал Валь. Он подобрал раздавленный банан и громко чавкал им.

— Мы заберем его с собой, — сказал уродец, которого звали Зигги. — Ты с Марго запросто дотянешь его. Он совсем прозрачный и не весит ни фига.

— А консервы?

— Могут подождать. Ты же не захочешь, чтобы Имаго нашли его в мусорном баке? Эти типы старого времени, это настоящие резервы энергии... Валь, бери его за голову. Марго, а ты — за ноги. Ну, вперед! Уже чертовски поздно.

Всё это говорилось на явно земном языке, хотя и почти неузнаваемом, с варварскими сокращениями, когда, например, фраза «нашли его в мусорном баке» звучала примерно как «нашли его мусбаке», а станки обозначались словечком «делвещи».

На протяжении всего разговора Соллер не произнес ни слова. Он старался сберечь силы. В любом случае, он получил возможность передвигаться и удовлетворить свое любопытство, последнюю радость дряхлой старости.

— Увидеть Туле, Последнее Туле, — едва слышно пробормотал он.

Уродцы схватили Соллера, не особенно деликатничая с ним, и нырнули в беспросветный ночной мрак. Но была ли это действительно ночь? Солнца не было — это казалось очевидным. Слабый свет давали звезды и светильники, расположенные возле строений за пределами космодрома; уродцы говорили, что там находятся «делвещи». Соллер увидел, как мимо него, будто в старинном кинофильме, уходили назад мертвые улицы, полуразрушенные фасады взорванных зданий, груды железа, очевидно, когда-то бывшие транспортными механизмами. Город был гро-

мадным, изуродованным и совершенно безлюдным. По характеру разрушения можно было предположить, что он подвергся атаке с применением ультразвука. Но когда это случилось? Облик развалин не позволял даже высказать догадки об эпохе, когда город был уничтожен, хотя некоторые признаки — почти нетронутые эрозией стены, сохранившееся под слоем льда покрытие тротуаров — позволяли думать, что произошло это сравнительно недавно. Консервная фабрика использовала свои собственные генераторы, а космодром, очевидно, прогревался при каждой посадке очередного корабля, так как вокруг него температура была заметно выше, чем на некотором удалении. В городе ледяной воздух резал горло и легкие, словно ножом; носильщики перешли на рысь, и Зигги мчался рядом с ними на своей тележке, словно сумасшедший.

В конце концов, они оказались перед огромным зданием с подъездами, заложенными каменными блоками. Фрэнк понял, что это был один из тех муравейников, в которых, как хвалилась Земля, были сосредоточены все службы мегалополиса. Стены выдержали лавину ультразвука и лазерного излучения, хотя и покрылись трещинами. Перед бронзовыми дверями их встретила охрана — молодые, совсем юные калеки, очень похожие на Зигги. Что касается последнего, то он накинул на лицо Соллеру край фланелевого одеяла, чтобы не привлекать внимание стражей. После непродолжительных переговоров, его группе было позволено войти в здание. Это произошло весьма своевременно — Фрэнк уже перестал ощущать нос и уши.

Внутри они очутились в настоящем городе. Извилистые коридоры играли роль улочек, залы выглядели площадями. То тут, то там пробитые водопроводные трубы изображали фонтаны. Гетто явно страдало от перенаселения. Все помещения были заполнены туземцами; они занимали даже бронированные комнаты-сейфы, разделенные самодельными перегородками на отсеки. Бледные тени сплошной толпой, плечом к плечу, заполняли коридоры, текли по ним медленной рекой. Обращали на себя внимание покрасневшие воспаленные глаза у большинства обитателей дома; они блестели стеклянным блеском на изможденных лицах. Их было слишком много, тощих, словно скелеты, или опухших, будто долго валявшиеся на солнце трупы; все были одеты в нейлоновые лохмотья или облысевшие меха; самым старым среди них было не более 15-16 лет.

Соллер понял, что перед ним находится, наверное, почти всё, что осталось от человечества. Очевидно, их родители бежали от катаклизма; вернувшись, они нашли уцелевшим только это огромное здание.

Как им удалось выжить? Общественный строй, установившийся к этому времени, явно не был доведен до идеала, хотя каждому удалось сохранить свою охотничью территорию. У Зигги, Маргрид и Валя это был космопорт, и действия на его территории требовали от охотников определенной отваги. Каморки в доме-городе сдавались «старыми» хозяевами, которые наводили ужас на всё более юное население. Зигги со своей командой не слишком процветал, как это было видно по обстановке в их убежище. Оно походило скорее на кабину небольшого космокатера,

вяло подумал Соллер; но в углу под самым потолком, из-под грязи и копоти выглядывал кусочек великолепной фрески, на которой ангелы и сивиллы резвились среди огненных облаков.

Посреди каморки каменная плита скрывала под собой небольшое углубление вроде погреба, где дети прятали свою добычу. Они затолкали туда Соллера, не преминув упрекнуть его за то, что он словно вырос за какой-то час (что, между прочим, было верно подмечено).

Последним в комнатушке появился Зигги — он немного поболтался в коридоре.

— Имаго! — сказал он. — Всегда эти имаго! Они не перестают преследовать нас. Говорят, что сегодня поблизости видели их разведчиков... Надо поспешить, пока наша развалина еще годится на что-нибудь; иначе... — Он не закончил свою мысль, впрочем, и так достаточно ясную. Маргрид что-то невнятно пробурчала, не переставая копаться в груде тряпок в углу комнаты.

— А как мы узнаем, годится он на что-нибудь, или нет? — спросил Валь. — Может, он уже и языком пошевелить не способен...

— С этим мы как-нибудь разберемся, — многозначительно сообщил Зигги.

Тем временем, все постепенно освободились от лохмотьев, которые они носили вместо одежды; без них они выглядели удивительно жалкими и тщедушными, за исключением Валя, очень похожего на обезьяну. Помещение заполнилось отвратительным запахом давно не мытого тела.

— Где эта коробка? — спросил Зигги,

Валь покопался в углу я извлек на свет, действуя на редкость осторожно, небольшой аппарат на батарейках, с двумя присоединенными к нему электродами.

— Ну-ка, воткни ему эти иголки между пальцами ноги, — посоветовал Зигги. — Только осторожно; он такой старый, что может рассыпаться, если перестараться с дозой. — Потом он обратился к Соллеру: — Теперь, мое сокровище, ты нам расскажешь всё, на что ты способен. Знаешь, что это такое? — Он показал на приборчик. — Это лекстричество — оно может освещать, но оно может и делать очень больно. Ты нам всё расскажешь, как только поймешь это.

После этого предисловия состоялся небольшой сеанс пыток, проведенный весьма старательно, но оказавшийся совершенно незамеченным Соллером — его ноги были парализованы и потеряли всякую чувствительность. Правда, электрические разряды позволили ему понять, что ещё не всё потеряно, он сможет ходить.

— Мне кажется, что это на него не действует, Зигги, — сообщил шефу Валь-шимпанзе.

— У него кожа толще, чем кора у старого дерева — я уже сломал одну иголку. Не похоже, что ему больно — у него мёртвые ноги.

— Значит, он ещё старше, чем я думал, — промолвил выкидыш, облизнув толстым языком губы. — Я слышал, что когда-то решили сохранить жизнь большим

шишкам и... Может быть, он уцелел ещ` с тех времен, когда везде прятали сокровища... кольца, ожерелья из драгоценных камней и все такое. Можно попробовать поджарить его... Нет, он тут же загнётся, и мы ничего не узнаем.

— Ах! — пискнула Маргрид. — Драгоценные камни! Я хочу камни! — Она обернулась, и теперь можно было видеть, что она держит на руках небольшую личинку, приклеившуюся к ее маленькой груди и пытавшуюся сосать молоко. Это было настолько неожиданно — белая с розовым грудь, тонкая струйка молока, вытекающего из маленького жадного ротика — что можно было даже не обратить внимания на то, что у ребенка нет ни ног, ни рук. И наш невероятно древний герой, пришелец из давно ушедших времен, не смог сдержать странную дрожь. Но зоркий глаз Зигги заметил это, и его беззубый рот растянулся в злобной улыбке.

— Похоже, я нашел что-то получше, чем искры, — воскликнул он. — Этот старикан, видать, ещё способен кое на что. Мы оставим его с Маргрид — ты знаешь, что тебе нужно делать, Марго?

— Конечно, — кивнула девочка. — И тогда у меня будут камни? И вот такие жемчужины?

В тесной клетушке царил отвратительный запах пота, горелого мяса, протухшего жира и влажной грязной одежды. Зигги удивительно человеческим движением провел рукой по лбу.

— Здесь можно задохнуться, правда, Валь? Пошли, прошвырнемся немного...

И они исчезли, оставив Маргрид на краю углубления, где лежал Соллер. Она не спешила, продолжая кормить свою личинку. Возвышаясь над парализованной мумией, лежавшей в дыре, как в могиле, она выглядела — в лохмотьях, с голыми грязными ногами, с усталой улыбкой на устах — подлинным воплощением счастливого материнства.

— Это ребенок Зигги? — неожиданно спросила мумия. — Или Валя?

— Зигги? Валя? — она машинально повторила слова Соллера, тупо глядя на него, словно не понимала его или находилась где-то очень далеко.

Потом она тихонько запела:

— Это мой малыш, он тихо спит в своем гнёздышке. Мы все скоро попадём в рай, где нам будет хорошо.

Она присела на корточки над погребом, и ее платье бесстыдно задралось. Подняв руки, она извлекла из волос большую металлическую булавку. Светлая прядь волос слегка шевелилась на выступающей ключице.

— Жемчуг, — сказала она. — Ожерелье из жемчужин. Голубых, зеленых, красных. Наденешь его, и станешь такой красивой... Но нужно, чтобы было, что съесть. Я должна есть, чтобы кормить ребенка. Если ты сейчас скажешь, где можно найти этот жемчуг, то я, может быть, спущусь к тебе. И лягу рядом. Я же не мертвая, нет. Я еще молодая. Потрогай мою кожу. Ты молчишь? Тогда я, пожалуй, выколю тебе глаза...

В этот момент пронзительный визг реактивного двигателя разорвал в клочья царившую снаружи тишину.

4.

— Похоже, я прибыл вовремя, — сказал доктор Мист, опустившись на колени над погребом. — Ну, скажем, почти вовремя. Вы хотели увидеть Землю — и вы её увидели. Но вы понимаете, что нам нужно поторапливаться? Я могу сделать вам еще один укол — только один, после чего вам придется принять решение.

После укола Соллер сел в своей яме, словно Лазарь, восставший из могилы.

— Так вот, что вы сделали с Землёй! — сказал он.

— Мы и сделали, и не сделали этого. Ведь Земля была осуждена очень давно — по меньшей мере, с неудачного эксперимента с Атлантидой. Конечно, позднее на ней совершались отдельные чудеса, были случаи отступления от общего правила — я имею в виду Иисуса, Будду и некоторых других мессий. Это были существа, способные искупить все грехи человеческие. Чистые духом. Но так не могло долго продолжаться. Да и вы сами пару раз способствовали переменам.

— О чем вы говорите?

— Вы можете гордиться тем, что подарили людям галактическое пространство. Вы избавили человечество от угрозы, исходившей из антимира. Впрочем, вы ведь были тогда не в одиночестве, не так ли? Когда вы повернулись спиной к Земле, обратив свои пылающие взоры к звездам, когда начали завоевывать туманности и блуждать по радиогалактикам, здесь, на Земле, кое-кто начал предаваться не слишком хорошим играм. Я не смогу объяснить вам, почему случилось именно так, да и времени на это у нас нет. Они обрушили друг на друга все самое страшное — ультразвук, микроволны... И все закончилось тем, что они ухитрились погасить Солнце.

— Да, — сказал Соллер. Он смотрел на Маргрид, лежавшую на полу, подобно сорванной и брошенной розе. Совершенно беспомощная, она все же инстинктивно пыталась прикрыть телом свое жалкое дитя. — Я надеюсь, что ей не слишком сильно досталось...

— Что? А, вечное преклонение перед женственностью... Это всё ещё волнует вас? Да, это самая стойкая, самая жизнеспособная сила природы — у неё нет даже царапины. Впрочем, их и не должно быть — я воспользовался гипноизлучателем. В любом случае, нам пора выбираться из этой дыры.

— Пожалуй, она даже красива, — промолвил Соллер, не отводивший глаз от своей юной мучительницы.

— Понимаю, укол оказался слишком сильнодействующим. Но я ведь предупредил вас, что это последний укол, который я делаю вам просто так. Теперь вы должны решить — всё, или ничего. Что вы сказали?

— Я повторяю вопрос, который я уже задавал: значит, вот это, именно это вы и оставили Земле?

Доктор деликатно поджал губы.

— О, нет, — воскликнул он. — Но вы должны выслушать меня...

Завывания, крики, высокие свистящие звуки неожиданно заполнили многоэтажные внутренности громадного здания. Фиолетовые и зеленые клубки огня в виде шаров, лучей и молниеподобных зигзагов вспарывали стены помещений. На лестничных клетках возникали странные вихри, и на их месте тут же появлялись колдовские метлы, черные коты и какие-то крылатые бочонки, свиньи и ящерицы. Но в распахнувшуюся дверь неожиданно вошло обычное человеческое существо.

— О, Кассандра! — воскликнул доктор.

Удивительно красивая девушка благородного вида, с высоким лбом мраморной статуи, хризолитовыми глазами и черными волосами, вьющимися вокруг головы, подобно змеям. Белый с черным меховой комбинезон выгодно подчеркивал ее прелесть. Ее губы, розовые, как треснувший гранат, обронили:

— Это опять вы, доктор Мист!

— Прошу прощения, но это действительно я, — поклонился доктор.

— У вас просто талант всегда оказываться у меня под ногами... Но хватит отступлений — я ищу землянина, родившегося в глубокой древности и владеющего секретами невероятного могущества. Ах, это, наверное, вы? — И она отступила на пару шагов, изобразив смущение.

В этот момент Фрэнк поднялся из своей дыры. Благодаря новой дозе сыворотки, его облик вновь принял благородные пропорции Зевса из Гелиополиса: мощные формы тела, короткая курчавая бородка, мужественное, хотя и слегка поцарапанное лицо. Его саван, рассчитанный на мумию, лопнул по всем швам и распахнулся снизу доверху.

— Простите, — сказал он, закрываясь, насколько это было возможно. — В этом мире калек и уродов так приятно неожиданно встретить столь совершенную красоту.

— Я тоже рада встретить вас, — призналась юная красавица. — В Магии сейчас начались разговоры о том, что на Земле появился новый Мафусаил. Но нам нельзя терять ни минуты — я оставила свой гелико на крыше; если нам повезет, мы сможем пробиться туда без особых потерь, но вряд ли обойдётся без стычек.

Доктор Мист слегка отшатнулся.

— Что? Вы хотите отвезти нас в Магию?

— А куда вам хотелось бы попасть? Я же работаю пилотом на их внутренних линиях. Впрочем, вы напрасно беспокоитесь, никто не собирается причинить вам

ни малейшего зла. Ведь они нуждаются в умеющих левитировать, в ясновидящих, в конце концов, в обычных ученых...

— Как будто у них нет ученых! К тому же, самых крупных, самых известных.

— Ах! — воскликнула девушка со скукой во взоре. — Вы же знаете, что это не одно и то же... Это ведь контакт с материей разного характера. Впрочем, вы идете, или нет? Мне некогда спорить с вами. Думаю, вы и сами слышите, что происходит вокруг?

Действительно, за её спиной грозным валом поднимался страшный шум. Топот ног заполнил лестничные клетки, перегородки затрещали под напором тел. Было похоже, что поднялось всё гетто; толпы калек и уродов ринулись на приступ. Бросив последний взгляд на всё ещё лежавшую без сознания Маргрид, Фрэнк вооружился оторванной от перегородки доской, тогда как доктор Мист схватил аппарат с электродами. Шествие возглавляла Кассандра, размахивавшая, словно дирижерской палочкой, небольшим дезинтегратором с длинным стволом. Справа и слева от нее бежали две гигантских белых крысы, явно выполнявшие роль телохранителей.

Построившись в боевой порядок, беглецы стремительно продвигались вперед. В это мгновение перед ними рухнула капитальная стена, раздавив множество недоносков и других отвратительных чудовищ. Кассандра проложила в толпе кратчайший путь, наметив его короткой огненной дугой, после чего вся группа ринулась по ведущей наверх лестнице. Тем временем, выбираясь изо всех углов, появляясь из боковых коридоров и выныривая их трещин в стенах, вокруг них продолжали скапливаться жуткие и отвратительные обитатели клоаки. Они вопили, пищали и визжали; то и дело за одежду идущих на прорыв цеплялись кривые когти; острые зубы впивались в их ноги. Омерзительный гном, вскарабкавшийся на капитель колонны, пытался всадить Кассандре в лицо большой железный крюк. Фрэнк нечаянно наступил на лицо Зигги, свалившегося ему под ноги со своей тележки. Крысы Кассандры яростно кусали всех, до кого могли добраться. Страшная одутловатая кукла, сидевшая верхом на монстре из кошмарного сна, командовала схваткой, выкрикивая чудовищные богохульства.

Жуткую сцену освещали пропитанные смолой дымящиеся факелы и огарки свечей. Вскоре от них с треском занялись груды обломков пластика и прочего хлама. Лестничную клетку заполнил густой чёрный дым, пронизываемый языками пламени, в котором легко можно было задохнуться.

— Но они же подожгли свой дом! — закричал Соллер, перегнувшись через перила.

— Ну, и что? — рассеянно спросила Кассандра.

В разговор вступил доктор Мист.

— Они и так давно живут в аду, я понял это много лет назад...

Тем временем, они достигли верхней площадки. Ступив на нее, Фрэнк излов-

чился и нанес одутловатой мегере мощный удар доской. Он попал по голове, и та с диким криком рухнула в пролет, чтобы через десяток секунд разбиться где-то далеко внизу. Наступил момент всеобщей сумятицы; в потолке раскрылся люк, откуда к ногам беглецов упала веревочная лестница. Они быстро вскарабкались наверх и очутились на крыше.

Фрэнк замыкал процессию, прикрывая отступление с помощью дезинтегратора, переданного ему Кассандрой. Он чувствовал себя непривычно легко; он ни о чём не думал, наслаждаясь вновь приобретенной силой мышц и свободой движений. Горилла, очень похожая на Валя — возможно, это и был Валь — попыталась вцепиться в последнего из беглецов. Соллер не стал пускать в ход дезинтегратор, но доктор Мист, обернувшись, с силой швырнул ему в голову коробку с электродами, и тот тоже исчез в пылающей бездне.

Ободранные и окровавленные беглецы очутились, наконец, на крыше, возле длинного изящного летательного аппарата, чем-то неуловимо напоминавшего ведьмино помело. Странная особа с лицом аквамаринового оттенка, одетая в сиреневый комбинезон, пригласила всех, включая крыс, занять места в кабине, после чего аппарат штопором взвился в небо. За штурвалом сидела Кассандра.

— Начинайте отсчёт! — провозгласил сиреневый.

— Зачем этот.., — начал Фрэнк, но доктор жестом заставил его замолчать.

Далеко внизу огромное здание, заполненное огнем, светилось изнутри, словно гигантский китайский фонарик из промасленной бумаги, пожираемый огнем от помещенного внутри свечного огарка. Жестикулирующая, мяукающая и воющая толпа все еще выдавливалась на крышу через несколько небольших люков. Уроды потрясали сжатыми кулаками и размахивали над головами своим жалким оружием. На мгновение Фрэнку показалось, что он видит Маргрид, запустившую в него, словно камнем из пращи, своим червеподобным недоноском. На несколько секунд гелико завис над кишащей, словно встревоженный муравейник, толпой.

Раздался негромкий щелчок. Сиреневый тип опустил рукоятку рубильника. Запульсировал слабый зеленоватый свет. Соллер непроизвольно мигнул, а когда снова открыл глаза, то увидел уходящий вертикально вниз конус чистого яркого пламени. Когда пламя уперлось в землю, на ее поверхности не осталось ничего.

Ничего.

Ни громадного здания, ни консервной фабрики, ни космодрома. Можно было подумать, что весь этот индустриальный пейзаж приснился Соллеру.

Гелико резко наклонился и устремился на юг, насколько можно было судить по редким звездам, видневшимся на небосводе.

Снова послышался щелчок.

На этот раз результат оказался еще более поразительным: под ними не было ни города, ни самого плато, на котором он располагался — только огромный чер-

ный кратер, похожий на лунный, окруженный кольцевым валом меловых скал.

Висящая низко над горизонтом Венера заметно увеличилась в размерах.

— Такие вот дела, — выдавил из себя доктор Мист, вытирая лоб, усеянный крупными каплями пота, несмотря на свежий воздух в климатизированной кабине. — Я полагаю, это был какой-то луч? Скорее всего, какая-то из модификаций мазера? Во всяком случае, несомненно, что вы достигли очень многого в деле изобретения разрушительного оружия...

— Начинайте отсчет! — любезным тоном повторил сиреневый тип. И снова раздался щелчок.

На этот раз Кассандра подпрыгнула в пилотском кресле и повернула к сиреневому свое прекрасное бледное лицо.

— Хватит! — крикнула она. — Вы имеете право только на один разряд! Мист, вы же знаете, что некоторые слова способны разбудить их! Вы же не хотите, чтобы он взорвал всю планету? Он ведь занимается этим и только этим... на протяжении веков!

— Начинайте ... — снова раздался жуткий голос, казавшийся более страшным, чем голос любого механического чудовища.

— Нет! — прервала его Кассандра, вскакивая на ноги. — На пол! Немедленно! Ты хочешь, чтобы я накормила тебя солью? А вы, — обратилась она к крысам, — прыгайте на него! Нет, нет, Рэй и Ингодьерн, уши пока обгрызать не надо!

Как ни странно, но эти слова оказались страшной угрозой для аквамаринового типа, и тот кинулся в ноги Кассандре. Он дрожал всем телом, а обе гигантские крысы с любопытством совали свои усатые морды ему в уши. Зрелище, надо сказать, было не из приятных.

В этот момент гелико опасно накренился, и Фрэнк подумал, что ему пора взять управление метлой в свои руки.

— Извините меня, — с удивительной нежностью в голосе обратилась к нему девушка. — Мне не хотелось, чтобы вы оказались свидетелем этого укрощения... к сожалению, совершенно необходимого.

— Это же Альдаго, не так ли? — спросил Соллер. — Пилот, который взорвал — это было лет четыреста тому назад — наши укрепления на Протее? Вместе со всей планетой. После этого, говорят, он совсем свихнулся.

— Да, после этого он превратился в зомби.

— А кто вы? Похоже, вы...

— Таких, как я, у вас называют просто колдуньями.

— Объясните, что сталось с Землей, на которую я нечаянно попал? — пробормотал Соллер. — Мне кажется, я вообще перестал что-нибудь понимать.

— Доктор Мист сделает это лучше меня, — сухо бросила девушка, снова берясь за штурвал.

— И вот так всегда, — сообщил доктор. — Всегда я... Ну, в общем, вы уже все увидели. Пока вы сражались на галактических просторах и покоряли звезды, здесь просто наступил обычный конец света. На Земле появились две группировки, два враждующих лагеря. После долгой борьбы они взяли, да и взорвали Солнце... И натворили ещё много чего. От одного лагеря на Земле осталась только горсточка людей, облученных микроволнами — микронизированных выродков. Как ни странно, через некоторое время они даже снова начали размножаться — вы видели их жалкое потомство. Это микроны, так их прозвали.

— А их победители, те, кто принадлежал к другому лагерю?

Доктор Мист несколько секунд колебался.

— Не знаю, не знаю, можно ли их назвать победителями, — сказал он наконец. — Они сами назвали себя достаточно недвусмысленно: Имаго. Они... В общем, им удалось пробудить в себе неведомые доселе силы... Впрочем, вы скоро увидите их. Кстати, мы подлетаем к Магии. Это их столица — видите огни впереди по курсу? Вас интересует ещё что-нибудь?

— Да, пожалуй, — ответил Фрэнк. — Организованы ли они в государство в том смысле, как мы его понимаем? Есть ли у них законы? Как они относятся к чужеземцам? Почему они освободили меня?

— О! — воскликнул доктор. — Вы хотите от меня слишком многого. Я сам не всё понимаю, а кое-чего просто не знаю. Да, государство у них есть. Есть даже королева. И есть законы, которые вы даже не сможете представить. И они обожают иностранцев; более того, они просто не могут обходиться без них. Но... Что касается того, почему вы их так интересуете... Я полагаю, что ваши знания, ваш огромный опыт исследователя, покорителя Вселенной и, в какой-то степени, создателя новых миров сыграли в этом определенную роль... Я прав, Кассандра, как ты считаешь?

— Да, конечно, — ответила девушка, закладывая крутой вираж. — Именно так я и думала... когда согласилась выполнить это задание — доставить его к нам. Но теперь... теперь я просто не знаю.

— А вы — вы ведь тоже имаго?

— Нет, я же сказала вам, что я колдунья. В чем дело? Почему у вас такой недоверчивый вид? Похоже, вы не знаете, что с тех пор, как вы покинули Землю, оккультные науки испытали фантастический взлет. Я имею диплом об окончании высших магических курсов. Специализация — заклинания... Не смотрите так на меня, или я швырну вам в лицо Рэя или Ингодьерна!

— Это кто еще такие — Рэй и Ингодьерн?

— Ну, это мои крысы. Но все же, почему вы так смотрите на меня?

— Потому, что вы мне кого-то напоминаете, — ответил Фрэнк. — Я все это время пытаюсь вспомнить, кого именно. И я, кажется, вспомнил. Это вторая слева фигура на одной древней фреске, что-то вроде «Весны священной». Ее написал художник, придававший один и тот же облик всем своим Венерам и прочим героиням женского пола. Сейчас эта фреска увезена с Земли и хранится в одном из музеев Сигмы Арктура. Девушка на ней еще держит в зубах веточку шиповника...

— Итальянский Ренессанс, — любезно пояснил доктор Мист, хотя его и не просили об этом.

— Да, невероятно древняя эпоха. Тогда на Земле был один город, кажется, Флоренция...

— Всё это мне неизвестно и неинтересно, — холодно оборвала Фрэнка девушка. — Застегните ремни, мы идем на посадку.

Фрэнк подумал, что он окончательно перестал понимать хоть что-нибудь.

Солнца по-прежнему не было видно, но чёрная Луна тоже исчезла с небосвода, окрасившегося в фиолетовый цвет. Под ними появилась очаровательная долина, усеянная перламутровыми и алебастровыми цветами в виде гигантских полупрозрачных кубков. Даже почва в долине, казалось, слегка просвечивала и фосфоресцировала. В странно светившихся озерах отражались огромные хрустальные купола, разрисованные сложными мозаичными узорами, причудливые замки и дворцы, словно парившие в пространстве, заполненном иризирующим, переливающимся светом. Это был вынырнувший из-под толщи вод легендарный город Ис*, возвращенный к жизни непрерывно звучавшими гармоничными аккордами. Над всем этим волшебством вздымалась крепость — хотя это могло быть и святилище — симфония в палевых тонах, иногда слегка отливавших золотом. В титанических зеркальных стенах отражалась вся долина — бесконечное море тигровых ирисов и пурпурных маков, и невозможно было понять, где начинается сооружение, и где умирает цветущий ковер. Но гелико отвесно опускался вниз, и вскоре его пассажиры разглядели, что плоскость фасада святилища на самом деле представляла собой огромный ступенчатый каскад; каждая терраса, казавшаяся фиолетовым озером, была окружена стеной лавровых деревьев; поверхность озер была покрыта слоем плававших в воде лепестков роз. Через мгновение они опустились прямо на эти застывшие волны. Запели флейты, зазвучали морские раковины. И Соллер увидел, что к ним приближается прекрасная, словно Венера, женщина, окруженная исходящим от нее сиянием.

Подойдя к ним, королева Алэйна произнесла с улыбкой:

— Чужеземец, твоя внешность величественна, и я знаю, что твоя речь совершенна. Несомненно, ты — один из богов, живущих на тайном Олимпе. Будь благосклонен к нам, и мы бросим к твоим ногам обильные жертвоприношения — груды душистых цветов и ткани, великолепно расшитые серебром и золотом.

* Ис — затонувший город из бретонских легенд (аналог ресского Китеж-града).

5.

Великолепное мозельское, роскошные вина из Аликанте лились рекой из драгоценных кубков. Сначала были поданы такие сладкие или горькие лакомства, о которых забыли не только на Земле — джонджоли, маринованные ландыши с Кавказских гор, черные морские ежи и розовые цикады, обложенные лимонами, баклажанами и отварными яйцами, фаршированными десятками способов. Затем появился огромный — розовый и серебряный — лосось из Инари со свитой из омаров и лангустов, возлегавший на золотом блюде. И до чего же удачно шли под это блюдо бесценные вина!

Фрэнк сидел у ног королевы, одетый в фиолетовый и лимонный бархат; его наряд вполне мог быть скопирован с костюма графа Монтеньи — рукава с буфами, сапоги с напуском, парадная шпага, гарда которой при нажиме в определенной точке раскрывалась, позволяя запустить пальцы в полость с мятными пастилками. Перед тем, как облачиться в своё средневековое одеяние, у него еще нашлось время, чтобы принять королевскую ванну и привести в порядок шевелюру, ставшую похожей на львиную гриву. Он попытался найти взглядом доктора Миста и с удивлением угадал его в опереточном персонаже в нахлобученном по уши усеянном звездами колпаке и пурпурной тоге доктора-астролога. Кассандра куда-то исчезла. Тем временем, вокруг него на столах появились сначала вторая, а затем и третья перемена блюд — фазаны, фаршированные орехами, связки дроздов с изюмом, козлята, приправленные травами, вслед за которыми в виде подкрепления последовали — и весьма своевременно — пирожные с миндалем и марципаном. Все яства подавались на громадных золотых или серебряных блюдах, на хрустале из Мурано и фарфоре из Саксонии или Капо ди Монте. Над столом висело густое облако соблазнительных ароматов самых разных пряностей — базилика, корицы, розмарина, мускатного ореха, сладкого перца,— смешивавшихся с запахами возбуждающих притираний и духов; надо сказать, что присутствующие пользовались этими веществами крайне неумеренно. Огромные свечи розового воска отражались в покрытых эмалью сводах, инкрустированных золотом, слоновой костью и полосками лазурита и покрытыми мозаичными рисунками, изображавшими триумф Венеры, вероятно, принадлежавший гениальной руке Люка Джордано.

И все женщины, присутствовавшие на пиру, были прекрасны — тонкие гибкие фигуры, небольшие изящные головки, увенчанные великолепными прическами, перевитыми золотыми нитями с нанизанным на них жемчугом.

Мужчина походили на титанов или юных принцев. Гармоничное волнение, то и дело пробегавшее по толпе, напоминало приливы и отливы древнего эллинского моря, и языки пламени свечей колебались в одном ритме с нежной приглушенной музыкой.

Хрупкими пальцами, не сгибавшимися из-за множества нанизанных на них колец и перстней с драгоценными камнями, то дымчатыми, то таинственно мерцавшими разноцветными огоньками, королева Алэйна ласкала волосы космонавта. Она находила его прекрасным и не пыталась скрывать это.

— До нас донеслось эхо легенд о вашей славе, — сказала она. — И мы подумали, что раз уж вы решили возобновить свой славный путь, вы можете отнестись достаточно благосклонно к предложению послужить нашему королевству. Таким образом, вы сможете послужить и всей Земле, поскольку другой жизни на этой планете не осталось. Разумеется, я не имею в виду микронов.

— Но разве вы не ответственны за их теперешнее состояние?

— Ах, — вздохнула королева. — Если только это удерживает вас... Но вы же ничего не знаете о сегодняшней Земле! Постойте-ка... Разве это не так, Аргус?

Сидевший рядом король, массивный блондин, заметно отягощенный своим телом (его облик напомнил Фрэнку многих миролюбивых монархов древности, которые могли бы стать отличными фермерами, слесарями и так далее — Людовика XVI, Николая II, Луи Баварского...), пил, пожалуй, больше, чем следовало...

Король поспешно ответил:

— Да, дорогая, несомненно, дорогая.

— Впрочем, наши поэты введут вас в курс дела...

Три менестреля — хроникеры и прогностики, как объявил о них герольд, вступили в зал, и музыка мгновенно смолкла.

Они пели по очереди. У первого оказался сильный красивый голос. Плащ в багровых тонах, два кольца рыжих кудрей, похожих на витые рожки по сторонам высокого мраморного лба... И он оказался слепым. Он спел, помогая себе звуками небольшой арфы, балладу о битве ангелов и сил мрака.

Он пел о небесах, свернувшихся, словно пергаментный свиток, от невыносимого жара, о ливнях огненных метеоритов, об огромных изломанных крыльях, бороздящих бесконечность. Он пел о бесчисленных черных когортах, возникших из мрака, о реках, покрасневших от пролитой крови, о спасающихся бегством горах, о звезде Полынь, огонь которой уничтожил треть всех обитателей Земли... Мертвые города, накрытые ядовитой зеленой волной. Вибрации, парализующие все живое. Существо без лица, шагающее по лицам трупов. Он пел о войне. И, конечно, в его гимне шла речь о легионах ангелов, добившихся великой победы, сравнимой со вспышкой угасшего солнца. И, конечно, в поэме был пораженный молниями Сатана с черными крыльями, который падал — падал — падал в бездонный колодец мрака, разверзшийся по его воле. Но Земля после победы не возродилась к жизни, звезды остались мертвыми, и только на самой просторной площади Мегалополиса, раскинувшего свои щупальца по поверхности древнего континента, голый зверь выл над телом ребенка.

— Это наше прошлое, — сказала королева. — Наше недавнее прошлое.

Слепого певца в трансе увели под руки из зала.

— Почему вы не позвали нас на помощь? — жестко бросил Фрэнк. Он, конечно, понял, что прошлое, о котором шла речь в балладе, было совсем недавним в историческом смысле. Эти события явно относились к периоду его второго или тре-

тьего галактического рейда. Может быть, его и звали, но он мог не услышать. Жалось и глубокая печаль охватили его.

И тогда запел второй менестрель.

В своей сверкающей тунике, чем-то напоминавшей легкий скафандр, он походил на первых галактических астронавтов, и его лицо светилось невинностью ребенка. Пораженный скачущими, режущими слух аккордами арфы певца, Соллер догадался, что тот был глухим.

Он поведал о страшном возрождении Земли. О жутких порождениях радиоактивной флоры и фауны. О раненом, очнувшемся среди города, превращенного в развалины и пепел. Он пытается подняться, но падает лицом в отравленную грязь и ползет, ползет, отбиваясь из последних сил от гигантских крыс и чудовищных червей, питающихся и мертвой, и живой плотью... Он пел о небесах, лишенных света, о вечной ночи и вечной зиме, о изможденных созданиях, роющих ногтями норы в грудах обломков и питающихся трупами. Он пел о девушке, решившей, что она осталась последней на Земле и рыдающей в грязи и пепле, о прекрасном юноше, пытавшемся нащупать дорогу во мраке с помощью локтей, потому, что у него не осталось рук.

— Все это было с нами вчера, — сказала королева.

— И все же, вы выжили.

— Да, мы выжили.

Третий бард, явно намеревался прославить победившую реальность сегодняшнего дня. Он вышел вперед с вдохновенным видом; внешне он походил на ангела или жителя Арктура. Он простер руки к слушателям, заполнившим сверкающий тысячами свечей зал, к цветникам юных красавиц и опьяненных вином и любовью юношей, к королю и королеве, и в каждом его жесте сквозило возвышенное стремление прославить могущество и величие сказочного королевства. Между его разверстых губ блеснули жемчужные зубы... Но никто из присутствующих не услышал ни звука — он был немым.

Фрэнк никогда бы раньше не поверил, что такое возможно — но танцы после застолья продолжались в мозаичных залах и на хрустальных террасах много часов подряд.

Наверное, уже должен был наступить следующий день, потому что в небе, очистившемся от туч, можно было увидеть на фоне меркнущего звездного света тень черного страшного диска — очевидно, это было мертвое солнце. Вернее, то, что осталось от него. Гигантский мрачный диск, окруженный узким ореолом пурпурных и оранжевых протуберанцев. Но Земля сейчас была ярче, чем солнце. Дуги переливающегося неонового света перекрещивались в воздухе над Счастливой долиной; ручьи, струившиеся с террасы на террасу, казались огненными.

В ярко освещенных аллеях апельсиновые деревья, словно вышедшие из сказки, были усеяны одновременно и цветами, и плодами. Восковые лепестки осыпав-

шихся цветов усеивали землю; растоптанные ногами танцующих, они испускали сладковатый пьянящий аромат. Воздух был нежен и душист, словно настоянный на волшебных травах ликер.

Над муаровыми корсетами с глубокими вырезами светились, кокетливо оттененные золотыми и агатовыми узорами, самые прекрасные в мире груди. Фижмы раздувались широкими колоколами красновато-лилового и алого цветов. Кавалеры, похожие на больших золотистых шмелей, почтительно склонялись над этой красотой. Ароматы амбры и мускуса возбуждали и пьянили.

Море розовых огненных языков волновалось, вздымалось неудержимым величественным прибоем...

Алэйна танцевала с Соллером. Может быть, действие сыворотки все еще продолжалось, но он ощущал себя двадцатилетним богом с фигурой атлета. И золотистый взгляд королевы погружался в бездну глаз звездного навигатора. Она откидывала назад свою прелестную головку, открывая при этом лебединую шею, увитую жемчугами, и ее коралловые губки загадочно улыбались. Она шептала:

— Значит, вам понравилось мое королевство, служить которому я вас пригласила?

— Оно воплотило в себе самые дорогие мне мечты...

— Я знала об этом, — рассеянно улыбнулась королева. — Мы всегда все знаем... Но этот осколок Эдема столь непрочен, столь хрупок, его существование так ненадежно! Земля давно истощила свои силы в борьбе с мраком... Вы могли бы помочь нам.

— Я не обладаю нужным для этого могуществом, — возразил он, мельком представив перед собой живой труп, пробирающийся ползком по коридорам и переходам космического корабля, дряхлого старца, которого пытают дети. Затем он представил свой скорый и неизбежный конец...

— У вас есть знание! — пылко воскликнула Алэйна. — Мы живем здесь среди обломков старой цивилизации, пользуясь тем, что чудом сохранилось от древних технологий. Наши летательные аппараты разваливаются на куски, и часть равнины вокруг этих гор уже не обогревается... Знаете ли вы, что я ни разу не бывала в космосе? Правда ли, что существуют миры, неизмеримо более прекрасные, чем этот? Что есть параллельные пространства, где возможно всё, даже то, что категорически невозможно по законам природы? Планеты, населенные ангелами, фиалковые реки, кровавые солнца?

Она явно перестаралась, но Соллер не обратил на это внимания. Заблудившись среди кружащих голову ароматов и переливающихся огней, небольшая пчелка жужжала над плечом королевы. Соллер взмахом руки отогнал ее, склонился над ослепительной улыбкой...

— Слово «любить» — неужели оно больше не встречается в космосе?

— Я сомневаюсь в этом...

— Есть и менее опасные мысли. Например, отъезд. Мы уедем отсюда вместе... Вы построите корабль, работающий на статической энергии. Мы промчимся Млечным путем, мы посетим самые прекрасные звезды...

— Неужели вы покинете свое королевство?

— О, нет, — ответила она с хмельной улыбкой. — Мое королевство всюду последует за мной, будет со мной всегда... И вы будете моим.

Позади них мелодия, исполняемая лютнями и флейтами, повторялась уже некоторое время на одной и той же пронзительной ноте. Полуобнаженная сирена сладострастно извивалась в объятиях звездного скитальца. Весь остальной мир мог в эти мгновенья лететь ко всем чертям — одна она была реальна. И если в мире и существовало нечто, чем стоило обладать, то это была именно она.

Он проклял доктора Миста, возникшего за ее плечом.

— Идемте, — сказал тот. — Начинаются игры! Сам король Аргус идет сюда!

Перед ними возник массивный силуэт. Белокурый Зигфрид приблизился к ним, заметно пошатываясь. Он невнятно бормотал:

— Разумеется, моя дорогая! Несомненно, мой ангел!

— Вы сошли с ума! — обрушился Мист на Соллера. — Что вы ей наобещали? Через несколько минут ваш организм охватит возвращающаяся дряхлость — я уже вижу, что кожа у вас на шее начала собираться в дряблые складки. Впрочем, мне было страшно за вас еще во время застолья — этот лосось, эти закуски и вина! Вы еще не способны переварить все это даже сейчас, а что будет, когда ваше тело окажется в клещах старения — вам обеспечена непроходимость кишечника!

— Да я почти ничего и не ел, — возразил Соллер.

— Ещё бы, вам ведь было некогда. Все это время вы не сводили глаз с королевы. Вспомните лучше, что у вас было с этой красоткой с Даймоны! А на этот раз все будет гораздо хуже! Вы просто рассыплетесь в прах, мой дорогой!

— Не преувеличивайте, доктор! — Фрэнк угрожающе выпрямился во весь свой рост юного титана, и его глаза метнули зеленые молнии. Легким движением руки он отодвинул доктора в сторону.

— Вы не отдаете себе отчета в том, что игра вышла из-под вашего контроля, и что я еще больше омолодился?

— Да, — как бы с сожалением согласился Мист. — Такая возможность не исключена. Вы выглядите... Ей-богу, вы кажетесь двадцатилетним! Готов поспорить, что это очередная проделка моего... в общем, моего союзника.

— Значит, вы признаетесь, что не вы один разрабатывали сыворотку? И что вы еще не знаете ее истинного действия?

— Я ни в чем не признаюсь. Но в любой работе подобного рода невозможно все делать одному. Я не исключаю и того, что кто-то может просто пытаться лишить меня причитающегося мне вознаграждения — впрочем, к этому я давно привык. Но вы рано торжествуете — это слишком далеко зашедшее омоложение может иметь непредвиденные последствия. Только что вы достигли возраста, когда человек становится способным здраво рассуждать и совершать правильные поступки — и вот, вы уже перешли на стадию безрассудства! Скоро вы вернетесь сначала к бурному подростковому возрасту, а затем и к детству. И кто знает, на чем вам удастся остановиться! Может быть, вам придется пройти стадию младенца, затем эмбриона; далее вас ждут стадии развития ваших предшественников — птицы, ящера, наконец, амебы. Кто знает? В конце концов, вы можете превратиться в ничто! Это будет конец всему.

— Нет, это будет начало. Даже если наступит конец, о котором вы говорите, он будет приятнее, чем смерть от дряхлости. К тому же, пока дело дойдет до финала, я смогу столько увидеть, столько узнать!

— Что, теперь вас стала обуревать жажда познания? Но ведь я же предлагал вам...

— Вы ничего не предлагали мне. Вам нечего мне предложить. И я не подпишу с вами никакого договора. Я свободный человек, слышите? Свободный в жизни, в смерти, в выборе! Будь вы самим дьяволом...

— Не произносите этого имени, вы даже понятия не имеете, что это такое!

— Все это меня не интересует. Впрочем, кожа у меня на шее совсем не собирается складками. Это королева укусила меня.

— Уже? — презрительно бросил доктор Мист.

6.

Прогремели фанфары, возвещая о начале игр.

Ликующая толпа заполнила амфитеатр небольшого цирка, расположившегося среди зелени парка; походивший на низкую неширокую воронку, он напоминал цирки Древнего Рима. Вокруг арены проходила серебряная решетка, защищавшая зрителей. Дамы расселись на ступенях, продолжая лакомиться шербетом. Мист сообщил Фрэнку, что через решетку пропущен ток высокого напряжения; никакая случайность не должна была угрожать зрителям.

— Что, на арену выпустят зверей? — поинтересовался Соллер. — Но я полагал, что на Земле не осталось ничего живого, кроме кошек и крыс...

— Ну, — с безразличием бросил доктор, — кое-что еще встречается.

Мелодичный гул голосов заполнил цирк, и Фрэнк, неожиданно вспомнивший давно пережитое, увидел перед своим внутренним взором ослепительные и жестокие игры Гиад, ультразвуковые цирки Денеба, кристаллические ловушки Растаба-

на. На Аль-Нилаше рабы, вооруженные электропилами в виде полумесяцев, сражались с небольшими изящными осьминогами — почему-то, исключительно самками. Ослепленный земным эгоизмом, Фрэнк не испытывал тогда ни возмущения, ни особого волнения. Здесь же нечто вроде тревожных флюидов исходило от окружавшего его амфитеатра, так похожего на античный цирк, он этой пестрой, окрашенной в розовые, красные, желтые и золотистые тона людской массы.

В центре арены со скрежетом распахнулся люк.

Подталкиваемые безжалостным ледяным дыханием, из черной дыры выбирались жалкие, закутанные в лохмотья создания. Соллер едва сдержал возглас возмущения — бледные и согбенные, на арене появились обитатели гигантского муравейника. Рядом с раздувшейся, похожей на шар толстухой и зеленоватыми скелетоподобными существами он увидел все те же маски — Зигги, Валь, Маргрид... Да, это были микроны!

Астронавт безуспешно пытался найти на сморщенной физиономии Зигги отпечаток своего каблука. Маргрид судорожно прижимала к себе миниатюрного монстра, у которого были руки, но не было головы — если только головой не являлся небольшой отросток, расположенный на животе.

Оцепенев от ужаса, Соллер разглядел, что уродцы были скованы одной длинной цепью. Их руки сжимали жалкое оружие — ножи и короткие дротики. Какая-то сила — возможно, ужас — заставила их сгрудиться в центре арены. Запутавшись в своих оковах, они рухнули беспорядочной грудой на песок. Было видно, что они перепуганы до безумия.

Распахнулся еще один люк.

На этот раз из темноты появилась крыса. Никакого сравнения с верными стражами Кассандры — это было чудовище грязно-коричневого цвета длиной по меньшей мере в три метра, не считая невероятно длинного хвоста. Она осторожно принюхалась к грозди своих жертв и отскочила в сторону. Приблизившись к краю арены, она нечаянно коснулась сетки под напряжением и дико взвыла. Ее маленькие злобные глазки стали совсем красными. В это время посреди арены судорожно копошилась живая цепь; Зигги, казалось, пытался зарыться в песок, Валь подпрыгивал со свирепым видом, Маргрид дико оглядывалась, прижимая к себе маленького уродца. Было очевидно, что они ожидали самого ужасного, но Соллер боялся даже подумать, чего именно. Вокруг него бушевала обезумевшая толпа; зрители вскакивали на ноги, мужчины дико орали что-то невнятное, разряженные, словно распустившиеся розы, дамы нюхали ароматическую соль и жеманно хихикали. Крыса уселась посреди арены; ее глаза сверкали, острые зубы поблескивали в раскрытой пасти, змееподобный хвост извивался, разбрасывая песок. Она облизнулась, вывалив из пасти розовый язык, большой и тостый, словно прикроватный коврик.

— Но... Это невозможно... — пробормотал Соллер, не осознавая, говорит ли он сам с собой, или обращается к кому-нибудь. — Нет, это просто кошмарный сон...

Это бесчеловечно, это недостойно цивилизованных существ! Ведь микроны — это люди!

Он хотел вскочить на ноги, но Мист удержал его, повиснув на руке.

— Успокойтесь! Ведь эти мерзавцы похитили и пытали вас! И вас уже не было бы в живых, не вмешайся мы столь своевременно! Кроме того, вы должны помнить статью 88бис Межзвездного Кодекса, которая гласит: «Никто не имеет права вмешиваться в процедуру отправления ритуалов планетных цивилизаций...».

Тем временем, на ступенях амфитеатра некоторые зрители запрокидывали головы, словно уже ощущали капли кровавого дождя, падавшие на их лица, и белые мертвые глаза вылезали у них из орбит. Другие дергались, словно охваченные пляской святого Витта. На арене вереница маленьких дегенератов и жуткое чудовище словно исполняли нечто вроде сложного танца, слагавшегося из колебательных движений в стороны, быстрых рывков вперед и замедленных отступлений. При этом, то шарообразная толстуха сближалась с Маргрид, то Зигги падал на песок, сбитый с ног ударом хвоста толщиной в корабельный канат... Внезапно крыса присела на задние лапы, готовясь к прыжку... В этот момент толстуха выхватила из рук Маргрид маленького уродца и швырнула его в приоткрытую зубастую пасть. Вопль смертельно раненого животного заполнил амфитеатр — это взвыла Маргрид. Неожиданно вперед выскочил гориллоподобный Валь, и толстуха покатилась под удар стальных когтей. Одновременно с этим острый дротик глубоко вонзился в пасть крысы; брызнула черная кровь, чудовищный хвост захлестал во все стороны, ломая кости уродцам, страшный удар потряс решетку. Микроны дружно бросились вперед...

Гигантская крыса агонизировала, изрешеченная ударами копий и ножей недоносков. Фрэнк расслабился, проведя по лицу дрожащей рукой. Он увидел ослепительно улыбающуюся королеву и отвернулся.

Победа?

Нет, это не было победой.

Отвратительный скрежет возвестил, что открывается еще обин люк. Очередная волна безумия прокатилась по заполнившей амфитеатр беснующейся толпе.

На этот раз из подземелья вынырнула гигантская летучая мышь; ее огромные перепончатые крылья достигали не менее 8-10 метров в размахе. Угрожающе сверкали длинные серповидные когти. Морда чудовища удивительно походила на человеческое лицо, только рот был иным, явно приспособленным для сосания.

Вампир.

Не заметив, каким образом, Фрэнк очутился внизу, возле потрескивавшей от поданного на нее напряжения решетки, в тени огромных крыльев. Человечки-микроны сгрудились возле крысы, тело которой сотрясали последние судороги; похоже, они понимали, что их победа оказалась бесполезной, потому что виварий Магии будет продолжать выпускать на них одно чудовище за другим, пока...

Заглушая царившее вокруг безумие, прогремели слова, произнесенные ледяным тоном:

— Откройте решетку, Алэйна. У вас на арене новый зверь, и у вас появился запасной боец.

Все, что последовало затем, было сплетением обрывков кошмара. Когда Фрэнк прыгнул через появившееся в решетке отверстие на песок арены, клетка показалась ему совсем небольшой. Огромная летучая мышь, словно поняв, что перед ней наконец-то появился достойный противник, попыталась уклониться от схватки, повиснув на решетке. Отброшенная электрическим разрядом, она кинулась на Соллера. В руке астронавта блеснул небольшой дезинтегратор Кассандры и... На песке осталась только кучка дымящегося пепла. Нечто вроде смерча появилось на противоположной стороне амфитеатра и понеслось вниз по ступенькам, заполненным зрителями. Розовые и золотистые фигурки обратились в бегство.

Казалось, что удар дезинтегратора распорол какую-то оболочку, и через прореху в ней в амфитеатр хлынула ночь. И ледяной холод. И запах могилы.

— Сюда, скорее, — закричала Кассандра, приземляясь на арену, словно болид, на своем маленьком гелико. — Иначе вы погибли! Они никогда не простят вам этого.

— Чего именно?

— Того, что вы открыли их могилы. Их невероятно древние погребения...

Фрэнк и следовавший за ним по пятам Мист кинулись к аппарату. Едва они взвились штопором в небо, как позади них пространство как бы схлопнулось над перламутровым морем клокочущего света. И амфитеатр, и парк, и вся Счастливая Долина превратились в море огня, море цветущих огненных цветов. Их чашечки раскрывались, и женские тела казались световыми бликами, танцующими над потоками лавы под грохот какофонической музыки. И этот огонь цветения, эта пылающая музыка взвились вверх, разлетелись в стороны, захлестнули гору, затопили замок, разбрасывая далеко вокруг пучки искр, длинные фосфоресцирующие нити, цеплявшиеся за деревья и башни, устремлявшиеся с яростным шипением в небо, вслед за этим наглым насекомым, этим жалким аппаратиком. Каждая нить оканчивалась расширением, присоской, походившей на жадно приоткрытый цикламеновый рот. Нити волновались, колебались и переплетались, и рты взывали:

— О, Фрэнк, вернись! Спаси меня, Фрэнк! Это я, твоя королева! Я в опасности, я гибну! Я никогда не видела пространства, никогда не бывала на других мирах, под иными солнцами, на планетах, кипящих от избытка соков и крови... Я улечу с тобой, я пойду за тобой к пределам Вселенной... Я люблю тебя! Я твоя... твоя!

Соллер наклонился, чтобы посмотреть вниз. Голос звучал обещанием страдания разлуки и, одновременно, намекал на невероятное наслаждение. Пораженный, он увидел, как одна из нитей хлестнула воздух над хрупкой машиной, едва не вырвав из кабины Кассандру, судорожно цепляющуюся за штурвал. И тут же целый пучок огненных змей окружил гелико. Только тогда Соллер догадался пустить в

ход дезинтегратор, испепеляя клубки змеящихся волокон, мгновенно отраставших снова и снова, и тут же опять устремляющихся в погоню, танцующих жутких нитей, догонявших и неумолимо обвивавшихся вокруг беглецов, присасывавшихся к их телам приоткрытыми ртами или присосками; обожженные, они отваливались и падали вниз, в пурпурный туман. Наконец, невероятным усилием гелико удалось вырваться из облака густого фиолетового тумана, походившего на гигантский бутон ядовитого цветка, который тут же почернел, словно отравленная кровь, вытекающая из вен мертвеца, и рухнул вниз, скрыв под своими останками Магию, Счастливую Долину, всю Землю...

— Она очень рассердилась, — сказала Кассандра, стирая с лица кровь.

— Она... Кто это — она?

— Алэйна. Или Елена. Или Джиневра. Единственная живая дрянь, владычествующая над сонмами своих давно скончавшихся подданных. Я думаю, вы давно догадались об этом, не так ли? Ведь Магия — это королевство вампиров. Взгляните сами...

И Фрэнк увидел: гигантский цветок под ними медленно сводил вместе свои широко раскинувшиеся лепестки; по краям они уже были затронуты быстро прогрессировавшим гниением. Он постепенно закрывался, к нему вяло стягивались пучки фиолетовых волокон, на глазах превращавшихся в комки бурой и черной слизи. Все королевство Магия было одной зловещей розой, разлагавшейся с неимоверной скоростью.

— Они все давно мертвы, включая менестрелей, — продолжала Кассандра. — Неужели вы не узнали их? Первого звали Мильтон, Джон Мильтон. Второй жил позднее, в эпоху первых космических полетов. Что касается третьего... Я тоже не знаю его. Может быть, он и не пел никогда.

— Скорее всего, какой-нибудь неудавшийся поэт-сюрреалист, — закончил за нее доктор Мист. — В первой половине XX века уже были придуманы картины, в которых никто ничего не понимал. И была музыка без звуков. Король — это, конечно, Аргус... Или Франц-Иосиф. Или Николай II.

— Но мы же находились в эпохе Ренессанса!

— Разумеется. Это у них было проявлением любезности по отношению к вам. Ведь вам так подходит XVI век!

— Вы хотите сказать, что...

— Ну, конечно, это была работа гипнотических устройств! Но, как только ваш дезинтегратор разорвал электрические цепи, снаружи тут же хлынули мрак и холод реальной ночи. Вы ведь догадались об этом?

---

* Имажинизм (от лат. imago — образ) — литературное течение в русской поэзии XX века, представители которого заявляли, что цель творчества состоит в создании образа. Основное выразительное средство имажинистов — метафора, часто метафорические цепи, сопоставляющие различные элементы двух образов — прямого и переносного. Для творческой практики имажинистов характерен эпатаж, анархические мотивы *(Википедия)*.

— Да, почти...

— В общем, ничего из увиденного вами на самом деле не существует. Было всего лишь множество разочаровавшихся во всем мертвецов, от которых остались сгущения их жизненной силы, блуждающие в пространстве и принимающие различные формы, которые используются как приманка. Имаго. Помните имажинистов*?

— Но она же хотела покорить Вселенную!

— Это вполне возможно — промолвил Мист, потирая свои длинные желтые пальцы. — И она рассчитывала использовать вас, как используют обычное транспортное средство. Вы правильно сделали, что не согласились; вряд ли подобное предприятие можно отнести к числу рентабельных. Их голод постоянно усиливается... В настоящий момент они как раз заканчивают пожирать микронов.

— С одной стороны мертвецы, с другой — дегенераты! — воскрикнул Соллер. — Вот, значит, что вы сделали с Землей!

— Сделали... Пожалуй, это слишком сильно сказано, — уточнил доктор. — Мы так мало значим во всем случившемся...

— Я не имею в виду именно вас, — обрвал его Фрэнк. — Хотя я и узнал вас, несмотря на искусный маскарад. Вы доктор Мист, не так ли? Видный ученый-биолог... Человек, знающий все, поносящий все... Нет, вы — дъявол, древний змей-искуситель, враг рода человеческого. Вы — Мефистофель!

Большой рот с тонкими губами, похожий на разрез ножом, печально искривился.

— То, что вы имеете в виду, это всего лишь древний предрассудок, а вы — неблагодарное существо, Соллер. Неужели вы можете сказать, что я вел себя некорректно по отношению к вам?

Фрэнк неохотно признал, что ничего подобного не думал.

— Множество старинных предрассудков следует пересмотреть, — пробормотал доктор. — Разумеется, сейчас всё ещё существует Великий Нечистый, есть Бездны Несправедливости, есть Воплощение Зла, поклонники которого целуют его в черный зад (впрочем, я никогда не понимал, какое удовольствие это доставляет верующим...). Наконец, есть ещё... Есть то, что я могу только назвать Иным. Но оно больше не интересуется Землей. Почему? Может быть, земляне, в конце концов, начали вызывать у него отвращение? Они слишком далеко — даже с его терпимостью — зашли по пути разрушения... Какой интерес может иметь Великий искуситель в общении с мертвецами и дегенератами?

— Но вы...

— Я — это особый случай. Я... Можно сказать, что я был приписан к вашим эскадрам. Но понятие зла в том виде, в каком оно существует на Земле, расплывается и исчезает, стоит вам оказаться в бесконечном пространстве с бесконечным количе-

ством миров. Представляете ли вы, каким образом могут согрешить, например, каннибалы-тысяченожки с Зоссмы? Или лишенные пола разумные облака с Ахернара? Боюсь, что в таких условиях я быстро превратился бы в дьявола-еретика...

— И все же, вы пытались совратить меня...

— Профессиональная привычка, мой дорогой. Может быть, и какое-нибудь отклонение в психике. Когда я оказался рядом с вами, когда уловил в этом угасающем разуме, в этом изношенном теле гигантскую неиспользованную энергию, я испытал неудержимый соблазн хотя бы попытаться... В общем, ведь мы тоже по-своему любим Землю.

— Еще бы, вы неплохо провели время на Земле в прежние времена!

— Можно сказать и так, хотя это будет всего лишь грубым изложением общеизвестной истины. Да, мы были счастливы здесь, находясь между пламенем, царящим в нашей несколько... э-э-э... специфической области, и огромной Вселенной, которая принадлежит... которая принадлежала Иному. У меня, у микроскопической частички зла, у жалкого дьявола-прихлебателя, бедного родственника, была грандиозная идея... Я подумал, что вы могли бы...

— Что именно?

— Спасти эту Землю...

Последние слова донеслись до Соллера в виде едва слышного бормотанья. Острое лицо доктора Миста и его фигура быстро побледнели и стали почти неразличимы. Оторвавшись от рукоятки метлы, Кассандра повернула к ним свое прекрасное лицо Медузы, увенчанное шипящими змеями, и крикнула:

— Изыди! Ты проиграл, Люцифер!

Секунду, даже какую-то невероятно малую долю секунды назад доктор Мист еще сидел в кресле второго пилота. А сейчас его уже не было в кабине. Не было ни вспышки, ни запаха серы. Не выпуская из рук штурвал, Кассандра снова обернулась к Фрэнку.

— Ну, вот мы и остались вдвоем, — промолвила она. — Мы избавились и от груза прошлого, и от дьявольских соблазнов. Остается Земля — ее могущество в былом и ее туманное будущее. И мы. Ваши испытания закончились. Вы доказали, что вы — настоящий человек, Соллер-Солнце.

— Кто вы, Кассандра?

— Я же не спрашиваю у вас, кто вы! Ну, ладно, я готова кое-что рассказать вам. Но будете ли вы знать намного больше, если я скажу, что принадлежу к бродячему племени, уцелевшему, несмотря на все чудовищные катаклизмы... Я имею в виду и этот, последний, который уничтожил почти всё живое на Земле, оставив после себя одного гения на сотню идиотов... Я могу ещё добавить, что мы — единственное племя мутантов, добившееся успеха... Ну, что? Пожалуй, будет лучше, если я представлю вас своим единомышленникам. Мы садимся. Закройте глаза.

7.

Когда он снова открыл глаза, над глубокой узкой долиной, зажатой между двумя горными массивами и круто спускавшейся к морю, сгущались голубые сумерки. Море оказалось не замерзшим — оно было теплым, фосфоресцирующим, заполненным жестокой жизнью глубин и светящимися водорослями, которые, по-видимому, научились существовать без солнечного света. Само море освещало сейчас окружающий пейзаж, потому что неподвижное черное солнце с багровым ореолом исчезло, хотя звезды на небосклоне еще не появились. Гелико опустился на белый песчаный пляж. В нескольких шагах от него на тихом ветерке колебались свисающие со скалы длинные плети растения, когда-то называвшегося «волосы Венеры»; среди фиолетовых гиацинтов и кустов ежевики потайной источник ронял на песок тонкую струйку кристально чистой воды. Перья тростника, увенчанные длинными шишками из черного бархата, печально шумели, подобно усталым плакальщицам. Воздух был насыщен запахом меда. И Фрэнк тут же узнал воспетую тысячами поэтов всех времен, прославившуюся на всю Вселенную, вплоть до Альфы Водолея, последнюю обитель язычников на Земле — долину Адониса в Ливане.

Он медленно перешел через ручей по полуразрушенному римскому мосту. Козлоногий мальчик-сатир сидел на упавшей колонне и совсем не выглядел посторонней или фальшивой деталью пейзажа. Он играл на дудочке.

— Ты тоже из этих, из радиоактивных? — спросил его Соллер. — Или ты микронизированный? Может быть, ты просто вышел из могилы, чтобы кусать и царапать шкуры, покрытые ссадинами? Скажи мне что-нибудь, исповедуйся. Я способен выслушать все.

— Я — Эгипан, — ответил маленький музыкант с вежливой улыбкой, деликатно отстраняя от губ тростинку с семью дырочками. Потом добавил, протянув руку к зеленому деревцу, с которого то и дело падали лепестки цветов и сухие листочки:

— А это Дриада.

— Добро пожаловать, чужеземец, — ласковым голосом произнесло дерево.

— Но вы же не существуете! — вскричал Соллер. — Вы никогда не существовали в действительности! Вы — это сны юного человечества, вы — мифы!

Наполовину высунувшись из воды и выставив на всеобщее обозрение свою восхитительную грудь, покрытую жемчужными капельками воды и такую ослепительную на фоне темно-зеленых листьев кувшинок, юная красавица выжимала тяжелые зеленые волосы.

— Постарайтесь быть вежливым! — протестующе воскликнула она. — Мы не только существовали всегда, но и лучше, чем люди, выдержали всё, что случилось с Землей. Моя песня очаровывает слушателей, как и прежде.

И она запела. Воздух превратился в хрустальную субстанцию; земля под каш-

танами стала прозрачной, и из глубин земной тверди проглянули ушедшие под землю города, оцепеневшие в вечном сне великие армии прославленных полководцев — Ашшурбанипала, Александра, Каракаллы, Алленби, Гуро — всех, чьи имена были начертаны здесь, на поверхности скалы. Великих завоевателей можно было видеть со всеми их слонами и верблюдами, галерами и подводными лодками, танками и самолетами. Затем они исчезли, и появилась великая легенда зари истории — Венера или Афродита, ломающая свои белопенные руки и горестно оплакивающая Адониса, которому она сама позволила умереть — ведь богини так непостоянны... Каждая нота дудочки сатира была золотой волной, соединяющей в одно целое гармонию Земли и гармонию звезд, и поэтому ее простая мелодия приобретала космическое значение.

— Это наяда, не так ли?

— Да, это ундина. Или виллис.

— Значит, вы не исчезли, не ушли?

— Для Великих, для подлинных бессмертных эта планета была всего лишь пересадочной станцией. Но мы, кого здесь удерживают такие прочные узы... Мы все остались здесь — прислушайтесь!

Огромный лес, своим рождением уходящий в допотопные времена, в эпоху, на тысячелетия отстоящую от атомной гибели Земли, медленно сместился в пространстве и времени и незаметно внедрился в реальность со всеми своими замшелыми дубами и цветущими кленами, со своими неповторимыми ароматами. Венчик огромного ириса раскрылся с громким треском, словно кто-то взломал тюремную камеру. В зеленом болотном аромате тихого вечера заржала белая лошадь с единственным витым рогом на лбу, и птица с женским лицом жалобно застонала на вершине древовидного папоротника.

— Как получается, что я вижу вас? — спросил Фрэнк.

— Я думаю, — ответил юноша в крылатом шлеме, сидевший поблизости на арке разрушенного акведука, — я думаю, что великие люди всегда чувствовали наше присутствие. Конечно, не с помощью грубых человеческих органов чувств! Хотя, быть может, в дело иногда шел этот третий глаз, который жители Великих Равнин открывала с помощью специального сверла, продезинфицированного соком некоторых растений. Вспомните: ведь вы оказались первым, кто поставил на службу человеку относительность, кто добился сжатия пространства с помощью странных чисел. Правда, вы не использовали для этих явлений их древние священные названия, но это не так уж важно. Тем не менее, вы догадались, что старинные волшебные книги не лгали, что «высота — это то же самое, что и глубина» и если это справедливо, то со времен Гермеса Трисмегиста*, Вселенная — это всё в одном.

* Гермес Трисмегист — (лат. Mercurius ter Maximus — Гермес Триждывеличайший). Полулегендарный античный философ (годы его жизни не установлены). Полагают, что таково имя синкретического божества, сочетающего в себе черты древнеегипетского бога мудрости и письма Тота и древнегреческого бога Гермеса. В христианской традиции — вымышленный автор теософского учения (герметизм), излагаемого в известных под его именем книгах и отдельных отрывках (герметический корпус).Его именем называн свод герметических (т.е. эзотерических) наук *(Прим. ред.)*.

— Постойте, — сказал Фрэнк, — постойте! Вы имеете в виду эти невероятно тонкие зависимости, которые мы предугадали еще в 1960 году (я говорю «мы», потому что наука тоже едина)... — Все его знания разом вернулись к нему; они были с ним, блестящие, живые — гипотезы, формулы, уравнения, пронизываемые неожиданными вспышками интуиции, ослепительными мгновениями, когда он почти верил, что становится равным богам, когда структура Вселенной становилась для него ясной и понятной... Моменты соприкосновения с вечностью... — Я имею в виду гравитационную энергию, энергию таких тел, как звезды и другие массивные тела, а также плазму и вульгарную атомную материю, из которой сформирован наш мир. Потом идут мезоны, являющиеся материей для нуклонов, и ядерное поле, за которым дальше существуют только лептоны...

— Да, разумеется, лептоны, — сказал Гермес с тонкой улыбкой. — Мир слабых взаимодействий. Мне кажется, вы начинаете улавливать, о чём идет речь, но мне не хотелось бы торопить вашу мысль.

— Пожалуй, это не совсем так, — задумчиво произнес Фрэнк, внезапно осознавший, что находится на пороге поразительного открытия, и что всё его прошлое, блестящее прошлое астронавта и солдата, навигатора и завоевателя было всего лишь ступенькой на пути к подлинной вершине. — Всё, о чем я говорил, относится к классической физике. Есть четыре типа лептонов, которыми являются обычные электроны, тяжелые электроны или мюоны и два типа нейтрино. Они взаимодействуют на основе электромагнитных сил и тех «слабых» взаимодействий, тончайших, таинственных, которые... Но что может быть более тонким, чем разум?

— И мы, те, которых называют богами, являемся формами проявления разума, — согласился незнакомец. — Конечно, в соответствии с масштабами этой ничтожно малой пленетки, Земли. Вы, впрочем, не можете не признать, что при разных катастрофах в дело вступают всегда самые низшие божества. В то же время, Амон, Иегова, Брахма появляются только в моменты творения... или в Судный День. Обычно же они довольствуются тем, что просто носятся над водами... Мы признательны им за то, что существует бесконечное множество разновидностей силовых полей, но творцов, способных моделировать эти игры разума, так мало...

— Вы хотите сказать, что Вселенные — это тоже результаты игр разума?

— Почему бы и нет? — спросил бог с крылышками. — Вспомните эту старинную гипотезу — кажется, Вайскопфа, если не Воскобойникова — она послужила отправным моментом для некоторых ваших открытий: гравитация, электричество и ядерные силы связаны, в конце концов, определенным принципом, объединяющим мир гигантских масштабов со структурами мира элементарных частиц... Так вот, тот, кто говорит «электричество», говорит «биотоки». И именно здесь, в великом хоровроде причинности в игру вступает человеческая мысль.

— Вселенные, созданные или преобразованные мыслью, — задумчиво произнес Соллер. — Кажется, я начинаю понимать. Спасибо.

— Настало время отправляться в путь, — сообщила Кассандра, появившись со

стороны пляжа. Туман, осевший мельчайшими блестками, заставлял сверкать ее волосы; в крупных каплях, словно в небольших линзочках, отражался лес.

«Икона, — подумал Соллер. — Святая с византийской иконы... Святая София...».

Невероятно далекое воспоминание вынырнуло на поверхность туманного моря его памяти: его первая любовь, молчаливая монашенка в тени собора...

— Нас зовут в очень далекое паломничество, друг мой, — сказала Кассандра. — И все они — сильвены, нимфы, дриады — отправятся вместе с нами.

— Паломничество древних богов?

— Да. Обычно оно приходится на март или апрель. Но, учитывая коварство нынешнего календаря... Дайте мне руку — я устала носить на себе этот тяжелый космический скафандр.

Небольшая рука, опустившаяся на его локоть, показалась ему странно холодной. Тело, почти неразличимое в тени под пологом леса, навалилось на его плечо свинцовой тяжестью. Неожиданно все окрестности заволокла густая ночная тьма, и первая звезда — Венера — засияла над вершиной самой высокой пальмы. Белоснежный единорог танцующим шагом шествовал перед юношей и девушкой. В одно из мгновений Фрэнку показалось, что молчаливые замшелые дубы справа и слева от тропинки с усилием вырвали свои корни из земли и тоже двинулись в путь, волоча за собой плети плюща и дикого винограда. Среди кувшинок блеснуло чешуйчатое тело, и неясная темная масса удалилась тяжелыми прыжками. Прекрасная охотница, увенчанная полумесяцем, промелькнула мимо; перед ней танцевала изящная лань. Повозка, влекомая тритонами, углубилась в лес, нырнув во мрак и пропав среди деревьев. Откуда-то возникли эбеновые кариатиды, тащившие перевернутую лодку с водруженным на нее диском бога-солнца. Впереди и позади Фрэнка и Кассандры теснилась странная толпа — существа с десятком голов, с двадцатью руками, нечеловечески прекрасные и ужасные создания — двуглавые коршуны, пернатые змеи, быки с ликами девственниц — все древние боги, все небожители, как забытые человечеством, так и сохранившиеся в его памяти.

— Куда мы идем? — спросил Соллер.

— Туда, на вершину горы.

Через некоторое время из пурпурного мрака перед ними возникли руины, оплавленные страшным жаром, бесконечные поля могил, останки звёздных кораблей; и отовсюду к ним направлялись все создания, существование которых смогло предвидеть или угадать воспаленное воображение — стреловидные существа из созвездий Весов и Стрельца, светящиеся в темноте, словно раскаленные, осьминоги Альтаира, крылатые быки, несущиеся среди золотистых облаков — все существа, которые человечество видело в кошмарных снах или в экстазах — звездные привидения и живые космические корабли, бродячие планеты и иные миры, столь же великолепные, сколь и ужасные.

Тем временем, плотная толпа чудовищ увлекала их с собой, и они были вынуждены вместе со всеми продираться через густые джунгли. Ветки и колючки раздирали платье Кассандры, царапали ей до крови ноги. Их обжигала крапива и другие ядовитые растения. То и дело им приходилось карабкаться на почти отвесные уступы черных скал, усеянные острыми гранями и похожие на стены, которые кто-то утыкал по гребню осколками стекла. Они спускались в расселины, где шипели свернувшиеся кольцами бледные змеи, где копошились незавершенные создания, почти не отличавшиеся от творений неживой природы — твари, едва намеченные несколькими мазками творца, личиночные организмы, которые не должны были иметь право на существование. То и дело уставшая девушка оступалась и, чтобы не упасть, цеплялась за руку спутника. Со всех сторон их окружала чудовищная толпа, увлекавшая их с собой и не дававшая ни минуты передышки. То и дело фантастические существа — гигантские волосатые пауки, летающие диски, приоткрытые причудливые раковины, из которых сочилась отвратительная черная жидкость — перешагивали или перепрыгивали через них, и они постоянно ощущали на своих лицах их ядовитое дыхание. Через некоторое время, показавшееся им бесконечностью, им пришлось остановиться на зазубренном гребне, возвышавшемся над долиной. Подняв к небу лицо, по которому струйками стекал горячий пот, подросток Соллер увидел, что оно не было небом Земли, которое он так хорошо помнил; две черных тени холодных небесных тел виднелись на нем — это были планеты конца света, и больше ничего не существовало в этом мертвом пространстве, кроме чудовищной Пустоты и Смерти.

Фрэнк внезапно почувствовал себя слабым и растерянным — ведь он был таким юным! Кассандра уцепилась за него со слабым криком. Повернувшись к ней, он увидел, что девушка сломала ногу, и острая окровавленная кость проткнула кожу, выглянув наружу. От боли она потеряла сознание. Усилием, явно превышавшим его возможности, Фрэнк вскинул ее тело на плечо; девушка показалась ему невероятно тяжелой, словно он нес труп или свинцовую статую. Может быть, превратившись в ребенка, он тащил на себе тело своей умершей матери? Это действительно случилось с ним когда-то в прошлом, много столетий назад, во время какого-то военного конфликта — он уже не помнил, какого именно.

Тем не менее, он понёс дальше смертельно побледневшую девушку под мертвым небом, в толпе созданий, похожих на видения кошмара.

На вершине, там, наверху...

Вершина уже была перед ним.

Фрэнк никогда бы не подумал, что всё окажется столь простым, даже банальным: вершина горы — даже не слишком большой — вырисовывалась над ним на фоне тёмного диска, окруженного оранжевыми протуберанцами, бросавшими зловещие отблески на огромное кладбище, уходившее вдаль через пространство и время. И на самой вершине — три креста.

На среднем из них, испятнанном кровью, не было ничего» но сгустки тяжелой темной крови всё ещё капали с его перекладины.

Внизу, неподвижная и немая, их ждала толпа.

— Вот мы и на месте, — раздался голос, и это не был голос Кассандры, а голос Софии или маленькой девочки, походившей на неё, голос, прозвучавший когда-то в саду его детства, давно исчезнувшем во мраке.

— Конечно, Земля реальна со всеми своими преступлениями, со всей своей роскошью... Но ты никогда не думал, что и все остальное тоже существует в действительности? Да, ведь всё было правдой — хроники юных атомных чудовищ, сатанинский Декамерон, древние боги и багровый Искуситель — оборотная сторона медали тоже могла быть истинной. Этот крест, и все другие кресты. Бесконечные поля, где были захоронены жертвы — сжатые колосья, сорванные плоды — и ведь это были люди. Все, кто страдал и кто погиб за нас...

...Поля, уставленные страшными крестами, пространства, усеянные то безымянными холмиками, над которыми возвышались столбики, увенчанные ржавыми касками, или стелы с космическими символами, то просто груды камней, и эти поля всё разворачивались, раскрывались перед ним, становились все шире, все бесконечнее...

Погибшие за эту Землю, которую ты с легким сердцем бросил на погибель. Хотя ты бы мог... Ведь теперь ты знаешь: каждый из нас может сотворить соответствующую его представлениям Вселенную. А эта Вселенная — твоя. Ты — единственный из людей, кто способен — по крайней мере, сегодня — воссоздать эту Землю во всей её реальности, с её расплавленными плутоническими силами недрами, с её океанами, её лесами и пустынями, со всеми её скупыми деталями и всеми излишествами. Землю с её так быстро проходящей весной... Неужели ты позволишь навсегда исчезнуть всему этому, Фрэнк Соллер-Солнце? Ты, последний из ее защитников?

— Но что я могу сделать? — растерянно спросил он.

— Согласиться жить — и жить вечно.

— Я принимаю это.

И время для него остановилось.

И хотя ещё продолжало звучать эхо голоса Кассандры, — или Софии, той Софии, что есть сама мудрость Земли, её разум, — мгновенно не стало ни прошлого, ни настоящего, ни будущего — только этот чудовищный разряд энергии, возникающий каждый раз, когда какая-нибудь масса разрывает лептонное поле и вырывается в обычное пространство-время.

И гигантская новая звезда вспыхнула в этом уголке космоса вместо угасшего Солнца. Она согрела черные ледяные планеты и позволила возродиться жизни на Земле.

Это была двойная звезда.

Приглашаем Авторов

к изданию своих книг, не дожидаясь издательский благосклонности

Активнее включайтесь в литературную жизнь!
Помните – вы будете пребывать в безвестности до той поры, пока Ваши произведения не будут опубликованы.
Лишь после факта публикации Ваши произведения ждёт слава

ВАЖЕН – САМ ФАКТ ПУБЛИКАЦИИ КНИГИ

Специалисты издательства «Остеон-фонд» помогут Вам подготовить Ваши книги к изданию.
После нашей допечатной подготовки и изготовления оригинал-макета Ваша книга может быть принята на любой типографии и напечатана любым тиражом

Гарантируем обеспечение Вашей книги редактурой и корректурой, рецензией, вступительной статьей, достойной обложкой, номером ISBN и штрих-кодом, дающим право продажи через книжные магазины.

Высылайте свои литературные опыты, стихи, прозу, критические статьи, живопись и графику по адресу:

ebooks@people-publishing.com